

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

3 (45)

2025

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5 «Мировая экономика» (экономические науки);
- 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии» (политические науки);
- 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования» (политические науки);
- 5.6.7 «История международных отношений и внешней политики» (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 1-е полугодие 2026 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук
Егоров В.Н. – заместитель главного редактора
Фаустова Н.А. – заместитель главного редактора, канд. филол. наук
Варфоломеев А.А. – канд. полит. наук
Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук
Зверева Т.В. – д-р полит. наук
Иванов О.П. – д-р полит. наук
Ишин А.В. – д-р ист. наук
Карпович О.Г. – д-р полит. наук, д-р юрид. наук
Конопляник А.А. – д-р экон. наук
Косов Г.В. – д-р полит. наук
Липкин М.А. – д-р ист. наук
Мастепанов А.М. – д-р экон. наук
Неймарк М.А. – д-р ист. наук
Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук
Пашенцев Е.Н. – д-р ист. наук
Сидорова Л.Н. – канд. полит. наук
Ткаченко М.Ф. – д-р экон. наук
Усманов Р.Х. – д-р полит. наук
Цвык В.А. – д-р филос. наук
Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г. Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Тимакова О.А.</i> Вопрос распределения бремени в отношениях стран – членов НАТО: перспективы повестки дня альянса при Д. Трампе.	6
<i>Назирмадов А.Б.</i> Развитие двусторонних отношений между США и Катаром при администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена: анализ основных тенденций и динамика взаимодействия.	19
<i>Мозлов А.Т., Галимзянова А.К.</i> Столетие Турции: итоги и перспективы	38
<i>Ван Цунюэ.</i> Инициатива «Один пояс, один путь» в контексте двустороннего российско-китайского сотрудничества	52

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Гаджиев М.М.</i> Принудительная дипломатия США в отношении Панамского канала и Гренландии	73
<i>Макоева Д.В.</i> Катар в оборонной политике США: основные этапы и стратегические документы.	84
<i>Шляхтунов А.Г., Зуева П.А.</i> Реализация внешней политики Федеративной Республики Германия в 2020–2024 гг.: изменение подходов	104
<i>Комаров Н.А.</i> Евразийская интеграция: проблемы развития и расширения	123
<i>Садыхов А., Беяшов А.В.</i> Новые возможности для российских экспортеров на рынке Ближнего Востока и Северной Африки.	141

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Малето Е.А.</i> Персидские купцы на Нижегородской ярмарке в освещении советской и зарубежной прессы 1920-х гг. XX столетия	161
<i>Рахматуллин Ш.Д.</i> Развитие системы образования в Республике Уганда: история становления и новые вызовы.	186

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Карпович О.Г., Стриханов М.Н.</i> Основные приоритеты развития высшего образования в России	208
<i>Колосова И.В.</i> Каспийско-Черноморская трубопроводная архитектура.	224

К сведению авторов	235
-------------------------------------	-----

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal "The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World" is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021) in the following specialties:

- 5.2.5 "World economy" (economic sciences);
- 5.5.2 "Political institutions, Processes and Technologies" (political science);
- 5.5.4 "International relations, Global and Regional studies" (political science);
- 5.6.7 "The history of international relations and foreign policy" (historical science).

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal "The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia" may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue "Press of Russia. Newspapers and Journals" for the 1st half of 2026 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author's interpretation. The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)
Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief
Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)
Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)
Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)
Tatiana Zvereva, DSc (Political Science)
Oleg Ivanov, DSc (Political Science)
Andrey Ishin, DSc (History)
Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)
Andrey Konoplyanik, DSc (Economics)
Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)
Mikhail Lipkin, DSc (History)
Alexey Mastepanov, DSc (Economics)
Mark Neimark, DSc (History)
Adelina Nogmova, PhD (Political Science)
Evgeny Pashentcev, DSc (History)
Lidiia Sidorova, PhD (Political Science)
Marina Tkachenko, DSc (Economics)
Rafik Usmanov, DSc (Political Science)
Vladimir Tsyvk, DSc (Philosophy)
Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021,
Russia Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia,
53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Olga Timakova</i> . Burden-Sharing Issue in NATO Member-States' Relations: Alliance Agenda Perspectives Under D. Trump.	6
<i>Akobir Nazirmadov</i> . Development of Bilateral Relations Between the USA and Qatar Under the Administrations of D. Trump and J. Biden: Analysis of Key Trends and Dynamics of Interaction.	19
<i>Aslambek Mozloev, Albina Galimzyanova</i> . Century of Türkiye: Results and Prospects	38
<i>Wang Congyue</i> . The "One Belt, One Road" Initiative in the Context of Bilateral Russian-Chinese Cooperation.	52

REGIONAL PROBLEMS

<i>Magomedemin Gadzhiev</i> . U.S. Forced Diplomacy in the Panama Canal and Greenland.	73
<i>Dzerassa Makoeva</i> . Qatar in U.S. Defense Policy: Main Stages and Strategic Documents	84
<i>Andrey Shlyakhtunov, Polina Zueva</i> . Implementation of the Foreign Policy of the Federal Republic of Germany in 2020–2024: Changing Approaches	104
<i>Nikita Komarov</i> . Eurasian Integration: Problems of Development and Expansion	123
<i>Azer Sadykhov, Alexander Belyashov</i> . New Opportunities for Russian Exporters in the Middle East and North Africa Market	141

HISTORY AND RELIGION

<i>Elena Malety</i> . Persian Mercants at the Nizhny Novgorod Fair in the Coverage of the Soviet and Foreign Press of the 1920s of the Twentieth Century	161
<i>Shamil Rakhmatullin</i> . Development of the Education System in the Republic of Uganda: The History of Formation and New Challenges	186

ACADEMIC LIFE

<i>Oleg Karpovich, Mikhail Strikhanov</i> . The Main Priorities for the Development of Higher Education in Russia	208
<i>Irina Kolosova</i> . Caspian – Black Sea Pipeline Architecture	224

Notice to the authors	235
--	-----

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тимакова Ольга Александровна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Olga A. Timakova,

Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: o.timakova@dipacademy.ru

ВОПРОС РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БРЕМЕНИ В ОТНОШЕНИЯХ СТРАН – ЧЛЕНОВ НАТО: ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЕСТКИ ДНЯ АЛЬЯНСА ПРИ Д. ТРАМПЕ

BURDEN-SHARING ISSUE IN NATO MEMBER-STATES' RELATIONS: ALLIANCE AGENDA PERSPECTIVES UNDER D. TRUMP

Аннотация: статья посвящена анализу противоречий между странами – членами НАТО, связанных с распределением бремени внутри альянса, а также различиям в их стратегических приоритетах и целях. Европейские государства демонстрируют значительный разрыв в потенциале, а их расходы зачастую неэффективны. Политика Д. Трампа акцентирует не только с финансовые, но и стратегические, а также ценностные противоречия между союзниками, ставя под вопрос проблемы трансформации альянса и европейского интеграционного проекта. Выявлены разногласия между США и ЕС в восприятии угроз, особенно относительно Китая, что усугубляет кризис отношений внутри НАТО.

Ключевые слова: НАТО, США, Европейский союз, безопасность, Китай.

Abstract: the article analyzes the contradictions between NATO member countries related to the division of burdens within the alliance, as well as the differences in their strategic priorities and goals. European countries demonstrate a significant gap in their capabilities, and their spending is often inefficient. Donald Trump's policies highlight not only financial but also strategic and value-based differences between allies, raising questions about the transformation of the alliance and the European integration project. There are disagreements between the United States and the European Union regarding the perception of threats, particularly regarding China, which exacerbates the crisis in NATO relations.

Key words: NATO, USA, European Union, security, China.

Введение

Трансатлантическое пространство является наиболее интегрированным регионом в сферах политики, экономики и безопасности. Институциональная архитектура безопасности Евро-Атлантического региона базируется на Организации Североатлантического договора — одной из старейших международных военно-политических организаций. На ее основе создан так называемый Атлантический порядок — глобальная система, опирающаяся на правила и либеральные ценности при гегемонистском лидерстве США [29].

Одновременно с этим отношения между США и странами Европы на протяжении десятилетий характеризуются сложным сочетанием динамики сотрудничества и конкуренции: между странами-членами регулярно возникают споры и разногласия. Однако кризисные тенденции в трансатлантических отношениях, проявляющиеся с 2017 года, являются особенно значительными.

За время своей политической карьеры Д. Трамп неоднократно подчеркивал, что расходы США на поддержание НАТО перевешивают выгоды. В его первый срок президентства особенно сильно обострились противоречия между странами НАТО: на повестку дня были вынесены вопросы, связанные со справедливым распределением бремени между союзниками. Страны – члены альянса стали демонстрировать всё большее расхождение во внешнеполитических приоритетах — заявления об их видении общей стратегической цели блока также стали различаться.

Намерение Д. Трампа отказаться от «неписаных правил и негласных установок» [33] в НАТО будет иметь решающее значение в условиях формирующегося мирового порядка. Подавляющее большинство официальных лиц в Европе подчеркивают, что трансатлантическая солидарность при сохранении такой политики Америки может быть разрушена. Для европейских стран нынешняя ситуация становится еще более значимой: в условиях многомерного кризиса, с которым сталкиваются как отдельные страны региона, так и Европейский союз в целом, сильный внешний шок, например значительное уменьшение присутствия США в Европе, может привести к дестабилизации всей архитектуры европейской безопасности.

Распределение бремени и потенциал коллективных действий

Коренной конфликт между Д. Трампом и руководством европейских стран – членов НАТО строится вокруг нескольких позиций. Во-первых, поднимается вопрос об актуальности альянса и соответствии потенциала организации действительной международной ситуации. Во-вторых, Д. Трамп обвиняет европейские страны в эксплуатации ресурсов США и ставит обязательства коллективной обороны в прямую зависимость от финансовых обязательств союзников [8]. Президент США настаивает на том, что государства Европы — «безбилетники»: они готовы пользоваться преимуществами, представляемыми альянсом, но не готовы сами вкладывать ресурсы в ее достижение.

Всё это вместе сводится к вопросу о справедливом распределении бремени между странами-членами. В классическом представлении в его рамках ставится вопрос о коллективных усилиях. В целом концепция распределения бремени охватывает весь спектр действий, связанных с сотрудничеством в рамках НАТО, таким образом, внимание обращается не только на распределение расходов на оборону, но и на суммарный вклад стран в достижение общей цели.

В зависимости от международной ситуации специфический фокус нарратива о «разделении бремени» менялся в период после холодной войны. Например, в ряде случаев данная концепция подразумевала разделение ответственности за невоенный и нематериальный вклад в расширенную концепцию безопасности [44]. В частности, это связано с неопределенностью значимости союзников при реализации операций вне зоны ответственности альянса. Наиболее показательным является кейс компании в Афганистане. Даже в условиях, когда почти все страны – члены НАТО оказали помощь в проведении миссии в Афганистане, к коалиции желающих присоединилось даже большее число стран, не являющихся членами альянса. Более того, даже Россия оказала логистическую поддержку [42]. Именно поэтому американское руководство и ставит под сомнение влияние фактора обязательств союзников по альянсу как решающего для реализации стратегии США.

С начала XXI века дискурс о распределении бремени стал всё чаще развиваться в нарративе порицания [7]. А с 2014 года он

сосредоточен только на индикаторе расходов на оборону. В целом Вашингтонский договор не упоминает «разделение бремени» именно в таких терминах. Однако дух закона может быть прослежен в статье 3, где указано, что союзники будут поддерживать и развивать свою индивидуальную и коллективную способность противостоять вооруженному нападению путем постоянной и эффективной самопомощи и взаимопомощи. Конкретных цифровых показателей по требуемым оборонным расходам на их реализацию в договоре не указано.

Финансовые противоречия не являются новым конфликтом внутри альянса, но именно последнее десятилетие характеризовалось беспрецедентным давлением со стороны США на европейские страны по этой проблеме [16]. Например, вопросы повышения расходов на оборону регулярно поднимались официальными лицами США и до прихода к власти Д. Трампа [6]. К примеру, в 2011 году министр обороны Р. Гейтс предсказывал «тусклое и мрачное будущее» НАТО, если союзники не увеличат расходы на собственную оборону [38]. Примечательно, что он обращал также внимание на изменение в стратегической культуре США, подчеркнув, что новые лидеры могут посчитать инвестиции в альянс нерентабельными, что и происходит при администрации Д. Трампа.

Финансирование оборонной сферы и НАТО можно разделить на две части: прямое и опосредованное. Прямое финансирование подразумевает общий бюджет организации. Отчисления в бюджет НАТО в целом составляют около 0,3% от общих оборонных расходов страны — суммарно 5,6 млрд евро в 2024 году. Информация о национальных вкладах в бюджет альянса не является полностью открытой, и оценки строятся на открытых совокупных данных макроэкономических показателей. Распределение доли расходов между союзниками определяется установленными правилами, в том числе исходя из экономических показателей развития стран. Хотя экономическая мощь Соединенных Штатов покрывает почти 40% от всех экономических показателей Евро-Атлантики, по соглашению процент расходов США был установлен пропорционально вкладу Германии — на уровне 15,9% [22].

Национальные расходы на оборону являются опосредованным вкладом в общую обороноспособность организации и подразуме-

вают поддержание и модернизацию национальных вооруженных сил в соответствии с установленными в альянсе целевыми показателями общего потенциала.

На данный момент официальные лица НАТО заявили, что 23 из 32 государств – членов альянса достигли целевого показателя в 2% в 2024 году. Этот год стал первым, в котором совокупные расходы европейских союзников превысят 2% от их совокупного ВВП [30]. По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира, в 2023 году расходы на оборону в европейских странах – членах НАТО выросли на 19%, увеличившись в общей сложности на 78 млрд долл. [41].

Как и многие международные эксперты, российские аналитики аргументируют, что целевой показатель военных затрат в 2% ВВП не отражает реального вклада союзников в трансатлантическую безопасность [1]. Безусловно, выбор единого ориентира — 2% от ВВП на оборонные расходы — облегчает процесс сравнения вклада союзников в реализацию общей цели, однако же он одновременно упрощает интегративный показатель, который включает в себя многочисленные факторы. Более того, он не может дать представление об эффективности расходов, о готовности войск, об уровне оснащения и модернизации, об оперативной совместимости и о приоритетных возможностях. Растущий разрыв в военном потенциале — это одна из самых давних и насущных проблем в трансатлантических отношениях.

Критическое отношение Д. Трампа к европейским союзникам по альянсу исходит из его сомнений не только в политической готовности оказывать поддержку Америке, но и в ресурсно-материальной готовности и возможности вносить значимый и эффективный вклад [24]. Российские исследователи полагают, что представления Трампа о НАТО, сформировавшиеся еще в XX веке, в начале XXI века вполне соответствовали реальному положению дел в альянсе. Они приходят к выводу, что «проблема НАТО — не в добавке долей процентов европейскими странами в свои военные расходы, а в отсутствии эффективного военного планирования сил на высшем уровне, в выборе неправильной стратегии и неверных приоритетов, невозможности качественно учесть потенциал противника, неспособности найти правильную военную “специализацию” стран – членов альянса и т.д.» [1].

Индикаторы, определяющие национальный вклад в разделение бремени, зависят от национальных приоритетов, поэтому представляемые рейтинги являются поводом для противоречий между союзниками. Основная критика сосредоточена на странах, не выполняющих требуемые обязательства [37]. Качественный анализ расходов на оборону становится важнее для определения вклада союзников, чем простые числовые критерии. Например, с 2015 года Франция и Германия увеличили численность своих войск на один батальон каждая, а Великобритания сократила пять батальонов [14]. В частности, часто цитируются данные американских экспертов [35], которые объясняют, что затраты на оборону могут расходоваться абсолютно по-разному, например Бельгия тратит 30% своего оборонного бюджета на пенсии. Также, оценивая вклад союзников в операцию в Афганистане, сравниваются Дания и Греция, где Копенгаген, даже при общих расходах на оборону в 1,2% ВВП, участвовал в кампании альянса намного эффективнее, чем Афины, чей показатель по оборонным тратам превышает 2% ВВП.

В общей сложности, потенциал стран Европы существенно ниже среднего показателя по НАТО [36]. Европейские страны альянса не обладают тем, что называется стратегическими средствами [9]: возможностями по переброске сил по воздуху, средствами воздушной дозаправки, стратегическими бомбардировщиками, высокоточным оружием и системами противовоздушной обороны. В условиях жесткой финансовой экономии в Европе они, кроме того, не могут позволить себе их разработать и приобрести в необходимых количествах. Все эти мощности предоставляются Соединенными Штатами.

В 2024 году страны альянса согласовали новые региональные оборонные планы, которые будут предполагать бо льшую интеграцию и вовлечение потенциала стран Европы — количество целевых показателей, которые должны будут закрывать европейские союзники, увеличится на 1/3 [43]. Однако официальные лица США полагают, что европейцы могут не реализовать их, как уже было на предыдущих этапах стратегического планирования [14]. В частности, в рамках европейской инициативы противовоздушной обороны «Небесный щит» (Sky shield) под руководством Германии результаты достигают только 5% от заявленных целей [21].

Разногласия и противоречия внутри альянса

Еще во время первого срока Д. Трампа распространились дискуссии о будущем трансатлантического пространства. Исследователи, которые не разделяли пессимистичный взгляд на перспективы единства в НАТО, настаивали [11], что трансатлантическая солидарность устойчива и не может быть разрушена политикой одного президента: расхождение в интересах закономерно и отражает динамику демократического политического процесса [40]. Обоснованным будет также утверждение, что суждения о хрупкости связей внутри альянса сопутствовали его развитию на протяжении десятилетий.

Надежность обязательств Соединенных Штатов многократно ставилась под сомнение в истории альянса и приводила к кризисам доверия [26; 32]. Однако долгое время между США и странами Европы сохранялось взаимопонимание и признание ключевых оснований сложившегося статус-кво. Таким образом, сам факт существования НАТО проистекает из двух принципов глобальной стратегии США: недопустимости укрепления в Европе другой мощной державы, потенциально враждебной Америке, и, в связи с этим, необходимости постоянного военного присутствия в регионе [13]. Более того, европейское пространство чрезвычайно важно для сохранения глобального статуса Америки и проецирования мощи на сопредельные регионы. НАТО имеет значимую символическую роль, представляясь главным знаком гегемонии США. Сеть альянсов — это ключевое сравнительное преимущество США по сравнению с другими глобальными и региональными державами. В то же время многие официальные лица в США, в первую очередь Д. Трамп, исходят из предположения, что возможно радикально сократить обязательства перед НАТО и европейскими союзниками и не поставить под угрозу стратегические позиции Америки в Европе [15]. Тем не менее существует вероятность, что отказ США от поддержки своих союзников или большая независимость союзников от США окажут негативный эффект на геополитический статус Америки.

Среди преимуществ, которые получают европейские страны от участия в НАТО, стоит назвать [4] поддержку одной из самых могущественных держав мира, доступ к военным технологиям США, экономическое развитие благодаря созданию новых рабочих мест и механизм разрешения споров. Уточняя последний пункт,

необходимо отметить, что альянс продемонстрировал значительный интеграционный потенциал для консолидации европейского пространства: страны ЕС показали высокую степень устойчивости к межгосударственным противоречиям, в том числе благодаря сглаживанию этих разногласий.

Прочные политические и социальные связи являются основой в том числе для экономического сотрудничества между континентами, ведь Европа остается главным экономическим партнером США. Российские эксперты критично оценивают современную дискуссию о торговых отношениях США и ЕС, указывая, что «истинные размеры и балансы торговли с более значительным перевесом Соединенных Штатов видны с учетом деятельности филиалов на территории друг друга: продажи филиалов США на территории ЕС заметно превышают продажи филиалов ЕС в США, составляя 3,8 и 3,1 трлн долл. соответственно» [3].

Тем не менее за три десятилетия после окончания холодной войны общее пространство угроз безопасности странам – членам НАТО начало размываться. Страны стали всё менее способны к компромиссу, а восприятие угроз оказалось всё более различным. Не будет преувеличением сказать, что США и страны Европы расходятся также в понимании общей стратегической цели блока. Соединенные Штаты всё больший акцент делают на необходимости противодействия Китаю. Европейское пространство становится второстепенным регионом для Америки и рассматривается только через призму преимуществ в реализации их Индо-Тихоокеанской стратегии [39].

Даже широкая кампания в СМИ в поддержку украинского конфликта не смогла переориентировать США обратно на Европу: Китай всё также сохраняет позицию «главного соперника» Америки. Советники по обороне Д. Трампа подчеркивают значимость решения этого вопроса — для США Китай позиционируется как главная угроза, и военные ресурсы Вашингтона должны быть сконцентрированы именно на сдерживании КНР.

Причем действия и намерения США могут служить признанием Америкой ограниченности собственных ресурсов и невозможности вести активные боевые действия сразу на двух театрах военных действий [25; 28]. Поэтому США необходима поддержка союзников для конкуренции с Китаем.

Соединенные Штаты исходят из предположения, что их участие в украинской кампании должно гарантировать готовность европейских союзников противодействовать Китаю. По крайней мере, на словах такая готовность странами Европы высказывается [20]. Однако многие европейские политики неоднократно подчеркивали, что не разделяют однозначное восприятие Китая как угрозы. Тем не менее в условиях зависимости европейских стран от Америки в вопросе безопасности самостоятельная стратегия в отношении Китая может оказаться недостижимой.

Ожидается, что подход Д. Трампа к привлечению европейских союзников к торговой войне с Китаем станет еще более агрессивным. Предполагается, что он расширит меры по давлению и принуждению европейских стран — Д. Трамп будет более жестко требовать от стран Европы введения ограничений на экспорт в Китай, в первую очередь всего, что касается производства полупроводников. Для этой цели может быть применен весь спектр экономических мер принуждения — санкции, вторичные санкции и т.д. Руководство европейских стран опасается, что Д. Трамп будет использовать меры усиления внутренних противоречий между странами Европейского региона через экономические механизмы для достижения своих целей [17].

Среди таких действий, которые уже предпринимал Д. Трамп, можно назвать, например, американское давление, проявляющееся в ограничениях, которые ввели европейские страны против участия китайской корпорации «Huawei» в развитии цифровой инфраструктуры Европы [18]. Российские эксперты подчеркивают, что «европейцы в целом проводят раздражающую США торговую политику, которая включает Механизм регулирования углеродных границ ЕС (Carbon Border Adjustment Mechanism — CBAM), поставки в КНР оборудования голландской фирмы ASML для производства чипов, цифровой налог на мегакорпорации и т.п.» [2]. В частности, вице-президент Дж.Д. Вэнс прямо связал поддержку альянса с цифровой политикой ЕС по регулированию деятельности корпорации X — социальной сети, принадлежащей И. Маску [31].

Текущие геополитические условия гарантируют, что страны Европы не смогут сохранить прочные торговые отношения и с США, и с Китаем. В лучшем случае ЕС сможет избежать ухудшения свя-

зей с обоими партнерами. Еврокомиссия уже заявила о подготовке новой Стратегии экономической безопасности [19]. Хотя руководство ЕС и стремится консолидировать страны ЕС в области экспортного контроля в отношениях с Америкой, страны-члены не достигли консенсуса и не выразили готовность передать на наднациональный уровень принятие решений в таких областях, как экспортный контроль и проверка инвестиций.

Европейские аналитики призывают страны ЕС к «умиротворению» США. Одни предлагают, например, новые объемы оборонного бюджета потратить на расширение закупок американского оружия [10]. Другие призывают увеличить закупки сжиженного природного газа и сои [23]. Эксперты ЕС предлагают также нарастить двустороннюю торговлю между сторонами, углубить сотрудничество в сфере экономической безопасности, в том числе в рамках G7, интегрировав туда двух других союзников США — Японию и Южную Корею.

Предполагается, что можно будет наблюдать три стратегии политики европейских стран НАТО. Одни будут консолидироваться с США независимо от издержек, которые от них потребуются, стремясь таким образом обеспечить себе поддержку Америки. Другие будут демонстративно противостоять Д. Трампу. Вероятнее всего, такую позицию могут занять самые мощные страны ЕС — Германия и Франция. Третья группа стран попытается не вступать в конфронтацию «в надежде, что внимание Президента США будет обращено не на них» [12].

В случае если европейские страны захотят развивать более тесные двусторонние отношения в сфере безопасности с Соединенными Штатами, это может привести к сбоям в функционировании альянса как многосторонней структуры. Отдельные особые отношения с США будут подрывать также способность Евросоюза к единым согласованным решениям [27; 37]. Европейские государства могут быть более заинтересованы в отстаивании своих национальных интересов, а не интересов интеграционной группы, особенно если под угрозой окажутся гарантии безопасности Америки. Таким образом, страны Европы будут не в состоянии объединиться в ответ на внешнюю угрозу общеевропейской солидарности.

Заключение

Нынешний кризис в трансатлантических отношениях не является первым в истории. Утверждения, что Д. Трамп стал первым Президентом США, который открыто поставил под сомнение гарантии безопасности со стороны Америки, также не соответствуют действительности [5]. Тем не менее сплоченность альянса стала подвергаться сомнению, что не могло не сказаться на отношениях между странами-членами. Национализм в Соединенных Штатах стимулирует стратегию одиночных действий [34] — с начала XXI века США уже доказали, что они готовы действовать независимо и создавать альтернативные ad hoc альянсы — «коалиции желающих» — в случае неуступчивости со стороны европейских стран.

Второе президентство Д. Трампа для Европы станет переломным моментом. Наблюдаемый кризис отношений между США и европейскими государствами стал следствием усиливающихся противоречий в их целях, ценностях и интересах. Под вопросом оказались не только будущее многосторонних соглашений и организаций, но сами нормы и ценности трансатлантических отношений, на которых построен мировой порядок, основанный на правилах.

В свою очередь, европейские страны находятся в ситуации, когда они вряд ли смогут заменить гарантии и привилегии США другим государством или собственными силами. Данная ситуация воспринимается как экзистенциальная угроза для будущего не только трансатлантического объединения, но и европейского интеграционного проекта и отдельных стран-членов. Комбинация всех перечисленных факторов и проблем позволяет нам утверждать, что трансатлантические отношения находятся на пороге самой серьезной перетрансформации с момента окончания Второй мировой войны.

Литература

1. Голуб Ю., Шенин С. Дональд Трамп и европейские союзники: американские эксперты о судьбе НАТО // Современная Европа. — 2021. — № 1. — С. 5–15.
2. Голуб Ю., Шенин С. Трансатлантические отношения в восприятии американской властной элиты: экономический аспект // Современная Европа. — 2024. — № 3. — С. 111–124.
3. Кондратьева Н.Б. Трансатлантические экономические отношения на перепутье // Современная Европа. — 2024. — № 6. — С. 89–99.
4. Тимакова О.А. Дорожная карта укрепления безопасности и обороны Европы: перспективы реализации «Стратегического компаса» ЕС // Проблемы постсоветского пространства. — 2022. — Т. 9, № 2. — С. 151–167.

5. *Тимакова О.А.* Новый этап трансформации НАТО // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2017. — № 4 (14). — С. 35–41.
6. *Тимакова О.А.* Политика администрации Дж. Байдена в отношении НАТО // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2021. — № 1 (27). — С. 139–152.
7. *Becker J., et al.* Transatlantic Shakedown: Presidential Shaming and NATO Burden sharing // *Journal of Conflict Resolution*. — 2023. — No. 68 (2–3). — P. 195–229.
8. *Benitez J.* U.S. NATO policy in the age of Trump: Controversy and consistency // *The Fletcher Forum of World Affairs*. — 2019. — No. 43 (1). — P. 179–200.
9. *Biscop S.* EU-NATO Relations: A Long-Term Perspective // Egmont. — 20.11.2018. — URL: <https://www.egmontinstitute.be/eu-nato-relations-a-long-term-perspective/> (accessed: 25.04.2025).
10. *Bohrn B., Walkenhorst P.* Trump 2.0: What is at Stake for Europe and Germany // Bertelsmann Stiftung. — 31.10.2024. — URL: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/en/our-projects/sovereign-europe/project-news/trump-20-what-is-at-stake-for-europe-and-germany> (accessed: 25.04.2025).
11. *Boller F.* A Breakdown of Trust: Trump, Europe and the Transatlantic Security Community // Mobilization, Representation, and Responsiveness in the American Democracy / ed. by Michael T. Oswald. — L.: Palgrave Macmillan, 2020. — P. 301–319.
12. *Bond I.* Trump is back, worse than last time. Is Europe ready? / Centre for European Reform. — 11.02.2025. — URL: <https://www.cer.eu/insights/trump-back-worse-last-time-europe-ready> (accessed: 25.04.2025).
13. *Brooks S.G., Wohlforth W.* America abroad: the United States' global role in the 21st century. — N.Y.: Oxford University Press, 2016. — 288 p.
14. Can Europe Defend Itself Without America? // *The Economist*. — 18.02.2024. — URL: <https://www.economist.com/briefing/2024/02/18/can-europe-defend-itself-without-america> (accessed: 25.04.2025).
15. *Cooley A., Nexon D.* Trump's Antiliberal Order. How America First Undercuts America's Advantage // *Foreign Affairs*. — 2025. — Vol. 104, No. 1. — P. 17–35.
16. *Desmaele L.* Burden Sharing for What? NATO Implications of Three US Visions // *The Washington Quarterly*. — 2024. — No. 47 (4). — P. 427–437.
17. *Emmanouilidis J.A., Zuleeg F.* Europe's next watershed — how liberal Europe should react to Trump 2.0 // European Policy Centre. — 09.01.2025. — URL: https://epc.eu/content/Europes_Next_Watershed.pdf (accessed: 25.04.2025).
18. *Emmont R.* U.S. renews pressure on Europe to ditch Huawei in new networks // Reuters. — 29.09.2020. — URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-huawei-tech-europe/us-renews-pressure-on-europe-to-ditch-huawei-in-new-networks-idUSKBN26K2MY/> (accessed: 25.04.2025).
19. European Commissioner for Trade and Economic Security, Maroš Šefčovič – Mission letter / European Commission. — 17.09.2024. — URL: https://commission.europa.eu/document/4047c277-f608-48d1-8800-dcf0405d76e8_en. (accessed: 25.04.2025).
20. *Ewers-Peters N.M.* Positioning member states in EU-NATO security cooperation: towards a typology // *European Security*. — 2023. — No. 32 (1). — P. 22–41.
21. *Foy H., Rathbone J.P.* NATO has just 5% of air defences needed to protect eastern flank // *Financial Times*. — 29.05.2024. — URL: <https://www.ft.com/content/5953405f-d91a-4598-8b6b-6345452ca328> (accessed: 25.04.2025).
22. Funding NATO / NATO. — 03.04.2025. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_67655.htm (accessed: 25.04.2025).
23. *García Bercero I., Mavroidis P.C., Sapir A.* How the European Union should respond to Trump's tariffs // Policy Brief 33/2024. Bruegel. — 2024. — URL: <https://www.bruegel.org/policy-brief/how-european-union-should-respond-trumps-tariffs> (accessed: 25.04.2025).
24. *Gilli A., Gilli M., Grgić G.* NATO, multi-domain operations and the future of the Atlantic Alliance // *Comparative Strategy*. — 2025. — No. 44 (1). — P. 73–91.
25. *Grygiel J., Wess Mitchell A.* US Strategy Should Be Europe First, Then Asia // *Foreign Policy*. — 06.09.2024. — URL: <https://foreignpolicy.com/2024/09/06/us-strategy-geopolitics-china-russia-europe-asia-threat/> (accessed: 25.04.2025).
26. *Hellmuth D.* Trust within NATO // *Living in an Age of Mistrust: An Interdisciplinary Study of Declining Trust and How to Get It Back* / ed. by Andrew I. Yeo and Matthew N. Green. — L.: Routledge, 2017. — P. 160–178.

27. *Henke M., Maher R.* The Populist Challenge to European Defense // *Journal of European Public Policy*. — 2021. — No. 28 (3). — P. 389–406.
28. *Hirsh M.* Trump's Plan for NATO Is Emerging // *Politico*. — 02.07.2024. — URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2024/07/02/nato-second-trump-term-00164517> (accessed: 25.04.2025).
29. *Ikenberry J.* Three Worlds: The West, East and South and the competition to shape global order // *International Affairs*. — 2024. — No. 100 (1). — P. 121–138.
30. Joint press conference with NATO Secretary General Jens Stoltenberg and US Secretary of State, Antony Blinken / NATO. — 18.06.2024. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_226794.htm (accessed: 25.04.2025).
31. *Kilander G.J.D.* Vance says US could drop support for NATO if Europe tries to regulate Elon Musk's platforms // *Independent*. — 17.09.2024. — URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/jd-vance-elon-musk-x-twitter-donald-trump-b2614525.html> (accessed: 25.04.2025).
32. *Laderman Ch.* With Trump's Return, the Transatlantic 'Great Debate' Resumes // *Survival*. — 2024. — No. 66 (6). — P. 7–16.
33. *Macmillan M.* Stress Test. Can a Troubled Order Survive a Disruptive Leader? // *Foreign Affairs*. — 2025. — No. 104 (1). — P. 5–16.
34. *McConnell M.* The Price of American Retreat // *Foreign Affairs*. — 2025. — No. 104 (1). — P. 176–189.
35. *Rathke J.* NATO: Measuring Results, not Dollars, in Transatlantic Security / CSIS. — 2018. — URL: <https://www.csis.org/analysis/nato-measuring-results-not-dollars-transatlantic-security> (accessed: 25.04.2025).
36. *Sandler T., Hartley K.* The Political Economy of NATO: Past, Present, and into the 21st Century. — N.Y.: Cambridge University Press, 1999. — 308 p.
37. *Schuette L.A.* Shaping institutional overlap: NATO's responses to EU security and defence initiatives since 2014 // *The British Journal of Politics and International Relations*. — 2023. — No. 25 (3). — P. 423–443.
38. *Shanker Th.* Defense Secretary Warns NATO of 'Dim' Future // *The New York Times*. — 10.06.2011. — URL: <https://www.nytimes.com/2011/06/11/world/europe/11gates.html> (accessed: 25.04.2025).
39. *Simon L., Desmaele L., Becker J.* Europe as a Secondary Theater? Competition with China and the Future of America's European Strategy // *Strategic Studies Quarterly*. — 2021. — No. 15 (1). — P. 90–115.
40. *Sinkkonen V., Vogt H.* Connected in Freedom? Reconstructing a Foundational Value in EU and US Foreign Policy Discourses // *Journal of Transatlantic Studies*. — 2019. — No. 17 (3). — P. 341–369.
41. SIPRI Military Expenditure Database / SIPRI. — URL: <https://www.sipri.org/databases/milex> (accessed: 25.04.2025).
42. *Stent A.E.* The Limits of Partnership: US-Russian Relations in the Twenty-First Century. — Princeton: Princeton University Press, 2014. — 408 p.
43. The NATO Washington Summit: Reinforcing NATO, supporting Ukraine, strengthening Europe / CEPS. — URL: <https://www.ceps.eu/ceps-events/the-nato-washington-summit-reinforcing-nato-supporting-ukraine-strengthening-europe/> (accessed: 25.04.2025).
44. *Thies W.J.* Why NATO Endures. — N.Y.: Cambridge University Press, 2009. — 334 p.

Назирмадов Акобир Баходурович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Akobir B. Nazirmadov,

Postgraduate Degree Student

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: akobir.nazirmadov@mail.ru

РАЗВИТИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ США И КАТАРОМ ПРИ АДМИНИСТРАЦИЯХ Д. ТРАМПА И ДЖ. БАЙДЕНА: АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ И ДИНАМИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

DEVELOPMENT OF BILATERAL RELATIONS BETWEEN THE USA AND QATAR UNDER THE ADMINISTRATIONS OF D. TRUMP AND J. BIDEN: ANALYSIS OF KEY TRENDS AND DYNAMICS OF INTERACTION

Аннотация: в статье рассматриваются особенности двустороннего диалога между США и Катаром при республиканских администрациях Д. Трампа и демократической администрации Дж. Байдена. Отношения между США и Катаром оказывают серьезное влияние на ближневосточные политические и экономические процессы. Катар — экономически развитое государство Персидского залива, на территории которого расположена крупнейшая военная база США в регионе. Являясь крупным региональным игроком, это государство обладает возможностями для проведения многовекторной внешней политики. США и Катар на протяжении последних десятилетий поддерживают устойчивые отношения, основанные на взаимных интересах в сферах безопасности и экономики. Однако с приходом к власти Д. Трампа в 2017 году Соединенные Штаты стали предпринимать неоднозначные внешнеполитические шаги, включая кампанию против Катара на фоне политического кризиса в Персидском заливе. После вступления Дж. Байдена в должность президента отношения были частично нормализованы, чему способствовало завершение блокады и присвоение Катару статуса основного союзника вне НАТО. Тем не менее Катар сохранил независимость внешнеполитического курса и не всегда поддерживал инициативы Байдена в энергетической сфере. Его роль посредника в палестино-израильском конфликте и контактах с «Талибаном» укрепила образ прагматичного партнера. Будущее двусторонних отношений зависит от приоритетов новой администрации Трампа и ее взаимодействия с Саудовской Аравией.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, США, Катар, Саудовская Аравия, блокада.

Abstract: the article examines the specifics of the bilateral dialogue between the United States and Qatar during Republican administrations of Donald Trump and the Democratic administration of Joe Biden. U.S.-Qatar relations have a significant impact on political and economic processes in the Middle East. Qatar is an economically developed state in the Persian

Gulf, hosting the largest U.S. military base in the region. As a major regional actor, it has the capacity to pursue a multi-vector foreign policy. The United States and Qatar have maintained stable relations over the past decades, based on mutual interests in the areas of security and economics. However, with Donald Trump's rise to power in 2017, the U.S. began to implement controversial foreign policy measures, including a campaign against Qatar amid the political crisis in the Gulf. Following Joe Biden's inauguration, relations were partially normalized, facilitated by the end of the blockade and Qatar's designation as a Major Non-NATO Ally. Nevertheless, Qatar preserved the independence of its foreign policy course and did not always support Biden's initiatives in the energy sector. Its role as a mediator in the Israeli-Palestinian conflict and in contacts with the Taliban further reinforced its image as a pragmatic partner. The future of bilateral relations will largely depend on the priorities of the new Trump administration and its approach to cooperation with Saudi Arabia.

Key words: foreign policy, diplomacy, USA, Qatar, Saudi Arabia, blockade.

Введение

Поддержание тесных рабочих отношений с Катаром является важной частью внешнеполитической повестки США на Ближнем Востоке. Наличие на его территории крупнейшей военной базы США в регионе делает эту страну важным стратегическим партнером Вашингтона. Тем не менее характер отношений между двумя странами во многом зависит от внутривнутриполитической и внешнеполитической конъюнктуры.

В период первого президентского срока Дональда Трампа, несмотря на стратегическую важность Катара (которая выражается в американском военном присутствии в стране, растущих экономических связях и т.д.), администрация поддержала кампанию стран Персидского залива, направленную против Дохи, что на определенное время охладило двусторонние связи. С приходом к власти Джо Байдена политический курс США претерпел изменения, что позволило сторонам частично восстановить и укрепить сотрудничество. Решение присвоить Катару статус основного союзника вне НАТО, а также общий интерес к поддержанию стабильности в регионе сыграли в этом процессе особое значение.

В то же время, несмотря на сближение с США, Катар продолжает проводить многовекторную внешнюю политику, стремясь сохранить независимость в принятии решений как в сфере безопасности, так и в вопросах энергетики. Изучение динамики американо-катарских отношений в контексте смены политических администраций США приобретает особую актуальность на фоне продолжающейся региональной нестабильности в Персидском заливе, вызванной, в частности, дипломатическими разногласиями между Катаром и соседними странами, а также потенциальными

изменениями в политике США после возвращения Дональда Трампа на президентский пост в 2025 году.

***Дипломатический кризис между Катаром
и арабскими монархиями Персидского залива
(2017–2021) и реакция США***

Для понимания особенностей американо-катарских отношений в период президентства Д. Трампа и Дж. Байдена необходимо учитывать региональный контекст, в рамках которого Катар оказался в центре масштабного дипломатического кризиса. Этот кризис стал отражением противоречий между странами Залива, в которых Катар занял особое положение, балансируя между стратегическим партнерством с США, прагматическим диалогом с Ираном и конфронтацией с рядом арабских монархий во главе с Саудовской Аравией.

Неформальная коалиция, возглавляемая Саудовской Аравией, обвинила Катар в спонсировании терроризма, налаживании тесных связей с Ираном и Турцией, а также в продвижении подрывной, с точки зрения Эр-Рияда, пропаганды через медиахолдинг «Аль-Джазира». Доха отвергла выдвинутые против нее обвинения [19], отметив участие в проамериканской коалиции, которая вела вооруженную борьбу против ИГИЛ¹. К тому же Катар отверг условия Саудовской Аравии, а именно разрыв с Ираном и Турцией, закрытие «Аль-Джазир» и де-факто возвращение в орбиту влияния Эр-Рияда [6]. В итоге в июне 2017 года Саудовская Аравия и ее союзники разорвали дипломатические отношения с Катаром [11].

Введенные ограничения сильно сказались на Катаре. Саудовская Аравия и другие государства, разорвавшие отношения с ним, запретили последнему использовать свое воздушное пространство, а Эр-Рияд и вовсе заблокировал единственную сухопутную границу Катара, нарушив логистические цепочки. В условиях блокады Катар столкнулся с острой необходимостью обеспечения продовольственной безопасности. В ответ на это Доха активизировала сотрудничество с Ираном и Турцией, что увеличило импорт продовольствия из этих стран и усилило политические связи.

Президент США в свою очередь приветствовал разрыв отношений между Катаром и рядом арабских государств, обвинив

¹ Данная организация признана террористической на территории РФ.

катарские власти в спонсировании террористических групп [7]. Следует отметить, что внешнеполитическая позиция Президента Трампа по данному вопросу отличалась значительно большей жесткостью по сравнению с более умеренным подходом тогдашнего государственного секретаря США Рекса Тиллерсона. В июне 2017 года Тиллерсон призвал Саудовскую Аравию и ее союзников смягчить режим блокады против Катарa [23], предупредив о гуманитарных последствиях и рисках для военных операций в Сирии и Афганистане, осуществляемых с использованием авиабазы «Аль-Удейд» в Катаре.

Если госсекретарь США больше говорил о деэскалации и возможности США взять на себя роль медиатора во время урегулирования данного кризиса, то Трамп фактически занял просаудовскую позицию, присоединившись к обвинениям против Катарa. Занятая Президентом США позиция могла серьезно ухудшить отношения с Катаром, что могло подорвать позиции Вашингтона в регионе.

Спустя всего сутки после заявлений Трампа Соединенные Штаты Америки объявили о продаже истребителей F-15 Катару [34]. Сумма сделки превысила 12 млрд долл. США. Выбор времени для объявления о заключении сделки неоднозначен, учитывая жесткие комментарии Трампа. На том этапе американская администрация фактически отказалась выступить в качестве посредника между сторонами конфликта во многом из-за позиции американского Президента. Тем не менее момент объявления сделки можно интерпретировать как попытку высокопоставленных чиновников из Пентагона и Госдепартамента несколько снизить уровень напряженности между США и Катаром в контексте дипломатического кризиса в Заливе, так как оба государства полагались на тесное двустороннее сотрудничество в оборонительной сфере, сформированное еще до Трампа.

К тому же, согласно мнению некоторых экспертов, приближенных к первой администрации Трампа, Рекс Тиллерсон был отправлен в отставку в 2018 году именно из-за его позиции по катарскому кризису [9]. Тогдашний госсекретарь США выступал за скорейшее разрешение дипломатического кризиса, понимая, что затянувшийся конфликт между союзниками США в регионе скорее ударит по позициям самих Соединенных Штатов. Власти

ОАЭ и Саудовской Аравии, с которыми у Трампа были выработаны более тесные рабочие связи, настояли на его отставке.

Отдельно необходимо рассмотреть позицию исследователей из Катара по данному вопросу. Независимый эксперт из Дохи Сауд Аль-Эшак и научный сотрудник Университета Квинс в Белфасте Амджед Рашид указывают на доминирующее положение США в регионе Персидского залива [27], что не могло не сказаться на внешнеполитическом подходе властей Катара. Авторы указывают на непоследовательность политики Трампа по отношению к Катару, который колебался между критикой Катара и укреплением военного сотрудничества. Причину такого подхода авторы видят в упрочении связей США с Саудовской Аравией и ОАЭ, так как эти государства рассматривают Катар в качестве геополитического конкурента в регионе. Тем не менее Аль-Эшак и Рашид исходили из того, что у Катара имелись возможности изменить позицию Трампа с помощью дипломатии и лоббизма в Конгрессе. В 2017 году Катар потратил 5 млн долл. США на лоббирование своих интересов — почти столько же, сколько за предыдущие пять лет [1, с. 195]. К тому же в июле 2017 года между Катаром и США был подписан Меморандум о взаимопонимании по борьбе с финансированием терроризма [20]. Министр иностранных дел Катара отметил, что подписание соглашения никак не связано с блокадой Катара, однако интенсификация переговоров между сторонами произошла после введения режима блокады и охлаждения отношений с США. Отдельно министр призвал Саудовскую Аравию и ее союзников подписать аналогичные документы, что стало и шагом к урегулированию, и инструментом давления на страны Залива. Их отказ от подписания аналогичных соглашений Доха могла бы представить как нежелание Саудовской Аравии и ее союзников усилить свои возможности по противодействию терроризму.

В апреле 2018 года, на фоне активных дипломатических усилий и лоббизма со стороны Катара, Президент Трамп серьезно смягчил свою позицию по отношению к Дохе. Важность Катара в качестве страны, на территории которой расположена крупнейшая на Ближнем Востоке военная база США, а также нежелание американских властей наблюдать сближение между Катаром и Ираном на фоне введенной блокады стали основными причинами для Трампа занять более нейтральную позицию и выступить скорее медиатором в кон-

фликте между Катаром и Саудовской Аравией и ее союзниками. В том же месяце эмир Катара Тамим бин Хамад Аль Тани встретился с Трампом в Вашингтоне, где американский Президент подчеркнул важность развития отношений между Катаром и США [8].

Тем не менее введенная блокада сказалась и на двусторонней торговле между США и Катаром. Если в 2017 году американский экспорт составлял 4,9 млрд долл. США, а в 2018 году — 6,1 млрд, то в 2019 году он снизился до 5,4 млрд долл. США во многом из-за нарушения логистических цепочек [16]. В 2020 году экспорт упал до 4 млрд долл., но это в основном было связано с пандемией коронавируса.

Однако, несмотря на смену риторики со стороны Трампа и его администрации, Соединенным Штатам так и не удалось относительно быстро разрешить спор между сторонами. Саудовская Аравия, продолжавшая военную кампанию в Йемене против поддерживаемого Ираном движения хуситов и позитивно воспринявшая выход Вашингтона из ядерного соглашения с Тегераном, сохраняла приверженность стратегии максимального давления на Иран, включая попытки ослабить его связи с Катаром.

Дипломатический конфликт был разрешен лишь в начале 2021 года, когда Эр-Рияд и его союзники согласились восстановить дипломатические отношения с Дохой, а 43-месячная блокада Катара была прекращена [15]. С января 2019 по ноябрь 2020 года тогдашний госсекретарь США М. Помпео посетил Катар четыре раза, где среди прочего обсуждался вопрос нормализации отношений между Катаром и Саудовской Аравией [21]. Вдобавок к этому Помпео вел переговоры и с саудовским руководством [13].

Особый интерес представляет временной контекст, в рамках которого Эр-Рияд принял решение инициировать процесс нормализации отношений. Несмотря на то что соглашение было формально заключено еще при первой администрации Дональда Трампа, ни сам 45-й президент США, ни его команда не сумели извлечь из этого события существенных политических выгод, так как официальное оформление нормализации отношений между Саудовской Аравией и Катаром произошло уже после дня голосования в США.

Это разнится с тем, как первая администрация Трампа на позднем этапе своего срока добилась подписания «Авраамических соглашений» между Израилем, с одной стороны, и ОАЭ с Бахрейн-

ном — с другой. Во время президентской гонки 2020 года республиканцы активно использовали их в качестве блестящей дипломатической победы администрации Трампа, что принесло ему поддержку части американских израильтян [29]. В случае же нормализации отношений между Саудовской Аравией и Катаром власти этих двух государств решили официально разрешить дипломатический кризис только после победы Байдена, несмотря на активную работу по разрешению кризиса в 2019–2020 годах, которую провела администрация Трампа. Некоторые эксперты сочли, что таким образом саудовские власти попытались наладить связи с демократической администрацией [24].

Кризис в Персидском заливе продемонстрировал не только глубину раскола внутри Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, но и ограниченность влияния США на своих союзников в регионе. Несмотря на тесное военно-стратегическое сотрудничество с Катаром, администрация Трампа изначально заняла сторону Эр-Рияда, что поставило под вопрос устойчивость партнерства. Тем не менее дипломатическая активность Дохи, своевременное налаживание гуманитарных связей с Ираном и Турцией, а также использование таких инструментов, как лоббизм, позволили Катару не только преодолеть изоляцию, но и укрепить свой статус самостоятельного игрока. В этом контексте конфликт стал поворотной точкой, подтвердившей, что Катар способен эффективно отстаивать суверенитет своей внешней политики даже в условиях давления со стороны как региональных держав, так и крупных внешних акторов. Этот опыт заложил основу нового формата взаимодействия с США и предопределил более сдержанный, прагматичный характер американо-катарских отношений в последующие годы.

Отношения между США и Катаром при первой администрации Д. Трампа

Если подробнее рассмотреть ближневосточную политику Трампа во время его первого срока, то он обещал переосмыслить внешнеполитический подход США в регионе, в том числе в вопросах, связанных с демонтажом договоренностей с Ираном по ядерной сделке, борьбой с ИГИЛ¹ и палестино-израильским урегулиро-

¹ Данная организация признана террористической на территории РФ.

ванием [31]. Для достижения поставленных задач первой администрации Трампа была важна поддержка со стороны арабских монархий Персидского залива, с которыми США традиционно поддерживали тесные связи. Тем не менее следует отметить, что администрация Дональда Трампа выстраивала ближневосточную политику, опираясь на отношения с Саудовской Аравией, рассматривая ее как ключевого регионального партнера среди арабских монархий Залива. Отношения между Катаром и Саудовской Аравией, в свою очередь, оставались довольно напряженными.

В мае 2017 года США заключили соглашение с Саудовской Аравией, согласно которому Вашингтон обязался поставить Эр-Рияду вооружение на сумму в 110 млрд долл. США [14]. Согласно официальному пресс-релизу Белого дома, решение предоставить этот пакет вооружений было принято ради обеспечения долгосрочной безопасности Саудовской Аравии и всего региона Персидского залива в условиях нарастающего влияния Ирана. Также стороны договорились нарастить экспорт американского оружия в Саудовскую Аравию в последующие 10 лет.

Как для Саудовской Аравии, так и для США одним из основных геополитических противников в регионе является Исламская Республика Иран. Для Эр-Рияда Иран представляет угрозу как страна с преимущественно шиитским населением, оказывающая влияние на ряд конфликтов в арабском мире — от Йемена до Ливана — благодаря обширной сети проиранских прокси-формирований. США, в свою очередь, воспринимают Иран как дестабилизирующий фактор, поддерживающий террористические организации и разрабатывающий ракетные и ядерные технологии. Дональд Трамп, серьезно критиковавший ядерную сделку с Ираном, начал оказывать на Тегеран серьезное давление. К тому же Саудовская Аравия, разорвавшая дипломатические отношения с Ираном в 2016 году и начавшая активную борьбу с проиранскими силами в Йемене, выступала против развития отношений между Дохой и Тегераном. В итоге кризис в Заливе стал вызовом для американо-катарских отношений.

На фоне нараставшего американо-иранского противостояния и углубляющегося раскола в лагере арабских монархий США оказались вовлечены в сложный дипломатический конфликт, в центре которого оказался Катар. Несмотря на стратегическое

партнерство с Вашингтоном, Доха столкнулась с беспрецедентным давлением со стороны своих региональных соседей, что неизбежно отразилось на восприятии Катара в Белом доме. Эти обстоятельства стали фоном для дальнейших попыток администрации Трампа интегрировать Катар в реализуемые США региональные проекты, в том числе в рамках инициативы по нормализации отношений с Израилем.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение попытки первой администрации Трампа убедить Катар заключить соглашение о нормализации отношений с Израилем. Осенью 2020 года ОАЭ и Бахрейн, а затем и Марокко с Суданом (подписал декларацию, но не двусторонние соглашения) заключили мирные соглашения с Израилем при активном посредничестве Трампа и его администрации [26]. Власти США не вели официальных переговоров с властями Катара по поводу возможности присоединения Дохи к данному формату соглашений, ограничившись неформальными обсуждениями во время визитов госсекретаря М. Рубио на территорию страны. Тем не менее в экспертных кругах обсуждалась возможность участия Катара в процессе нормализации отношений с Израилем. Некоторые аналитики, в том числе и Коби Майкл, старший научный сотрудник Института исследований национальной безопасности при Тель-Авивском университете, специализирующийся на палестино-израильском конфликте, предполагали, что США могут оказать серьезное давление на страны, которые ввели режим блокады против Катара, в целях снятия всех ограничений с Дохи в обмен на катаро-израильскую нормализацию отношений [12]. Несмотря на это, Катар так и не подписал «Авраамические соглашения» с Израилем, а министр иностранных дел этой страны Мухаммед бен Абдель Рахман Аль Тани подверг сами соглашения критике спустя год после образования данного формата, отметив, что они не внесли никакого вклада в разрешение конфликта на территории Палестины [2].

В конце 2020 года американские власти объявили об уходе контингента НАТО из Афганистана при посредничестве Катара [3]. Разрешив «Талибану» открыть свое представительство в Дохе в 2013 году, Катар предоставил площадку для переговоров, которые начались в 2018 году и интенсифицировались годом позже. В результате активного посредничества Катара между Соеди-

ненными Штатами и представителями движения «Талибан» было достигнуто соглашение, ознаменовавшее завершение американского военного присутствия в Афганистане.

Политика первой администрации Дональда Трампа в отношении Катара отличалась неоднозначностью и ситуативностью. Несмотря на сохраняющееся военно-политическое партнерство, Вашингтон не продемонстрировал ясного и стабильного подхода к отношениям с Дохой. На фоне обострения региональных противоречий и введенной против Катара блокады администрация Трампа не заняла четкой позиции, лавируя между поддержкой других традиционных союзников и необходимостью сохранения сотрудничества с Катаром. Попытки вовлечь Доху в «Авраамические соглашения» также не увенчались успехом, что подтвердило ограниченность рычагов влияния США на катарскую внешнюю политику, особенно в вопросах, касающихся Палестины и отношений с Израилем. Вместе с тем именно при Трампе Катар укрепил свои позиции как значимый медиатор, предоставив площадку для переговоров между США и представителями движения «Талибан» и поспособствовав завершению американской военной кампании в Афганистане. Эти факторы показали, что, несмотря на политические расхождения, Доха сохраняла для Вашингтона важность как прагматичный и гибкий партнер, способный играть уникальную роль в сложных региональных конфигурациях.

В совокупности эти факторы подчеркивают, что, несмотря на колебания американской внешней политики при Трампе в его первый президентский срок, Катар сумел сохранить конструктивный характер отношений с Соединенными Штатами и продемонстрировал высокий уровень адаптивности в условиях давления и нестабильности в регионе.

Развитие американо-катарских отношений при Президенте Дж. Байдене

В конце 2020 года Трамп потерпел поражение на президентских выборах, и власть перешла к новой демократической администрации во главе с Дж. Байденом. В разгар президентской гонки Байден активно критиковал внешнюю политику Трампа. В своей статье, посвященной месту США в мире, он призывал вернуться к внешнеполитическому курсу Обамы, который заключался

в поддержке демократии во всем мире и укреплении отношений с традиционными союзниками [4]. В числе приоритетных направлений Байден выделил проблемы, связанные с климатом, правами человека и демократическими ценностями. Ни Ближний Восток, ни Катар Байден в качестве приоритетов не выделял.

После завершения блокады и нормализации отношений с соседними арабскими странами Катар начал стремительно наращивать свое влияние в региональной политике. Одним из ключевых векторов внешнеполитической активности Дохи в постблокадный период стало углубление сотрудничества с Соединенными Штатами, особенно в условиях неоднозначного характера двусторонних отношений при администрации Трампа. Администрация Байдена, в свою очередь, стремилась не только укрепить военное и экономическое присутствие США в Катаре, но и использовать катарское направление в контексте расширения «Авраамических соглашений» — с расчетом на возможное вовлечение в них как Саудовской Аравии, так и самого Катара.

Показательна двусторонняя встреча в январе 2022 года между Президентом США Дж. Байденом и эмиром Катара Тамимом бин Хамадом Аль Тани, по итогам которой Катар получил статус основного союзника вне НАТО [22]. Этот статус позволяет странам участвовать в совместных инициативах и дополнительно получать различные типы вооружений.

Для Катара получение данного статуса стало серьезным прорывом, особенно на фоне обвинений со стороны Трампа и Саудовской Аравии, которые касались связей между Катаром и разными террористическими организациями. Администрация Байдена, в свою очередь, получила возможность продемонстрировать, что она ведет более многовекторную политику на Ближнем Востоке. Кроме того, благодаря выработанным во время блокады каналам диалога с Ираном Катар потенциально мог бы сыграть роль посредника в процессе восстановления ядерного соглашения с Тегераном, из которого Соединенные Штаты вышли в период администрации Трампа.

Данное решение, принятое администрацией Байдена, позволило США укрепить торгово-экономические связи с Катаром благодаря поставкам спутникового оборудования, систем связи и навигации, а также компонентов для аэрокосмической про-

мышленности. С 2021 по 2023 год экспорт США в Катар только возрастал (с 2,6 млрд долл. США в 2021 г. до 4,7 млрд долл. США в 2023 г.), а торговое сальдо, как и в прошлые годы, было для США положительным [33].

В ходе очередной эскалации палестино-израильского конфликта осенью 2023 года Соединенные Штаты предприняли попытку задействовать Катар в качестве посредника между Израилем и представителями движения ХАМАС, возлагая на него определенные надежды в вопросе урегулирования кризиса [25]. Обсуждалось освобождение израильских пленных в обмен на прекращение военной операции израильских сил на территории сектора Газа. Несмотря на то что Израиль и ХАМАС провели несколько раундов не прямых переговоров, к 2025 году соглашение о долгосрочном мире достигнуто не было. Тем не менее Катар продолжает участвовать в посреднических инициативах, рассматривая их как вклад в региональное урегулирование и одновременно как инструмент укрепления собственной дипломатической значимости [18].

Байден сумел несколько улучшить политические отношения с Катаром после их охлаждения при его предшественнике. В то же время нельзя утверждать, что американо-катарские отношения при демократической администрации сумели выйти на кардинально иной уровень. Внешнеполитический фокус администрации Байдена был направлен на другие вызовы, в том числе касающиеся возможности сдерживания России и Китая, поддержки европейских союзников и демократических, с точки зрения Вашингтона, режимов по всему миру. Взаимодействие между США и Катаром при Байдене оставалось прагматичным, при котором обе стороны сосредоточились на достижении минимально необходимого уровня сотрудничества, обеспечивающего реализацию их интересов. США удалось увеличить объемы экспорта, включая поставки вооружений, одновременно посылая Саудовской Аравии о стремлении к более диверсифицированной политике в регионе, предполагающей частичное дистанцирование от прежней опоры на Эр-Рияд. Катар, со своей стороны, использовал взаимодействие с администрацией Байдена для укрепления своих позиций на региональном уровне, что для него было особенно важно в пост-блокадный период.

Американо-катарские отношения в первые месяцы новой администрации Трампа

На фоне возвращения Д. Трампа на пост президента США в 2025 году региональный контекст Ближнего Востока значительно обострился. Это потребовало от ключевых акторов, включая Катар, переосмысления своей роли в системе безопасности и дипломатического посредничества, особенно на фоне эскалации ирано-израильского конфликта и роста напряженности в американо-иранских отношениях.

Однако обострению ситуации в регионе предшествовало ближневосточное турне Трампа, в рамках которого действующий американский Президент посетил Саудовскую Аравию, Катар и ОАЭ. Эти поездки стали первыми поездками международного характера для Трампа во время его второй президентской каденции, что можно интерпретировать как желание американского Президента продемонстрировать то, что Ближний Восток сохраняет свое важное геополитическое значение для республиканской администрации.

Что касается соглашений между США и Катаром, заключенных во время поездки Трампа, то необходимо выделить крупнейшую в истории компании «Boeing» сделку по поставке широкофюзеляжных самолетов. Boeing и Qatar Airways договорились о поставке в Доху сразу 210 самолетов с возможностью дополнительной поставки еще 50 бортов [5]. Само соглашение было подписано при присутствии глав США и Катара, что должно было продемонстрировать явное улучшение политико-экономических отношений между сторонами.

Вдобавок к этой сделке Трамп во время своего визита добился подписания крупного военного контракта по продаже Катару дронов MQ9B (Reaper), а также боеприпасов и различных спутниковых систем на сумму в 2 млрд долл. США [30]. В рамках другого пакета Доха согласилась также закупить стационарные системы противодействия небольшим беспилотникам FSLIDS, став первой страной в регионе, поставившей эти системы на вооружение.

Продажа вооружений подобного рода во многом стала возможной благодаря включению Катара в список основных союзников вне НАТО, что было сделано еще при администрации Байдена. Тем не менее, несмотря на не самые маленькие суммы контрактов, эти

сделки были заключены скорее в качестве основы для дальнейших, более крупных контрактов по данным типам вооружений.

Одним из наиболее обсуждаемых эпизодов американо-катарского взаимодействия в начале второго срока Д. Трампа стала передача Катаром самолета Boeing 747 [32], вызвавшая широкий общественный резонанс в США. Несмотря на заверения Белого дома о законности сделки и соблюдении всех федеральных процедур, сам факт «подарка» был воспринят неоднозначно. Американская сторона приняла передачу борта и приступила к его модернизации. Критики данного решения действующей администрации ссылаются как на запрет получения президентом подарков от иностранных государств без одобрения Конгрессом, так и на то, что передача такого дорогостоящего актива Трампу может быть охарактеризована как попытка Катара наладить отношения с новой администрацией благодаря щедрым личным жестам.

Еще во время своего нахождения в Дохе в рамках ближневосточного турне Трамп призвал Катар помочь в снижении напряженности в американо-иранских отношениях [28]. При новой республиканской администрации тема иранской ядерной программы вновь заметно активизировалась, хотя именно во время первого срока Трампа США вышли из ядерной сделки с Ираном. Несмотря на несколько раундов переговоров с иранской стороной при посредничестве Омана, стороны так и не достигли какого-либо соглашения.

На фоне фактического провала переговоров между США и Ираном Израиль, считающий иранскую ядерную и ракетную программы угрозой для себя, нанес ряд ударов по иранским объектам и развязал так называемую двенадцатидневную войну. Иран ответил на удары по своей территории, начав обстрелы военных объектов на территории Израиля.

На определенном этапе эскалации ирано-израильского конфликта Трамп и его администрация начали рассматривать возможность нанесения удара по ядерным объектам Ирана, включая завод по обогащению урана в Фордо. Выступая в поддержку Израиля, Трамп всё же решил нанести удар по Ирану, что и было исполнено в ночь на 22 июня 2025 года. Иран, в свою очередь, нанес ответный удар по крупнейшей американской базе в регионе «Аль-Удейд», которая расположена на территории Катара.

На протяжении всей горячей фазы конфликта Доха выполняла роль посредника между сторонами, в чем были заинтересованы как Соединенные Штаты, так и Иран. Еще за неделю до американских ударов по ядерным объектам Ирана Тегеран призывал Вашингтон оказать давление на Израиль с целью прекратить атаки по иранским объектам, и Катар был одним из акторов, выступавших в качестве медиаторов [10].

Президент США Трамп после нанесения ударов по Ирану сумел склонить Израиль к перемирию и обратился к эмиру Катара с просьбой выступить посредником в переговорах с Ираном [17]. Иран в итоге согласился на прекращение авиаударов, что лишь укрепило положение Катара в качестве важной региональной силы.

Учитывая как активную вовлеченность Катара в ближневосточные политические процессы, так и намерение Трампа заключить новую сделку по иранской ядерной программе (где Катар имеет возможности выступить в качестве посредника), можно ожидать лишь усиления роли Катара в регионе. К тому же можно ожидать и укрепления американо-катарских отношений в ближайшей перспективе, если Трамп и его администрация сохранят текущий уровень интереса к Ближнему Востоку.

Заключение

Несмотря на устойчивую стратегическую значимость Катара для Соединенных Штатов, обе последние администрации — как Трампа, так и Байдена — не реализовали весь потенциал двусторонних отношений по разным причинам.

В ходе своего первого президентского срока Дональд Трамп делал больший акцент на укреплении партнерства с Саудовской Аравией, что неизбежно отразилось на характере американо-катарских отношений, учитывая сохранявшуюся напряженность между Эр-Риядом и Дохой. Администрация Трампа так и не сумела убедить Катар присоединиться к крупнейшей американской региональной инициативе того периода — «Авраамическим соглашениям». На фоне блокады Катар лишь укрепил свои связи с Турцией и, что более важно для США и Саудовской Аравии, с Ираном, противореча интересов Вашингтона.

При администрации Байдена США сумели улучшить отношения с Катаром, но без существенных прорывных изменений. Демокра-

тическая администрация не имела столь же заметного интереса к ближневосточной проблематике, который наблюдался у Трампа. Будучи сфокусированными на других вызовах, США при Байдене не выработали существенно отличающейся политики по отношению к Катару, взаимодействие с которым сохраняло прагматичный подход, несмотря на заявления сторон о том, что эти отношения имеют более высокий уровень.

С возвращением Трампа в Белый дом дальнейшая эволюция отношений между странами зависит от нескольких факторов. Во-первых, нынешняя американская администрация на первоначальном этапе своего срока уделяет больше внимания другим вопросам, включая нормализацию рабочих отношений с Россией, урегулирование торговых споров с Китаем и ЕС, а также усиление роли США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Тем не менее с учетом стремления Трампа сыграть активную роль в урегулировании палестино-израильского конфликта, а также заключить новую ядерную сделку с Ираном посреднический потенциал Катара может стать фактором, способствующим укреплению диалога между Вашингтоном и Дохой. Кроме того, не исключается возможность расширения формата «Авраамических соглашений» с потенциальным вовлечением Катара, однако реализация такого сценария в значительной степени будет зависеть от развития ситуации в Палестине. При этом вопрос о месте Ближнего Востока в системе внешнеполитических приоритетов США при второй администрации Трампа сохраняет свою значимость.

Во-вторых, под вопросом остается то, насколько близкими будут отношения между Трампом и кронпринцем Саудовской Аравии Мухаммедом бен Салманом. Хотя Саудовская Аравия демонстрировала сдержанность в отношениях с администрацией Байдена, ее отказ присоединиться к «Авраамическим соглашениям» и стремление проводить более независимую энергетическую политику могут побудить Трампа сосредоточиться на углублении взаимодействия с другими арабскими монархиями Персидского залива.

В-третьих, отношения между Катаром и США при Трампе во время его второго срока будут зависеть во многом от совпадения внешнеполитических приоритетов. Если Трамп вновь сделает ставку на жесткое сдерживание Ирана, наращивание давления на палестинские структуры и расширение «Авраамических согла-

шений», то позиция Катара, ориентированная на диалог с Ираном, поддержку гуманитарных инициатив в Газе и отказ от участия в соглашениях с Израилем, может стать источником трений. Напротив, совпадение позиций по вопросам энергетической безопасности, борьбы с терроризмом и роли Катара как посредника в региональных конфликтах может создать основу для частичного сближения при нынешней республиканской администрации.

При этом особого внимания заслуживает вопрос о соответствии складывающегося формата американо-катарского взаимодействия долгосрочным интересам России на Ближнем Востоке. Учитывая стратегическую значимость Катара как посредника в иранском и палестинском треках, усиление его позиций в связке с Вашингтоном потенциально сдвигает региональный баланс в сторону прозападных инициатив. Это может ограничить дипломатическое пространство Москвы, особенно в вопросах, связанных с ядерной сделкой с Ираном и сирийским урегулированием, где Россия традиционно выступала активным участником. В то же время прагматичный характер катарской внешней политики и его стремление к сохранению многовекторности позволяют России сохранять каналы диалога с Дохой, несмотря на углубляющееся американо-катарское сближение.

Литература

1. *Графов Д. Б.* Лоббирование интересов Катара в США и катарский дипломатический кризис // Вестник МГИМО – Университета. — 2020. – 13 (2). – С. 183–204.
2. Abraham Accords will fail unless Israel's never-ending occupation is addressed, says Qatar // The Middle East Monitor. — URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20211014-abraham-accords-will-fail-unless-israels-never-ending-occupation-is-addressed-says-qatar/> (accessed: 08.04.2025).
3. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan / The US Department of State. — URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (accessed: 08.04.2025).
4. *Biden J.* Why America Must Lead Again // The Foreign Affairs. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again> (accessed: 09.04.2025).
5. Boeing and Qatar Airways Announce Historic Order for up to 210 Widebody Airplanes // The Boeing Company Official Website. — URL: <https://investors.boeing.com/investors/news/press-release-details/2025/Boeing-and-Qatar-Airways-Announce-Historic-Order-for-up-to-210-Widebody-Airplanes/default.aspx> (accessed: 01.06.2025).
6. *Collins G.* Anti-Qatar Embargo Grinds Toward Strategic Failure / The Baker Institute for Public Policy. — URL: <https://www.bakerinstitute.org/research/anti-qatar-embargo-grinds-toward-strategic-failure> (accessed: 04.04.2025).
7. Gulf crisis: Trump escalates row by accusing Qatar of sponsoring terror // The Guardian. — URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/jun/09/trump-qatar-sponsor-terrorism-middle-east> (accessed: 05.04.2025).

8. HH the Amir and US President Hold Bilateral Meeting / The State of Qatar. — URL: https://www.diwan.gov.qa/briefing-room/news/foreign-visits/2018/april/10/hh-the-amir-meets-with-us-president?sc_lang=en (accessed: 05.04.2025).
9. How 2 Gulf Monarchies Sought to Influence the White House // The New York Times. — URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/21/us/politics/george-nader-elliott-broidy-uae-saudi-arabia-white-house-influence.html> (accessed: 04.04.2025).
10. Iran sought US pressure on Israel for ceasefire via Gulf states // Reuters. — URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/iran-asks-gulf-arab-states-have-trump-press-israel-immediate-ceasefire-sources-2025-06-16/> (accessed: 02.06.2025).
11. Kingdom of Saudi Arabia Cuts Off Diplomatic and Consular Relations with the State of Qatar / The Embassy of the Kingdom of Saudi Arabia in the U.S. — URL: <https://www.saudiembassy.net/news/kingdom-saudi-arabia-cuts-diplomatic-and-consular-relations-state-qatar> (accessed: 04.04.2025).
12. Might Qatar Join the Abraham Accords? // INSS. — URL: <https://www.inss.org.il/publication/the-abraham-accords-and-qatar/> (accessed: 08.04.2025).
13. Pompeo arrives in Riyadh vowing to tell Saudis to hold Khashoggi killers 'accountable' // France 24. — URL: <https://www.france24.com/en/20190113-usa-saudi-arabia-mike-pompeo-visit-khashoggi-human-rights> (accessed: 07.04.2025).
14. President Trump and King Salman Sign Arms Deal // The White House Archive: [official website]. — URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/articles/president-trump-king-salman-sign-arms-deal/> (accessed: 07.04.2025).
15. Qatar crisis: Saudi Arabia and allies restore diplomatic ties with emirate // BBC. — URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-55538792> (accessed: 06.04.2025).
16. Qatar Imports by country and region / The World Bank. — URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/QAT/StartYear/2017/EndYear/2021/TradeFlow/Import/Partner/ALL/Indicator/MPRT-TRD-VL> (accessed: 05.04.2025).
17. Qatar mediates as Trump declares end to 12-day Israel-Iran war with phased ceasefire, vows it will last 'forever' // The Economic Times. — URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/iran-israel-ceasefire-qatar-mediates-as-trump-declares-end-to-12-day-israel-iran-war-with-phased-ceasefire/articleshow/122035859.cms?from=mdr> (accessed: 02.06.2025).
18. Qatar plays key role in Israel-Hamas ceasefire deal // The Economist Intelligence. — URL: <https://www.eiu.com/n/qatar-plays-key-role-in-israel-hamas-ceasefire-deal/> (accessed: 08.04.2025).
19. Qatar rejects Saudi-led group's allegations // Al-Jazeera. — URL: <https://www.aljazeera.com/news/2017/7/7/qatar-rejects-saudi-led-groups-allegations> (accessed: 03.04.2025).
20. Qatar, US Sign MoU on Combating Terrorism Financing / The Ministry of Foreign Affairs of the State of Qatar. — URL: <https://mofa.gov.qa/en/qatar/latest-articles/latest-news/details/2017/07/11/qatar-us-sign-mou-on-combating-terrorism-financing> (accessed: 05.04.2025).
21. Recent Visits by U.S. Officials to Qatar / The US Embassy in Qatar. — URL: <https://qa.usembassy.gov/recent-visits-by-u-s-officials-to-qatar/> (accessed: 07.04.2025).
22. Remarks by President Biden and His Highness Sheikh Tamim // The White House Archive: [official website]. — URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/01/31/remarks-by-president-biden-and-his-highness-sheikh-tamim-bin-hamad-al-thani-amir-of-the-state-of-qatar-before-bilateral-meeting/> (accessed: 09.04.2025).
23. Remarks by Secretary of State Tillerson on the Middle East / The US Embassy and Consulates in Russia. — URL: <https://ru.usembassy.gov/remarks-secretary-state-tillerson-middle-east/> (accessed: 04.04.2025).
24. Saudi Arabia seeks to resolve Qatar crisis as 'gift' to Joe Biden // The Financial Times. — URL: <https://www.ft.com/content/ae7e041f-ff4b-4df7-8b2b-06488e17a91c> (accessed: 07.04.2025).
25. Teran A.M. Handling Israel-Hamas war mediation: The role of Qatar / Universidad de Navarra. — URL: <https://www.unav.edu/web/global-affairs/handling-israel-hamas-war-mediation-the-role-of-qatar> (accessed: 08.04.2025).
26. The Abraham Accords // The US Department of State Archive: [official website]. — URL: <https://2017-2021.state.gov/the-abraham-accords/> (accessed: 08.04.2025).

27. The 'David' in a Divided Gulf: Qatar's Foreign Policy // The Middle East Policy. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/mepo.12623> (accessed: 04.04.2025).
28. Trump appeals to Qatar for help with Iran tensions // The Washington Post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2025/05/14/trump-saudi-arabia-qatar/#link-UNPJ74TKQZFSJE2OXMMSI3LBCI> (accessed: 02.06.2025).
29. Trump Choreographs a Middle East Peace Plan Made for TV // The Time. — URL: <https://time.com/5889195/trump-middle-east-peace-plan/> (accessed: 07.04.2025).
30. Trump, Qatar sign agreements to go ahead with \$2B MQ-9B, \$1B counter-drone orders // Breaking Defense. — URL: <https://breakingdefense.com/2025/05/trump-qatar-sign-agreements-to-go-ahead-with-2b-mq-9b-1b-counter-drone-orders/> (accessed: 01.06.2025).
31. Trump urged to fix US failed policies in Middle East // Al-Jazeera. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/11/10/trump-urged-to-fix-us-failed-policies-in-middle-east> (accessed: 07.04.2025).
32. US accepts Qatari plane into Air Force One fleet // BBC. — URL: <https://www.bbc.com/news/articles/cq855lx87z3o> (accessed: 02.06.2025).
33. U.S. Exports by Partner / The International Trade Administration. – URL: <https://www.trade.gov/data-visualization/tradestats-express-us-trade-partners> (accessed: 08.04.2025).
34. US signs deal to supply F-15 jets to Qatar after Trump terror claims // The Guardian. — URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jun/15/us-signs-deal-to-supply-f-15-jets-to-qatar-after-trump-terror-claims> (accessed: 04.04.2025).

Мозлоев Асламбек Тотырбекович,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Aslambek T. Mozloev,

Candidate of Sciences in History,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: amozloev@mail.ru

Галимзянова Альбина Каримовна,

старший преподаватель кафедры восточных языков,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Albina K. Galimzyanova,

Senior Lecturer of the Department of Oriental Languages,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: Galaktika735@mail.ru

СТОЛЕТИЕ ТУРЦИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

CENTURY OF TÜRKIYE: RESULTS AND PROSPECTS

Аннотация: в статье рассматривается роль и статус Турции на мировой арене в свете празднования столетия со дня основания Республики. Авторы рассматривают некоторые аспекты инициативы «Век Турции», подчеркивая, что данная концепция является своего рода манифестом о возвышающейся роли Турции в формирующемся миропорядке, а также является отправной точкой для разработки новой конституции Турецкой Республики. Сделан акцент на заявлении Президента Турции Р.Т. Эрдогана о вхождении Турции в число развитых стран. Значительное внимание уделяется вопросам обеспечения международной и региональной безопасности. Обосновывается идея о том, что Турция стала мировым брендом политики дипломатического посредничества. Авторы приходят к выводу, что под влиянием геополитических изменений, используя свои стратегические преимущества, Турция обладает потенциалом стать влиятельной мировой державой.

Ключевые слова: столетие Турции, Р.Т. Эрдоган, инициатива «Век Турции», Ближний Восток, посредническая дипломатия, международная безопасность, многополярный мир.

Abstract: the article examines the role and status of Türkiye in the world arena in light of the celebration of the centenary of the founding of the republic. The authors examine some aspects of the “Türkiye Century” initiative, emphasizing that this concept is a kind of manifesto on the rising role of Türkiye in the emerging world order, and is also a starting point for the development of a new constitution for the Republic of Türkiye. Emphasis is placed on the statement of President R.T. Erdogan on Türkiye’s entry into the ranks of developed countries. Considerable attention is paid to issues of ensuring international and regional security. The idea is substantiated that Türkiye has become a world brand of diplomatic mediation policy. The authors conclude that under the influence of geopolitical changes, using its strategic advantages, Türkiye has the potential to become an influential world power.

Key words: Century of Türkiye, R.T. Erdogan, Century of Türkiye Vision, Middle East, mediation diplomacy, international security, multipolar world.

Введение

В 2023 году Турция отметила 100-летие со дня основания Республики. За эти прошедшие 100 лет она претерпела огромные изменения. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил, что цель Турции в «век Турции» войти в десятку лучших стран в мире в области политики, экономики, технологий, вооруженных сил и дипломатии.

Здесь стоит пояснить, что инициатива «Век Турции» — это стратегический план развития Турецкой Республики, предложенный Президентом Р.Т. Эрдоганом 28 октября 2022 года во время своей речи на съезде правящей Партии справедливости и развития (ПСР), приуроченном ко Дню Республики. В качестве документа инициатива была официально обнародована Р.Т. Эрдоганом 11 апреля 2023 года в рамках предвыборного манифеста ПСР, который был назван «Правильные шаги для века Турции: предвыборный манифест 2023 года». Документ включает в себя 481 страницу и посвящен шести основным темам, таким как управление стихийными бедствиями и чрезвычайными ситуациями, общество, экономика, политика, дипломатия и национальная безопасность. После успешного избрания Р.Т. Эрдогана на пост президента Турецкой Республики этот документ закономерно стал его политической платформой и привлек широкое внимание внутри страны и за рубежом.

Век Турции

Обнародование инициативы «Век Турции» показывает, что Турецкая Республика начнет свое второе столетие с более активной позиции. Появление данной инициативы знаменует собой завершение исторической трансформации роли и мировоззрения Турции, то есть Турция больше не желает быть последователем других крупных держав (не желает быть в роли догоняющего), но стремится обогнать многие другие страны, а ее субъектность укрепляется, как никогда ранее. Под субъектностью государства понимается, главным образом, «ведение государством самостоятельной и четкой внутренней и внешней политики, отстаивание своих национальных интересов, выступление с инициативой в решении актуальных проблем международной политики, учет другими странами военно-политической и экономической позиции данного государства» [3, с. 10].

Турция, по-видимому, готовится реализовать на практике проактивную стратегическую инициативу, которая сочетает в себе личную политическую рациональность Р.Т. Эрдогана со стратегическими амбициями турецкого государства по расширению своего глобального влияния.

В каком-то смысле «Век Турции» является декларацией Турции о «новом мировом порядке». Такого рода позиционирование предполагает быстрое расширение глобального влияния при одновременном укреплении регионального доминирования, причем дипломатия играет решающую роль в достижении этой цели.

Р.Т. Эрдоган неоднократно заявлял, что «мир гораздо больше пяти», и призывал к созданию «более справедливого мира». В декларации инициативы «Век Турции» указывалось, что основная причина хрупкости глобальной системы заключается в неспособности международных институтов эффективно функционировать и что срочно необходима новая глобальная структура для решения многих наднациональных проблем, таких как аномальные изменения климата, продовольственная безопасность и распространение оружия массового уничтожения. В таких условиях положиться можно только на здоровую, прозрачную, эффективную и ответственную структуру глобального управления, основанную на принципах многосторонности [12]. Таким образом, Эрдоган пришел к выводу, что крайне необходимо реформировать институты глобального управления, представленные Организацией Объединенных Наций. Под лозунгом продвижения и защиты международной беспристрастности, справедливости и мира во всем мире Турция позиционирует себя как развивающуюся страну и как представителя исламского мира. В революционных изменениях в дипломатической философии Турции две основные характеристики – «гуманизм» и «предприимчивость» – очевидны для всех. Выступая перед партией, Эрдоган заявил, что Турция единственная страна, которая прилагает искренние усилия для достижения мира, устанавливая равные, честные и справедливые отношения со всеми сторонами в то время, когда вокруг разгораются войны, конфликты и напряженность [10].

Роль Турции на мировой арене

«Турция уже входит в число развитых стран», — отметил Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган на мероприятии, организован-

ном Управлением кадров при Президенте 18 октября 2022 года. Он также заявил, что «после успешной борьбы с терроризмом Турция создала мирную и комфортную обстановку и жители юго-восточной Анатолии теперь чувствуют себя в большей безопасности. Это, конечно, не произошло в одночасье, это результат сильной воли и целеустремленности» [7]. Турция всегда рассматривала терроризм как самое большое препятствие на пути к ее становлению мировой державой.

При администрации Президента Р.Т. Эрдогана экономика Турции добилась больших успехов. Несмотря на то что не существует единого стандарта для разграничения развитых и развивающихся стран на международном уровне, такие факторы, как политическая стабильность, степень индустриализации и уровень благосостояния общества, часто имеют большое значение.

Аналитический центр США «World Population Review» отметил, что основным критерием для определения того, следует ли въезжать в страну, является индекс человеческого развития (ИЧР) суверенной страны (Human Development Index (HDI)). Если ИЧР достигает или превышает 0,8, то страна признается развитой, а Турция достигла показателя в 0,855 [9], поэтому можно утверждать, что Турция входит в число развитых стран.

В то же время в «Докладе о Турции за 2022 год» Европейского союза сделан вывод о том, что, даже только с точки зрения экономических стандартов, высокий уровень развития Турции еще нужно подтвердить. Европейский союз обвинил Турцию в регрессе рыночной экономики и поставил под сомнение качество и устойчивость ее экономического развития [11]. Есть и другие международные организации, которые считают, что Турция всё еще является развивающейся страной. Однако даже перед лицом эпидемии коронавируса и общего спада в мировой экономике турецкая экономика продемонстрировала хорошие темпы роста: в I квартале 2022 года темпы роста составили 7,5%.

Что касается политической ситуации, то с момента своего основания Турция сталкивается с хроническими проблемами, такими как курдский вопрос и вмешательство военных в политику, и эти проблемы часто сложны и взаимосвязаны. По мнению Эрдогана, благодаря военной операции в Сирии курдский вопрос в Турции урегулирован. Относительно вопроса вмешательства военных

в политику или даже военного переворота Эрдоган считает, что попытки переворотов в Турции остались в прошлом и представить себе еще один военный переворот в Турции невозможно.

Кроме того, турецкий национализм и исламизм добились относительно успешной интеграции и стали господствующей идеологией в Турции, что в значительной степени разрешило противоречие между секуляризмом и исламизмом в стране, тем самым предотвратив внутренние раздоры. Несмотря на постоянные проблемы, Турция добилась улучшения внутригосударственного управления и быстрого экономического роста. Это также является важным основанием для заявления Эрдогана о том, что Турция вошла в число развитых стран.

В последние годы влияние Турции на мировой арене значительно возросло, а ее международный имидж улучшился. С момента своего основания Турция, пожалуй, никогда так не привлекала к себе внимание международного сообщества, как сейчас. Дипломатическая сеть Турции является одной из самых обширных в мире, что свидетельствует об особом значении и ценности дипломатии для Турции. Будь то улучшение отношений с Израилем и Саудовской Аравией на Ближнем Востоке, военные операции на севере Ирака или действия в украинском кризисе, они привлекли большое внимание, и их влияние нельзя недооценивать.

Занимавший в то время пост министра иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу заявил, что Турция стала мировым брендом внешней политики дипломатического посредничества. Выступая с речью на церемонии открытия учебного года в Университете Акдениз в Анталье, он заявил, что Турция единственная страна, которая одновременно является сопредседателем Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и Организации исламского сотрудничества. Когда упоминается международное посредничество как форма внешнеполитической деятельности, то не только специалисты, но и представители общественности отождествляют такой феномен с Турцией [8].

М. Чавушоглу также отметил, что сегодня международная система претерпевает радикальные изменения [1], и подчеркнул, что Турция проводит сбалансированную, активную и добросовестную внешнюю политику и благодаря этому поднялась с позиции регионального игрока до уровня мировой державы [8].

Посредническая дипломатия Турции

Здесь можно вспомнить про активные посреднические действия Турции в Афганистане. В то время Турция активно вела дипломатические консультации с Китаем, Россией, США, Пакистаном и другими странами по афганскому вопросу [2; 6]. В июне 2021 года, когда Президент Турции Р.Т. Эрдоган провел свою первую встречу с Президентом США Джо Байденом во время саммита НАТО, готовность Турции взять под контроль международный аэропорт Кабула после вывода войск США и НАТО из Афганистана вызвала бурные дискуссии в международных СМИ.

Хотя афганское правительство приветствовало предложение Турции, оно вызвало резкую реакцию афганских талибов¹. В их официальном публичном заявлении говорилось, что после установленного НАТО срока вывода войск любые иностранные войска, которые продолжают оставаться в Афганистане, будут рассматриваться как оккупационные войска.

Обеспечение безопасности Кабульского международного аэропорта изначально было обязанностью США и их союзников по НАТО. Безопасность Кабульского аэропорта имела жизненно важное значение для выживания правительства Афганистана, снабжения дипломатических миссий и соответствующих международных гуманитарных организаций в Афганистане, а также для безопасной эвакуации в случае необходимости. Поэтому после вывода войск США и стран Европейского союза, входящих в НАТО, вопрос о том, кто будет отвечать за безопасность, стал актуальным.

Правительство Афганистана было не в состоянии гарантировать безопасность и работу международного аэропорта Кабула, поэтому можно сказать, что предложение Турции стало своевременным для правительства Афганистана, США и европейских стран НАТО. Обладала ли Турция способностью и решимостью обеспечить безопасность и работу международного аэропорта Кабула?

Прежде всего, с точки зрения возможностей, судя по действиям Турции в региональных столкновениях, таких как конфликты в Сирии, Ливии и Нагорном Карабахе в последние годы, если турецкое правительство решилось бы на отчаянный шаг по вмешательству в дела Афганистана, оно действительно было в состоянии обеспе-

¹ Представители организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

чить гарантии безопасности и функционирования международного аэропорта Кабула и могло повлиять на внутривнутриполитический процесс в Афганистане.

Турция является членом G20 с общим ВВП в 717 млрд долл. США в 2020 году. Хотя этот показатель ниже, чем в 2019 году, она является 19-й по величине экономикой в мире. Что касается военной сферы, то установленная военная мощь Турции занимает 2-е место среди стран НАТО. Хотя Турция не имеет боевых частей в Афганистане, она поддерживала операции США и НАТО в Афганистане с 2002 года и помогала в обучении афганских офицеров, инструкторов и спецназа. В то время в Афганистане было дислоцировано около 600 турецких солдат.

В январе 2021 года турецкая армия возглавила формирование резервных сил НАТО, насчитывающих тысячи солдат, готовых к развертыванию в любое время. Кроме того, в случае необходимости Турция могла частично использовать своих сирийских наемников, дислоцированных в Ливии и регионе Нагорного Карабаха, для дальнейшего укрепления своей военной мощи.

У Турции есть военные базы в Азербайджане и Катаре, которые могли бы оказать оперативную поддержку ее операциям в Афганистане. Турция поддерживает тесные отношения с соседним для Афганистана Пакистаном и установила относительно тесные отношения в области безопасности. Она также подписала соглашение о военном сотрудничестве с Узбекистаном. Теоретически эти две страны способны были оказать Турции материально-техническую поддержку.

Однако, судя по спорам внутри турецкого правительства и турецких СМИ по этому поводу, турецкий народ не поддерживал участие правительства в афганских делах. Цели политики турецкого правительства были не ясны. Оно заняло выжидательную позицию и не решилось вмешиваться в одиночку во внутренние дела Афганистана.

Несмотря на то что Турция активно продвигала пантюркизм в регионе после распада Советского Союза и обретения независимости пятью странами Центральной Азии, Центральноазиатский регион не находится в фокусе внешнеполитической стратегии Турции. Страны Центральной Азии — это лишь подспорье росту национализма в Турции, ее стремлению к лидерству в исламском

мире и укреплению осознания того, что она станет ядром евразийского энергетического узла. Вот уже более 30 лет Турция использует дипломатические, культурные, религиозные и другие силы для расширения своего влияния в Центральной Азии.

Конечно, Турция искала возможности вмешаться в политику региона и найти точку опоры. После прихода к власти афганских талибов¹ в 1996 году Турция поддержала афганского военного и политического деятеля узбекского происхождения Абдул-Рашида Дустума и предоставила ему убежище.

После того, как афганские талибы² были отстранены от власти Соединенными Штатами в 2001 году, будучи единственной исламской страной в НАТО, Турция присоединилась к военным операциям НАТО в Афганистане. Однако в отличие от западных держав Турция всегда избегала брать на себя какие-либо боевые задачи. В дополнение к подготовке афганской армии и полицейских сил Турция выполнила также множество независимых задач по оказанию гуманитарной помощи, а также создала школы для распространения идей и концепций, благоприятных для Турции.

В 2011 году Турция как один из инициаторов запустила Стамбульский процесс в целях укрепления сотрудничества и содействия в достижении прочного мира, устойчивой безопасности и экономического развития в Афганистане и регионе. Действия Турции по афганскому вопросу за последние 20 лет вызвали одобрение у многих афганских сторон, за исключением некоторых видных политических деятелей, например таких, как Атта Мухаммад Нур. Турция надеялась использовать свои ресурсы для дальнейшего расширения своего влияния в Афганистане и Центральной Азии, но она не хотела навредить своему хорошему имиджу в глазах различных группировок в Афганистане. К тому же операции по обеспечению безопасности без дипломатического прикрытия НАТО или ООН опасны.

В итоге Турция не получила поддержки А.М. Нура и крупных соседних стран. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган надеялся, что войска Пакистана примут участие в этой миссии, но Пакистан лишь заявил, что может предоставить Турции

¹ Представители организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

² Представители организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

материально-техническое обеспечение и право прохода, а также обмен разведданными по Афганистану. Афганский Талибан¹ также выступил с четким предупреждением. Поэтому если Турция увеличила бы численность войск для защиты международного аэропорта Кабула, это повредило бы ее отношениям с А.М. Нуром и его сторонниками, а также с пакистанскими военными.

Вероятно, Турция планировала использовать попытку установить контроль над Кабульским аэропортом с намерением заключить сделки с США, а также в надежде воспользоваться неспокойной ситуацией для расширения своей сферы влияния в Афганистане и Центральной Азии.

Региональные интересы Турции и глобальное управление

Славная история Османской империи в прошлом и нынешний статус Турции как крупнейшей экономики среди исламских государств сделали некоторых представителей социальной элиты в Турции самоуверенными и амбициозными. Р.Т. Эрдоган является пропагандистом «неоосманизма» и регулярно заявляет о возрождении Османской империи и стремлении создать империю, способную сформировать регион «Туран». В конце марта 2021 года Эрдоган провел громкий видеосаммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан, Венгрия)², и намерение правительства Эрдогана повысить уровень сотрудничества в рамках Совета было наглядно продемонстрировано.

Не следует недооценивать региональные амбиции Турции. Турция является крупнейшим покровителем и сторонником сепаратистов Восточного Туркестана³. Хотя отношения между Китаем и Турцией в настоящее время развиваются относительно стабильно, Турция пытается вмешиваться в дела Синьцзяна. В телефонном разговоре между Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом и лидером Китая Си Цзиньпином 13 июля 2021 года

¹ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

² Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ, Тюркский совет) был создан в 2009 году. В ноябре 2021 года в рамках работы VIII саммита стран – членов ССТГ в Стамбуле был переименован в Организацию тюркских государств. Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция и Узбекистан являются странами-членами, а Туркмения и Венгрия — странами-наблюдателями.

³ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

вновь были затронуты проблемы, связанные с Синьцзяном и вмешательством во внутренние дела Китая.

Пантюркизм стал в Турции своего рода политкорректностью. Поскольку это демократическая страна, использование вопросов, связанных с Синьцзяном, для привлечения голосов за «пантюркизм» будет неоднократно появляться во внутренней политике Турции.

В настоящее время помимо культурных и дипломатических средств Турции не хватает экономических, финансовых, технологических и других ресурсов для эффективного объединения тюркоязычной нации.

Турция проводит активную гуманитарную внешнюю политику, которая подчеркивает «жесткую силу» Турции, одновременно как бы «украшая» ее, особенно гуманитарной дипломатией. В частности, гуманитарная дипломатия в значительной степени создала хороший международный имидж Турции. Для стран с особым геополитическим значением, таких как Турция, роль дипломатии во внутренней политике часто выходит за рамки прогнозов многих специалистов.

Гуманитаризм стал своего рода «золотым брендом» турецкой дипломатии, который не только усиливает ее «мягкую силу», улучшает международный имидж Турции, эффективно улучшает геополитическую обстановку вокруг нее, но также позволяет Турции использовать роль посредника в конфликтах для перемещения по «игровому полю», значительно увеличивая свое влияние. Таким образом, очевидна особая ценность и значимость практической реализации концепции «Век Турции» для регионального и глобального управления.

Судя по логике дискурса Р.Т. Эрдогана, нынешнее решение о вхождении Турции в число развитых стран является отправной точкой для ее будущих перспектив. Следует отметить, что заявления Президента Турции о «развитой стране» могут иметь скрытый смысл. Например, в них содержатся самоутверждение силы всестороннего развития Турции, а также намерение поднять моральный дух людей в нестабильной мировой ситуации.

Действующая Конституция Турции была принята и вступила в силу 7 ноября 1982 года; это третья Конституция Республики. Р.Т. Эрдоган планировал ввести новую конституцию после того, как Турция перешла от парламентской к президентской системе

правления в 2017 году. В настоящее время представляется, что инициатива «Век Турции» может иметь в качестве первоочередной цели разработку новой конституции. После введения в действие эта конституция будет иметь сильное символическое значение, то есть вступление Турции в «совершенно новую эру».

Разработка новой конституции представляет собой краткое изложение итогов столетней истории государственного управления Турции и является основой внутренней политики страны на протяжении второго столетия. Разработка основного закона государства означает переоценку Турцией столетней истории Республики, а также серьезную корректировку курса развития страны. Это отражает перенастройку социальных отношений турецкого государства и символизирует новое позиционирование турецкой национальной идентичности.

Стоит отметить, что период перестройки турецкой дипломатии, которая играет важную роль во внутренних делах, по-видимому, очень короткий и демонстрирует сильные скачки. На фоне обостряющегося кризиса на Украине Турция всячески старалась сохранить стабильность и свое относительное превосходство в Черноморском регионе, чтобы получить множество геополитических дивидендов, включая энергетические, иначе она может стать главной проигравшей стороной в региональных конфликтах. Именно исходя из этого соображения, Турция активно выступает посредником между Россией и Украиной.

Здесь возникает схожесть с подходами Китая в области посреднической дипломатии. Ведь и Китай демонстрировал готовность выступить в качестве посредника в урегулировании украинского кризиса дипломатическим путем, а также изложил свои идеи в документе «Позиция Китая по политическому урегулированию украинского кризиса». А в марте 2023 года при участии КНР Саудовская Аравия и Иран достигли исторического примирения. Палестино-израильский конфликт также вызвал обеспокоенность китайской стороны, и снова был опубликован позиционный документ по политическому урегулированию данного кризиса [5].

Под влиянием геополитических изменений, вызванных украинским кризисом, для Турции решающее значение имеет то, как использовать свои стратегические преимущества и продолжать играть роль ключевой региональной державы. После эскалации

украинского кризиса в феврале 2022 года США и европейские страны начали конфронтацию с Россией, а Турция стала единственным членом НАТО, который вел переговоры с Россией и Украиной. Через месяц после начала кризиса министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу председательствовал на встрече министров иностранных дел России и Украины на Дипломатическом форуме, проходившем в Анталье (Турция). В июле 2022 года Турция и ООН совместно инициировали создание «продовольственного коридора» через Черное море для обеспечения безопасности сельскохозяйственной продукции и помощи в преодолении мирового продовольственного кризиса.

В определенной степени Черноморский регион и Ближний Восток стали новой линией конфликта, порождая многочисленные кризисы и оказывая влияние на международную обстановку в соответствующих регионах и даже за их пределами. Это испытало возможности Турции по управлению кризисами и контролю над ними, не говоря уже о беспрепятственной реализации своих дипломатических и стратегических амбиций.

Нельзя отрицать, что правительство Р.Т. Эрдогана воспользовалось возможностью выступить посредником на ранних стадиях эскалации украинского кризиса, заработав себе отличную репутацию. Это стало также важным политическим ресурсом для успешного переизбрания Р.Т. Эрдогана на пост президента. Однако, учитывая затяжное развитие украинского кризиса и увеличение инвестиций со стороны разных сторон, то, как продолжать сохранять баланс между Россией и Украиной и в дальнейшем играть активную посредническую роль, станет неотложным вопросом, который необходимо решить. При этом стоит учитывать и тот факт, что продолжение поддержания отношений с Соединенными Штатами и Европой остается стратегической основой дипломатии Турции.

В долгосрочной перспективе, в случае частых конфликтов в Черноморском регионе, у Турции есть амбиции к дальнейшему укреплению, однако надежда на «разделение пирога» в игре великих держав зачастую сопряжена с большими рисками.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что сегодняшняя Турция в любом случае уже не Турция 1923 года, как ни посмотри. Возможно,

именно из-за должного подтверждения столетней истории борьбы Турции и уверенности в ее будущем Р.Т. Эрдоган утверждает, что Турция вошла в число развитых стран.

У Турецкой Республики есть потенциал стать мировой державой. Вместе с тем «статус мировой державы, к которому стремится Турция, предполагает высочайшую ответственность за процессы и последствия своих шагов в регионе, а также в близлежащих пространствах» [4, с. 14]. И в этом плане эта ответственность должна сочетаться с национальными интересами соседних стран, что предполагает учет их в политике государства.

В будущем Турция еще столкнется со многими вызовами и противоречиями. В Турецкой Республике еще много неразрешенных вопросов, и многие из них крайне чувствительны. Является ли ряд проблем, которых, по словам Р.Т. Эрдогана, почти не существует и которые не вызывают беспокойства, переставшим представлять угрозу, – это еще предстоит проверить временем. На дипломатическом уровне Турция также сталкивается со многими неопределенностями, включая вызовы со стороны некоторых из ее бывших союзников.

Столетний юбилей Турецкой Республики создает благоприятные предпосылки для того, чтобы эта страна могла заявить о себе не только как о государстве, продемонстрировавшем серьезные достижения в своем развитии, но и чтобы на основе этих достижений она могла бы стать инициатором создания новой международной организации, которая взяла бы на себя ответственность за современное состояние мирохозяйственных связей и утверждение принципов международной безопасности. Ее достижения воочию показывают, что Турция может взять на себя ответственность за решение не только региональных, но и глобальных вопросов и это было доказано по отдельным острым кризисным явлениям, в частности на сирийском направлении.

Турция ответственна за региональную безопасность. Турецкой Республике надо научиться не только использовать свое влияние и свою возросшую значимость в регионе исходя из своих узконациональных интересов, но и сочетать их с национальными интересами других региональных и глобальных держав, тем самым показав свою потенциальную способность быть ответственным глобальным игроком.

Литература

1. *Винокуров В.И.* От однополярного к многополярному миру: теоретическое обоснование неизбежности трансформации мирового порядка // *Дипломатическая служба*. — 2023. — № 1. — С. 43–52.
2. *Галимзянова А.К.* Отношение Китая к ситуации в Афганистане // *Дипломатическая служба*. — 2022. — № 2. — С. 103–110.
3. *Махаматов Т.М.* Формирование многополярного мироустройства и субъектность государства // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. — 2024. — Т. 14, № 4. — С. 6–13.
4. *Мозлоев А.Т.* Российско-турецкий фактор региональной стабильности // *Ближний и Постсоветский Восток*. — 2024. — № 1 (5). — С. 7–16.
5. *Мозлоев А.Т., Галимзянова А.К.* Региональная безопасность и роль региональных игроков // *Дипломатическая служба*. — 2024. — Т. 20, № 4 (115). — С. 355–362.
6. *Потапов Ю.Б.* Позиция Ирана по афганскому урегулированию // *Дипломатическая служба*. — 2022. — № 1. — С. 59–66.
7. Эрдоган: Турция входит в число развитых стран // «МК-Турция». — URL: <https://mk-turkey.ru/life/2022/10/19/p-erdogan-turciya-vhodit-v-chislo-razvityh-stran.html> (дата обращения: 01.03.2025).
8. Bakan Çavuşoğlu: Türkiye dengeli, aktif ve vicdani dış politika izliyor // *Sabah*. — URL: <https://www.sabah.com.tr/gundem/2022/10/31/bakan-cavusoglu-turkiye-dengeli-aktif-ve-vicdani-dis-politika-izliyor> (accessed: 17.03.2025).
9. Human Development Index (HDI) by Country 2025 // *World Population Review*. — URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/hdi-by-country> (accessed: 19.02.2025).
10. Recep Tayyip Erdoğan'ın "Türkiye Yüzyili" Tanitim Toplantisi Konuşması. — URL: <https://www.vizyonege.com/2022/10/28/recep-tayyip-erdoganin-turkiye-yuzyili-tanitim-toplantisi-konusmasi/> (accessed: 07.02.2025).
11. Türkiye Report 2022 // An official website of the European Union. — URL: https://enlargement.ec.europa.eu/turkiye-report-2022_en (accessed: 05.03.2025).
12. Türkiye Yüzyılı İçin Doğru Adımlar Seçim Beyannamesi 2023. — URL: https://im.haberturk.com/images/others/2023/04/11/Turkiye_Yuzyil_icin_Dogr_Admlar2023_Secim.pdf (accessed: 17.01.2025).

Ван Цунюэ,

научный сотрудник (постдок), Центр международной безопасности и стратегии, «Shuimu» ученый, Университет Цинхуа, Пекин.

Wang Congyue,

Postdoc Fellow, Center for International Security and Strategy, “Shuimu” Scholar, Tsinghua University, Beijing.

E-mail: robertwcyacademic@gmail.com

**ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»
В КОНТЕКСТЕ ДВУСТОРОННЕГО
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

**THE “ONE BELT, ONE ROAD” INITIATIVE
IN THE CONTEXT OF BILATERAL
RUSSIAN-CHINESE COOPERATION**

Аннотация: Председатель КНР Си Цзиньпин в 2013 году выступил с инициативой создания сообщества единой судьбы человечества, а также предложил совместное строительство Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. В 2023 году исполнилось 10 лет с начала реализации инициативы «Один пояс, один путь», которая стала одним из наиболее масштабных проектов по формированию сообщества с общей судьбой для человечества. За прошедшее десятилетие она принесла заметные результаты и укрепила международное сотрудничество. Россия, являясь крупнейшим соседом Китая и государством, занимающим ключевое положение на пространстве Евразии, занимает особое и трудно заменимое место в ее развитии. Однако отношение России к инициативе претерпело ряд значительных изменений: от настороженного и пассивного подхода в момент ее запуска до роли ключевого игрока и активного сторонника сегодня. В данной статье с помощью анализа литературы рассматривается эволюция отношения российского экспертного сообщества к инициативе «Один пояс, один путь» и анализируются факторы, определяющие возможности участия России в данном проекте. Кроме того, автор формулирует ряд рекомендаций, направленных на развитие российско-китайского взаимодействия в рамках этой инициативы.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс, один путь», китайско-российские отношения, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), геополитика, международная система, многополярный мир, «Цифровой Шелковый путь», «Ледовый Шелковый путь» («Северный Морской путь»).

Abstract: in 2013, Chinese President Xi Jinping put forward the concept of building a community with a shared future for mankind and subsequently proposed the joint development of the Silk Road Economic Belt and the 21st Century Maritime Silk Road. In 2023, it has been ten years since the beginning of the “One Belt, One Road” initiative, which has become one of the most significant projects for the formation of a community with a shared future for humanity. Over the past decade, it has brought remarkable results and strengthened international cooperation. Russia, as China’s largest neighbour and a country occupying a key position in Eurasia, plays a special and irreplaceable role in its development. However, Russia’s attitude towards the initiative has undergone a number

of significant changes: from a wary and passive approach at the time of its launch to its role as a key player and active supporter today. This article uses literature analysis and the method of hierarchy analysis to examine the evolution of Russian expert community's attitude to the "One Belt, One Road" initiative, and to analyse the factors determining Russia's potential participation in this project. In addition, the author formulates a number of recommendations aimed at developing Russian-Chinese cooperation within the framework of this initiative.

Key words: "One Belt, One Road" initiative, Sino-Russian relations, Eurasian Economic Union (EAEU), geopolitics, international system, multipolar world, Digital Silk Road, Ice Silk Road (Northern Sea Route).

Введение

В ходе официального визита в Казахстан в сентябре 2013 года председатель КНР Си Цзиньпин в своей речи, произнесенной в Назарбаев Университете (г. Астана), представил концепцию создания Экономического пояса Шелкового пути. Спустя месяц, в октябре того же года, во время поездки в страны Юго-Восточной Азии, китайский лидер выступил с предложением совместно с государствами АСЕАН сформировать Морской Шелковый путь XXI века. Эти две инициативы заложили основу для развернутой китайской стратегии «Один пояс, один путь», которая в дальнейшем приобрела первостепенное значение для внешней и внешнеэкономической политики Китая.

Россия как самая большая по территории страна в мире огибает Евразийский континент, а также является важной прибрежной страной в Северном Ледовитом океане. Можно сказать, что Россия — важное звено между Восточной Азией и Европой. В рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь» такая география предоставляет России особые преимущества в транспортно-логистическом и коммуникационном аспектах. Более того, охват данной инициативой большинства стран, ранее входивших в состав Советского Союза, совпадает с зонами традиционного влияния Москвы. В данном контексте развитие китайских проектов в этих регионах требует учета не только социально-экономических запросов самих государств, но и всей совокупности геополитических реалий постсоветского пространства [31]. Таким образом, Россия имеет большое геополитическое влияние на эту инициативу.

Эволюция российского подхода к инициативе «Один пояс, один путь»

Инициатива «Один пояс, один путь» заняла видное место в международных дискуссиях, став предметом пристального внимания

многих стран. Россия не осталась в стороне, проявив ощутимый интерес к проекту, а взгляды российского экспертного сообщества на него со временем существенно трансформировались. В целом можно выделить три этапа: период первоначальных сомнений, период изменения восприятия и период активного участия.

1. Период сомнений, непонимания и негатива.

На начальном этапе реализации инициативы «Один пояс, один путь» в российском экспертном сообществе наблюдались недостаточное понимание и неточное осмысление ее содержания. В сочетании с высокой чувствительностью к национальным интересам это привело к возникновению сомнений и недопонимания, а в отдельных случаях — и к открытому неприятию данной инициативы.

Во-первых, российские исследователи отмечают, что хотя китайские политики и эксперты при анализе вопроса указанной инициативы избегали политических определений, очевидно, что она обладает не только экономическим содержанием, но и выраженной геополитической составляющей, представляя собой своего рода ответ Китая на существующие международные механизмы [10]. Ряд российских экспертов рассматривают инициативу «Один пояс, один путь» как стратегическую реакцию Китая на стремление США утвердить собственные правила в формирующемся мировом экономическом устройстве. В частности, Вашингтон продвигал два масштабных проекта — Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, охватывавших значительную часть главных торговых партнеров Пекина. Предоставление им преференциального режима со стороны Запада могло бы негативно отразиться на экономических интересах Китая. В то же время Пекинская инициатива воспринимается как возможный ответ на формирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС). По мнению ряда российских экспертов, появление ЕАЭС в определенной мере сокращает пространство для укрепления китайского влияния в странах Центральной Азии и сдерживает реализацию его геоэкономических интересов [24].

Во-вторых, в российском экспертном сообществе высказывались опасения, что участие в китайской инициативе «Один пояс, один путь» может привести к снижению международного статуса России и сведению ее роли до второстепенной. В условиях ослабления традиционных рычагов влияния Москва настороженно

относилось к потенциальному усилению китайского присутствия в Евразии, особенно в регионе Центральной Азии, что, по мнению ряда аналитиков, может еще более подорвать амбиции России как великой державы и ограничить ее стратегические возможности [11].

В-третьих, по мнению российских экспертов, помимо Центральной Азии инициатива «Один пояс, один путь» могла затронуть интересы России в Европе. ЕС является крупнейшим торговым партнером России, и Россия придает большое значение своему положению и интересам в Европе. Однако вместе с расширением присутствия Китая в европейском направлении в рамках проекта «Один пояс, один путь» в России усиливаются опасения, что ее роль в регионе может быть ослаблена или оттеснена китайским влиянием [13].

В-четвертых, многие представители российского экспертного сообщества выражали тревогу относительно возможного конфликта или наложения интересов между проектом «Один пояс, один путь» и интеграционными процессами в рамках ЕАЭС. По их мнению, участие одних и тех же стран в обеих структурах способно спровоцировать конкуренцию между проектами, сформировать элементы стратегической несогласованности и даже осложнить взаимодействие между Москвой и Пекином.

В-пятых, поскольку стратегический центр тяжести инициативы «Один пояс, один путь» в большей степени сосредоточен на Центральной Азии, это могло повлиять на развитие российского Дальнего Востока и Сибири. Открытие транспортной линии «Китай — Центральная Азия — Россия — Европа» ослабит конкурентоспособность сибирской линии, что скажется на доходах России от транзитных перевозок [17]. Кроме того, в экспертной среде России высказывались такие опасения, связанные с реализацией инициативы «Один пояс, один путь», как возможное обострение конкуренции между предприятиями двух стран, вывоз из Китая капитала, технологий и рабочей силы, а также риск превращения России и государств Центральной Азии в поставщиков сырья, зависимых от Китая, и другие аналогичные угрозы.

В итоге на раннем этапе становления инициативы «Один пояс, один путь» в российской экспертной среде из-за ограниченного представления о ее содержании и с учетом национальных приори-

тетов возникли временные колебания и преобладали критические оценки.

2. Период преодоления сомнений и избавления от них, а также этап активных поисков.

Высокий уровень развития китайско-российских отношений и углубление взаимного политического доверия между двумя странами не только развеяли опасения российского экспертного сообщества, но и помогли ему более объективно взглянуть на содержание и суть инициативы «Один пояс, один путь».

В марте 2013 года председатель КНР Си Цзиньпин выбрал Россию для своего первого визита в качестве главы государства и повысил статус китайско-российских отношений до всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, а во время зимних Олимпийских игр 2014 года в Сочи председатель КНР представил инициативу «Один пояс, один путь» на встрече с Президентом РФ В.В. Путиным, который с интересом выслушал его и дал поручение российскому правительству внимательно рассмотреть данную концепцию [18]. На форуме в Боао в апреле 2014 года Россия предложила использовать Транссибирскую магистраль и Северный морской путь для поддержки китайской инициативы «Один пояс, один путь». В следующем месяце в ходе визита Президента Владимира Владимировича Путина в Китай был подписан совместный документ, зафиксировавший переход двусторонних отношений на новый уровень всеобъемлющего стратегического партнерства. В данном заявлении российская сторона подчеркнула важность предложенной Китаем концепции Экономического пояса Шелкового пути и положительно оценила стремление Пекина учитывать интересы России при планировании и осуществлении соответствующих проектов [20].

После начала украинского кризиса Россия стала активнее искать точки соприкосновения с Китаем, связывая ЕАЭС с инициативой «Один пояс, один путь» [4]. В апреле 2015 года Россия подтвердила свое участие в создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, присоединившись к числу его учредителей [33]. В мае 2015 года в рамках двустороннего саммита лидеры КНР и Российской Федерации утвердили Совместную декларацию, направленную на координацию усилий по сопряжению китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути и процесса

строительства ЕАЭС. Этот шаг стал важным политическим сигналом об углублении взаимной стратегической заинтересованности и обозначил курс на формирование общего пространства развития и сотрудничества [9]. В сентябре того же года в Российском институте стратегических исследований прошла конференция «Стратегическое взаимодействие России и Китая в условиях глобализации и евразийской интеграции», на которой обсуждались перспективы сопряжения проекта Экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС. Сопряжение двух проектов имеет долгосрочный и стратегический характер и является отправной точкой для согласования долгосрочных интересов России и Китая и создания общего экономического пространства [24].

В целом благодаря активным усилиям на высшем политическом уровне отношение российского экспертного сообщества к инициативе «Один пояс, один путь» заметно трансформировалось. Постепенно уходит представление о неизбежной конкуренции между данной инициативой и ЕАЭС. Напротив, всё большее число экспертов склонны рассматривать взаимодействие этих проектов как взаимодополняющее и способное открыть новые горизонты для расширения сотрудничества не только между Китаем и Россией.

3. Период важного участника и сильного сторонника.

В связи с укреплением российско-китайских связей, регулярными встречами лидеров двух стран и сложной геополитической обстановкой, включая украинский кризис и общую нестабильность в мире, Россия всё активнее участвует в инициативе «Один пояс, один путь» и оказывает ей значительную поддержку.

Президент РФ В.В. Путин на протяжении трех форумов международного сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» присутствовал в качестве почетного гостя, что подчеркивает ее высокую значимость для России и неизменную поддержку реализации данной стратегии. Выступая в мае 2017 года на Первом Международном форуме в рамках данного проекта, российский лидер выразил приверженность идее активного участия страны в реализации данной инициативы. Он отметил, что предложенная Китаем концепция соответствует глобальным экономическим тенденциям и отвечает актуальной задаче согласования интеграционных процессов как на евразийском пространстве, так и в более широком международном масштабе [15].

В апреле 2019 года в ходе Второго Международного форума «Один пояс, один путь» Президент Владимир Владимирович Путин отметил концептуальное сходство между китайской инициативой и российским видением формирования Большого евразийского партнерства. В его выступлении подчеркивалось, что речь идет о гармонизации различных интеграционных механизмов, как двустороннего, так и многостороннего характера, в рамках евразийского пространства. Россия, по его словам, заинтересована в продвижении этой идеи и готова способствовать созданию необходимых условий для ее реализации [1].

В октябре 2023 года, выступая на Третьем Международном форуме «Один пояс, один путь», Президент России охарактеризовал данный проект как значимую и перспективную платформу глобального уровня, способствующую формированию более сбалансированной и многополярной архитектуры мира. По его мнению, предложенная Китаем модель органично сочетается с региональными интеграционными процессами, включая стратегию «Большая Евразия», которая продвигается Россией. Российская сторона выразила удовлетворение достигнутыми Китаем результатами в реализации этой инициативы и пожелала дальнейшего прогресса всем ее участникам [3].

Российские государственные структуры неоднократно заявляли о положительном отношении к инициативе «Один пояс, один путь» и активно участвовали в ее реализации. Благодаря этому Россия заняла одно из ключевых мест среди зарубежных участников проекта и стала значимым звеном в продвижении международного сотрудничества в его рамках [38].

Объективные условия для участия России в инициативе «Один пояс, один путь»

После распада Советского Союза Россия стала единственным правопреемником СССР и сохранила свое традиционное влияние в Центральной Азии. Для России Центральная Азия является зоной исторических интересов и важным партнером для приоритетного сотрудничества в военно-политической, торгово-экономической и гуманитарной областях, а также для обеспечения общей безопасности в странах юга Евразии. Россия установила стратегические партнерские отношения со всеми государствами

Центральной Азии и является союзником большинства из них [16]. В то же время Россия и государства Центральной Азии создали Таможенный союз, Евразийское экономическое сообщество и ЕАЭС. На этом фоне активное участие России в инициативе «Один пояс, один путь» имеет следующие объективные условия.

1. Двусторонние отношения между Китаем и Россией достигли новой, беспрецедентной высоты, что является результатом постоянного укрепления политического взаимодоверия и стратегического сотрудничества.

2 октября 1949 года Китай установил дипломатические отношения с Советским Союзом, который стал первой страной, признавшей и установившей дипломатические отношения с новым Китаем. После распада Советского Союза в декабре 1991 года Китайская Народная Республика признала Российскую Федерацию в качестве правопреемника международных обязательств бывшего СССР. С этого момента двусторонние отношения начали поступательное развитие. Уже в апреле 1996 года Китай и Россия опубликовали Совместную российско-китайскую декларацию, в которой зафиксировали намерение выстроить стратегическое партнерство, основанное на равноправном доверии и рассчитанное на перспективу XXI века. В июле 2001 года между Китаем и Россией был заключен Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В июне 2012 года Китай и Российская Федерация подписали совместное Заявление о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия [19]. В июне 2019 года, в период перехода китайско-российских отношений на новый этап, стороны подтвердили нацеленность на укрепление всеобъемлющего стратегического партнерства, соответствующего условиям новой эпохи. Это партнерство предполагает взаимную поддержку, углубленную интеграцию, ориентацию на инновации и совместную реализацию проектов, выгодных для обеих сторон. В июне 2021 года в результате переговоров лидеров Китая и России было достигнуто согласие о продлении Договора о добрососедских отношениях, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией. Сегодня взаимодействие между Россией и Китаем демонстрирует исключительный уровень доверия и политической согласованности [39]. С 2013 года главы государств встречались более 40 раз, что

служит убедительным подтверждением устойчивости и прочности двусторонних связей.

Можно сказать, что зрелые и прочные китайско-российские отношения являются главным условием для активного участия России в инициативе «Один пояс, один путь», а также мощным стимулом для единства и процветания Евразийского континента.

2. Россия уже давно подвергается стратегическому давлению со стороны Европы и США, особенно после украинского кризиса, когда Запад ввел против нее ряд жестких санкций.

После распада Советского Союза Россия пыталась продемонстрировать Западу свою добрую волю в надежде получить признание и одобрение, предпринимая попытки интегрироваться в международный порядок, сформированный под влиянием западных государств [35]. Отношения между Россией и Западом достигли пика, когда Россия без колебаний встала на сторону США после террористических атак 11 сентября 2001 года, но это не развеяло опасений Запада. Напротив, с момента окончания холодной войны НАТО значительно увеличила свое присутствие на Востоке, в 5 раз расширив свои границы и удвоив количество государств-членов, а стратегическое пространство России сжалось, создав серьезную угрозу ее национальной безопасности. Отношение России к расширению НАТО на Восток также стало более жестким. На этом фоне в 2014 году разразился украинский кризис, и отношения России с Европой и США ухудшились [6]. Европа и США ввели ряд санкций против России, и под двойным воздействием падения мировых цен на нефть внутренняя экономика России оказалась под значительным давлением. Кроме того, Украина всегда рассматривала членство в НАТО как национальную стратегическую цель, в то время как Россия определяет вступление Украины в НАТО как «красную черту» национальной безопасности, что представляет собой комплекс непримиримых противоречий, которые в итоге привели к началу украинского кризиса в 2022 году. Это самый серьезный геополитический конфликт между Россией и Западом со времен окончания холодной войны, и Россия оказалась в полной «изоляции» со стороны Запада [29].

На фоне текущих событий Россия особенно заинтересована в получении политической поддержки со стороны Китая. В Москве инициативу «Один пояс, один путь» воспринимают как важный ин-

струмент противодействия гегемонии, преодоления внешних ограничений и расширения стратегического пространства. Украинский кризис, в свою очередь, стал фактором, объективно способствовавшим сближению двух стран. После его начала Россия заметно активизировала взаимодействие в рамках названного проекта [33].

3. Под влиянием множества факторов, включая международный финансовый кризис и эпидемию COVID-19, мировая экономика столкнулась с огромными рисками, а глобализация начала испытывать противодействие.

После мирового финансового кризиса 2008 года мировая экономика сильно пострадала, и российская тоже. После кризиса на Украине в 2014 году экономическое положение России значительно осложнилось на фоне введенных западными странами санкций. Это спровоцировало масштабный отток иностранных инвестиций, что, в свою очередь, привело к серьезному падению курса национальной валюты и росту внутренних цен. Дополнительным негативным фактором стало устойчивое снижение мировых цен на энергоресурсы, что нанесло особенно ощутимый удар по российской экономике, традиционно зависящей от экспорта сырьевых товаров, прежде всего нефти и газа.

В последние годы мир столкнулся с огромными переменами, которые кардинально изменили общество и экономику. Brexit Великобритании в 2016 году, торговая война между США и Китаем, пандемия COVID-19 с 2020 года и российско-украинский конфликт с 2022 года и т.д. — все эти дестабилизирующие факторы усилили риски падения мировой экономики, ускорили формирование деглобализационных тенденций и привели к росту одностороннего подхода и протекционизма [5].

С момента запуска китайской инициативы «Один пояс, один путь» наблюдается заметное укрепление экономического взаимодействия между Китаем и Россией, что находит отражение в устойчивом росте объемов двусторонней торговли. С 2010 года Китай является крупнейшим торговым партнером Российской Федерации и одним из крупнейших инвесторов в российскую экономику. Показатель торгового оборота между двумя странами в 2018 году впервые превысил символическую планку в 100 млрд долл. Объем торговли между двумя странами в 2024 году достиг 244,8 млрд долл. В январе — октябре 2024 года на долю Китая по-прежнему

приходится более 1/3 части российской внешней торговли, исходя из данных Федеральной таможенной службы [22]. Кроме того, Пекин и Москва намерены увеличить долю своих национальных валют в двусторонних расчетах. В 2024 году министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил, что Россия и Китай практически полностью перешли на расчеты в национальных валютах, их доля составляет 95% [8]. В условиях современной сложной международной обстановки Китай, как ожидается, способен сыграть важную конструктивную роль в содействии стабилизации и восстановлению российской экономики.

Мало того, в нынешней сложной и тяжелой экономической ситуации Китай по-прежнему остается одним из важных двигателей мировой экономики [2]. Реализация инициативы «Один пояс, один путь» способна не только ускорить социально-экономическое развитие государств, находящихся вдоль маршрутов проекта, но и сыграть существенную роль в глобальном экономическом восстановлении. Согласно докладу, опубликованному Cebr¹, этот проект позволяет Китаю вносить устойчивый вклад в поддержание темпов роста мировой экономики. Помимо прочего, инициатива способствует созданию современной инфраструктуры в различных регионах мира и уменьшает логистические барьеры, сдерживающие развитие международной торговли. Ожидается, что к 2040 году ежегодный прирост мирового ВВП в рамках инициативы «Один пояс, один путь» составит 7,1 трлн долл., причем наибольшую выгоду от этого получают США, Россия и Центральная Азия [27].

4. Международные силы расходятся и объединяются, центр тяжести смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), а Россия ускоряет реализацию своей стратегии «Поворот на Восток».

Современная международная система развивается ускоренными темпами, а международные силы вновь расходятся и объединяются. С начала нового века Азиатско-Тихоокеанский регион стремительно поднимается и постепенно становится центром политического и экономического притяжения в мире. Очевидно, что баланс сил в мире сегодня во многом зависит от ситуации в АТР. В результате крупнейшие мировые державы переносят стратегический центр тяжести в АТР и наращивают там свое присутствие. Российская Федерация обладает уникальными географическими

¹ Центр экономических и деловых исследований (Centre for Economics and Business Research) — британская исследовательская и консалтинговая компания.

преимуществами, позволяющими ей играть важную роль в экономике и политике АТР. К ним относятся географическая близость к экономически активному АТР, значительный транзитный потенциал и богатые природные ресурсы [23]. По геостратегическим и геоэкономическим причинам Россия ускорила реализацию стратегии «Поворот на Восток», которая состоит из трех основных компонентов: социально-экономического развития Дальнего Востока, интеграции российской экономики в АТР и укрепления двустороннего и многостороннего сотрудничества со странами региона [28].

В целом с ростом значения АТР в мировой политике роль России на международной арене во многом определяется ее участием в региональных процессах. В этом контексте инициатива «Один пояс, один путь» может стать важным инструментом расширения взаимодействия между Россией и странами АТР.

5. Взаимодействие между проектом «Один пояс, один путь» и ЕАЭС открывает широкие перспективы, так как эти инициативы во многом сочетаются друг с другом и направлены на устойчивое и продолжительное развитие региона.

Инициатива «Один пояс, один путь» под руководством Китая и ЕАЭС под руководством России — самые влиятельные проекты в Евразии. Несмотря на концептуальные различия и определенную конкуренцию между ними, бесспорно, что они обладают достаточным потенциалом для стыковки и сотрудничества. В последние годы в китайских и российских академических кругах появилось множество исследований, посвященных этим проектам, и большинство ученых с оптимизмом смотрят на широкие перспективы сотрудничества между ними. И Китай, и Россия признают важность и незаменимость друг друга, сильную экономическую взаимодополняемость наших стран, высокую степень совместимости стратегий развития КНР и Российской Федерации, что является благоприятными условиями для стыковки сотрудничества «Один пояс — один союз» [32]. Кроме того, оба проекта имеют долгосрочный и стратегический характер и являются отправной точкой для согласования долгосрочных интересов России и Китая и создания общего экономического пространства. Существует большой потенциал для сотрудничества и развития обоих проектов в сфере экономики и торговли, сельского хозяйства, экологии, науки и техники и т.д. Проект «Один пояс — один союз» является

взаимоукрепляющим, помогает найти новые точки экономического роста, усилить потенциал и конкурентные преимущества стран-участниц и одновременно повысить уровень безопасности в Центрально-Азиатском регионе [24].

Таким образом, взаимная интеграция проектов «Один пояс, один путь» и ЕАЭС рассматривается как значимый шаг на пути укрепления процессов экономической глобализации и формирования многополярного мирового порядка [7].

***Некоторые предложения
по китайско-российскому сотрудничеству
в рамках инициативы «Один пояс, один путь»***

С момента запуска и за 10 лет своего существования инициатива «Один пояс, один путь» прошла путь от замысла до практической реализации, продемонстрировав впечатляющие достижения, привлечшие внимание мировой общественности. В этом контексте партнерство между Китаем и Россией в рамках проекта продолжает поступательное развитие. Тем не менее в условиях глобальных трансформаций, беспрецедентных за последнее столетие, и сама инициатива, и двусторонние отношения будут сталкиваться с более сложными вызовами. Исходя из этого, необходимо скорректировать и усовершенствовать текущие стратегии и меры, что делает предложенные в работе решения актуальными.

1. Китай и Россия должны укреплять свое взаимодействие для эффективного противодействия ключевым глобальным угрозам и вызовам.

Основные вызовы, стоящие перед инициативой «Один пояс, один путь» и китайско-российскими отношениями, лежат в нескольких областях. В политическом плане это — поляризация международного сообщества, когда страны всё больше переходят к соперничеству и гегемонии блоков. НАТО, возглавляемая Соединенными Штатами, перенесла свой стратегический центр тяжести в Индо-Тихоокеанский регион, что создает серьезную угрозу национальной безопасности и стратегическим интересам Китая и России. В экономическом плане это — фрагментация мировой экономики и рост одностороннего подхода и протекционизма. После украинского кризиса в 2014 году Запад принял ряд санкций против России. Вследствие начала специальной военной операции

на Украине в 2022 году Россия оказалась под одновременным ударом финансовых санкций и разрыва международных партнерств. С приходом администрации Трампа США резко обострили отношения с Китаем, развязав торговую войну и стремясь к экономическому разрыву. Американские власти также активно препятствовали развитию китайских высокотехнологичных компаний, используя различные методы блокировки и ограничений. В международной системе безопасности наблюдается нарастание напряженности: локальные конфликты становятся всё более интенсивными, что может привести к масштабным столкновениям. Противостояние между Россией и Украиной стало одним из наиболее значимых вызовов для Москвы со времен завершения холодной войны, ознаменовав собой серьезный сдвиг в глобальной политической конфигурации. Китай также сталкивается с беспрецедентным политическим давлением со стороны западных обществ. Помимо этого Китай сам находится под давлением ряда вызовов в области безопасности, включая напряженность в Тайваньском проливе, споры в Южно-Китайском море и нестабильность на Корейском полуострове. Кроме того, новый виток израильско-палестинского конфликта вновь зажег «пороховую бочку» на Ближнем Востоке.

На этом фоне Китай и Россия должны поддерживать стратегическую стабильность и укреплять свою способность совместно справляться с основными международными рисками и вызовами. Китай, Россия и ЕС являются ключевыми игроками, формирующими геополитический ландшафт Евразии. Пекин и Москва должны сделать всё возможное для позитивной трансформации своих отношений с ЕС — сохранить общее пространство экономики и безопасности в Евразии и, по возможности, избежать раскола и конфронтации на Евразийском континенте. Самое главное сейчас — не допустить дальнейшей эскалации российско-украинского конфликта и стремиться к его разрешению путем диалога и переговоров [25].

2. Китай и Россия должны органично интегрировать инициативу «Один пояс, один путь» с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), ЕАЭС, БРИКС и другими механизмами и структурами.

В условиях становления многополярного миропорядка страны с развивающейся экономикой и развивающиеся страны играют возрастающую роль, что, в свою очередь, стимулирует формирование интеграционных и институциональных основ для евра-

зийского партнерства. Инициатива «Один пояс, один путь», ЕАЭС, ШОС и БРИКС — это многосторонние структуры сотрудничества, основными участниками которых являются страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны, и они являются важными платформами для солидарности и сотрудничества между формирующимися силами в современном мире [36]. Эти механизмы сотрудничества основываются на сходных концепциях развития, преследуют схожие цели, реализуются по схожим путям и обладают взаимодополняющим характером в своей практической реализации [34]. Министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил также, что в рамках ЕАЭС и сотрудничества по инициативе «Один пояс, один путь» идет процесс формирования общего евразийского экономического пространства путем расширения связей между ЕАЭС, ШОС и АСЕАН [21].

Таким образом, эффективная стыковка инициативы «Один пояс, один путь» с такими региональными механизмами, как ЕАЭС, ШОС и БРИКС, отражает усиливающееся стремление к формированию трансрегиональных кооперационных сетей и способна внести вклад в продвижение инклюзивного многостороннего подхода и модели взаимовыгодного глобального сотрудничества.

3. Китай и Россия должны укреплять строительство Цифрового Шелкового пути.

Наука и технологии играют важную роль в международных отношениях. На протяжении всей истории человечества многочисленные технологические инновации и их распространение приводили к революции в одной или нескольких странах, меняя баланс сил на региональном и глобальном уровнях. Четвертая промышленная революция охватила весь мир, и «цифровая экономика» является одной из ключевых ее технологий. С одной стороны, «цифровая экономика» придаст огромный импульс глобальному экономическому развитию и увеличит мировое богатство. С другой стороны, «цифровое неравенство» приведет к несбалансированному распределению ресурсов между странами: технологически развитые страны получают больше преимуществ, а отстающие — меньше. Большинство стран, охваченных инициативой «Один пояс, один путь», имеют слабые цифровые технологии и инфраструктуру, а также ограниченный уровень цифровизации, но при этом обладают огромным потенциалом развития. В этих условиях в 2017 году

председатель КНР Си Цзиньпин на Первом Международном форуме «Один пояс, один путь» впервые предложил построить Цифровой Шелковый путь. Цифровой Шелковый путь внесет важный вклад в преодоление существующего «цифрового разрыва» между странами и в построение взаимосвязанной «цифровой экономики». Однако проект «Цифровой Шелковый путь» еще не получил широкого признания в международном сообществе, и по состоянию на февраль 2023 года в данной инициативе участвуют только 17 стран. Из-за небольшого числа стран-участниц Цифровой Шелковый путь остается наименее изученным элементом инициативы «Один пояс, один путь» [12].

В ответ на новые вызовы времени Китай и Россия сделали ставку на научно-техническое развитие, предприняв значительные шаги по стимулированию инноваций в своих странах. В то же время направление научно-технического сотрудничества между Китаем и Россией расширяется до инноваций и сотрудничества в высокотехнологичных областях. Вопрос о том, как совместно укреплять и продвигать проект «Цифровой Шелковый путь», требует осмысления и изучения со стороны Китая и России.

4. Китай и Россия должны наращивать совместные усилия в рамках многостороннего проекта «Ледовый Шелковый путь».

Арктический регион богат стратегическими ресурсами: здесь находятся самые богатые в мире неразработанные запасы нефти и природного газа, а также важные запасы металлов. Северный морской путь (СМП) — это кратчайший маршрут, соединяющий Европу, Азию и Северную Америку, и в то же время он позволяет избежать рисков безопасности традиционных морских путей. Геополитическая значимость Арктического региона, обусловленная его стратегическим положением, привела к обострению конкуренции между странами, стремящимися укрепить свои позиции в нем.

Поскольку СМП находится исключительно в пределах России, страна несет основную ответственность за его комплексную безопасность и ледокольное сопровождение. Это дает ей полное основание для установления правил прохода судов и введения сбора, который взимается как часть платы за перевозку грузов. Несмотря на большой интерес Китая к Арктическому морскому пути, который рассматривается как более короткий и безопасный путь связи между Азией и Европой, Китай всегда подчеркивает

важность продвижения арктического сотрудничества посредством переговоров и совместного строительства [14]. В 2017 году Китай и Россия выдвинули инициативу о совместной работе по освоению и эксплуатации Северного морского пути с перспективой формирования так называемого Ледового Шелкового пути [37]. Ряд российских экспертов отмечают, что арктическое направление приобретает возрастающее значение на фоне укрепления стратегического взаимодействия двух стран. В условиях внешнеполитического давления Запада и сохраняющихся санкционных мер Москва и Пекин ищут новые сферы для расширения партнерства, рассматривая освоение Арктики как одно из ключевых и долгосрочных направлений совместной деятельности [14].

Однако нынешнее строительство Ледового Шелкового пути всё еще имеет следующие ограничения. Во-первых, текущий уровень экономического и торгового сотрудничества между Китаем и Россией не обеспечивает достаточной базы для успешной реализации проекта «Ледовый Шелковый путь». В результате этот проект рискует превратиться в простую схему передачи энергоресурсов из России в Китай. Во-вторых, ограниченные финансовые ресурсы заставляют Россию искать партнеров для развития Арктики. Китай, заинтересованный в этом регионе, становится ключевым союзником, позволяя обеим странам совместно реализовывать арктические проекты. Однако участие Китая вызывает у России определенные опасения, прежде всего в области военной и стратегической безопасности, а также касающиеся вопросов суверенитета и территориальных споров [26]. Наконец, в настоящее время проект «Ледовый Шелковый путь» еще не достиг глубокого уровня интеграции с инициативой «Один пояс, один путь». Его развитие в основном сосредоточено на двустороннем сотрудничестве между Китаем и Россией в области строительства инфраструктуры СМП и энергетического взаимодействия. Несмотря на определенные успехи, вовлеченность других государств, масштабы торговых операций и спектр направлений взаимодействия пока остаются ниже предполагаемого уровня и не в полной мере соответствуют изначально заявленным амбициям [30].

По мере реализации инициативы «Один пояс, один путь» Китай и Россия должны перейти от текущего формата двустороннего взаимодействия к формированию многостороннего сотрудни-

чества в рамках создания маршрута «Ледовый Шелковый путь». Такой подход позволит значительно укрепить его стратегическое значение и раскрыть потенциал маршрута на новом уровне.

Заключение

В статье рассматривается трансформация взглядов российского экспертного сообщества на инициативу «Один пояс, один путь» и оценивается ее стратегическая роль для России. От начального этапа, когда преобладали сомнения, до перехода к активному участию позиция Москвы демонстрирует сложность ее геополитических приоритетов. Анализируя расширяющееся стратегическое партнерство Китая и России, данная статья выявляет перспективные направления взаимодействия в рамках инициативы, включая евразийскую экономическую интеграцию, развитие Цифрового Шелкового пути и освоение Ледового Шелкового пути. Устойчивое укрепление двусторонних связей формирует надежную политическую базу для успешного воплощения проекта.

С одной стороны, как ключевой участник ЕАЭС Россия занимает значимое место в реализации инициативы «Один пояс, один путь». Экономики России и Китая во многом взаимно дополняют друг друга, а их потенциал для кооперации ярко проявляется в энергетическом секторе, строительстве инфраструктуры и технологических инновациях. С другой стороны, Россия постепенно осознает, что инициатива «Один пояс, один путь» во многом перекликается с концепцией Большого Евразийского партнерства. В перспективе это создает условия, при которых Россия и Китай смогут эффективно задействовать данную платформу для совместного ответа на вызовы, возникающие на фоне обратных тенденций в глобализации.

Таким образом, активное участие России в рамках инициативы «Один пояс, один путь» не только способствует экономической интеграции Евразии, но и усиливает позиции двух стран в глобальной системе управления. В условиях изменяющейся международной обстановки России и Китаю следует укреплять интеграцию многосторонних механизмов, углублять двустороннее сотрудничество и вносить вклад в создание более справедливого и многополярного международного порядка.

С теоретической точки зрения исследование, представленное в статье, открывает новые перспективы для академического

обсуждения российско-китайских отношений в контексте инициативы «Один пояс, один путь», особенно в условиях изменений геополитической ситуации и мировой системы, что делает роль и стратегический выбор России предметом дальнейшего научного внимания.

Литература

1. Владимир Путин принял участие в пленарной сессии юбилейного, XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: [официальный сайт]. — 05.10.2023. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 18.02.2025).
2. Владимир Путин принял участие во втором Международном форуме «Один пояс, один путь» // Президент России: [официальный сайт]. — 26.04.2019. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60378> (дата обращения: 15.02.2025).
3. Глава Российского государства выступил на церемонии открытия третьего Международного форума «Один пояс, один путь» // Президент России: [официальный сайт]. — 18.10.2023. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72528> (дата обращения: 15.02.2025).
4. Го Янь. Как изменилось отношение России к концепции «Один пояс — один путь»? // IZ.RU. — 05.07.2017. — URL: <https://iz.ru/614814/go-ian/kak-izmenilos-otnoshenie-rossii-k-kontseptcii-odin-poias-odin-put> (дата обращения: 15.02.2025).
5. Деглобализация-2022: почему мир раскалывается на части и что будет дальше // РБК. — 05.10.2022. — URL: <https://pro.rbc.ru/demo/633c5f949a7947c0ad21f382?ysclid=loozu3okqf938113375> (дата обращения: 18.02.2025).
6. Как менялись отношения России и НАТО. Хронология // РБК. — 18.10.2021. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/10/2021/616d7c029a7947fda3af9151?ysclid=loow6a0axo203683169> (дата обращения: 18.02.2025).
7. Кокарев К.А. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП: перспективы и проблемы развития // РИСИ: [официальный сайт]. — 11.05.2017. — URL: <https://riss.ru/news/smi/sopryazheniye-yeaes-i-epshp-perspektivy-i-problemy-razvitiya/> (дата обращения: 18.02.2025).
8. Лавров заявил, что РФ и КНР почти полностью перевели расчеты в нацвалюты // ТАСС. — 03.10.2024. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/22028239> (дата обращения: 18.02.2025).
9. Ли Хуэй. Пятилетка высокого уровня // IZ.RU. — 13.10.2017. — URL: <https://iz.ru/657162/li-khuei/piatiletka-vysokogo-urovnia> (дата обращения: 15.02.2025).
10. Лузянин С.Г., Афоняева А.В. Один пояс, один путь — политические и экономические измерения // Вестник Томского государственного университета. Серия: Экономика. — 2017. — № 40. — С. 5—14.
11. Луконин С.А. Экономический пояс Шелкового пути: риски и возможности для России // Международная торговля и торговая политика. — 2015. — № 4. — С. 18—29.
12. Нежданов В.Л. На Цифровом Шелковом пути: стратегия Пекина в глобальном цифровом пространстве // ПИР-Центр. — 28.08.2023. — URL: <https://pircenter.org/editions/na-cifrovom-shelkovom-puti-strategija-pekina-v-globalnom-cifrovom-prostranstve/?ysclid=loruy5y59156984977> (дата обращения: 20.02.2025).
13. Новый Шелковый путь и его значение для России: сб. ст. / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки, Ин-т Дальнего Востока РАН; под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. — М.: ДеЛи плюс, 2016. — 232 с.
14. Петровский В.Е., Филиппова Л.В. Россия и Китай в Арктике. — М.: Весь мир, 2022. — 168 с.
15. Путин поддержал проект «Один пояс — один путь» // РИА Новости. — 15.05.2017. — URL: <https://ria.ru/20170515/1494278134.html?ysclid=loo8st6cef995610364> (дата обращения: 15.02.2025).
16. Россия и Центральная Азия // МИД России: [официальный сайт]. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/rossia-i-problemy-central-noj-azii/ (дата обращения: 18.02.2025).

17. Россия на новом шелковом пути // Независимая газета. — 16.03.2015. — URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2015-03-16/9_silkroad.html (дата обращения: 15.02.2025).
18. *Санаков С. Ф.* Связанные одним поясом, идем одним путем / РСМД. — 04.09.2023. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/svyazannyye-odnim-poyasom-idem-odnim-putem/?ysclid=loo88lmnww846699675> (дата обращения: 15.02.2025).
19. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия // Президент России: [официальный сайт]. — 05.06.2012. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1230> (дата обращения: 05.06.2025).
20. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия // Президент России: [официальный сайт]. — 20.05.2014. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1642> (дата обращения: 15.02.2025).
21. *Сченснович В. Н.* Сотрудничество России с Киргизией, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном в рамках ШОС и ЕАЭС // Россия и мусульманский мир. — 2020. — № 4 (318). — С. 33—41.
22. Товарооборот между Китаем и Россией обновил рекорд // РБК. — 13.01.2025. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/01/2025/6784b65d9a7947a78f5b5dfe?ysclid=m7p80gbxbo943112223> (дата обращения: 18.02.2025).
23. *Торкунов А. В., Стрельцов Д. В., Колдунова Е. В.* Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. Политические исследования. — 2020. — № 5. — С. 8—21. — URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02>.
24. *Фролова И. Ю.* Китайский проект «Экономический пояс Шелкового пути»: развитие, проблемы, перспективы // Международная политика. — 2016. — № 5 (38). — С. 47—67.
25. *Чжао Хуашэн.* Китай и Россия: диалог вопреки внешним вызовам / РСМД. — 23.06.2022. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-rossiya-dialog-vopreki-vneshnim-vyzovam/> (дата обращения: 20.02.2025).
26. *Чжао Хуашэн.* Российско-китайское стратегическое партнерство: от континентального к морскому / РСМД. — 19.08.2021. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-kitayskoe-strategicheskoe-partnerstvo-ot-kontinentalnogo-k-morskomu/?sphrase_id=200504550&ysclid=m9zxy041yd735131191 (дата обращения: 05.06.2025).
27. Belt and Road Initiative to boost world GDP by over \$7 trillion per annum by 2040 // Cebr. — 27.05.2019. — URL: <https://cebr.com/reports/belt-and-road-initiative-to-boost-world-gdp-by-over-7-trillion-per-annum-by-2040/> (accessed: 18.02.2025).
28. *Fortescue S.* Russia's "turn to the east": a study in policy making // Post-Soviet Affairs. — 2016. — Vol. 32. No. 5. — P. 423—454.
29. *Han Kedi.* NATO's Eastward Expansion and the Crisis in Ukraine // Russian, Central Asian & East European Studies. — 2022. — Vol. 5. — P. 36—52.
30. *Jiang Yinan.* Multilateral Cooperation under the Polar Silk Road Framework: Opportunities, Challenges and Approaches // Pacific Journal. — 2019. — Vol. 8. — P. 67—77.
31. *Liu Yan, Liu Mengque.* Progress, Issues and Implications of Belt and Road Research in Russia // Siberian Studies. — 2022. — Vol. 5. — P. 43—55.
32. *Li Yongquan.* The Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative // Academic Journal of Russian Studies. — 2018. — Vol. 4. — P. 5—14.
33. *Yang Chuang.* From Divergence to Compatibility — Russia's Strategic Adjustment and Options under the "Belt and Road" Initiative // Frontiers. — 2015. — Vol. 12. — P. 51—63.
34. «Белая лента» с верхним группированием взаимодействия (The "Belt and Road" initiative and the Shanghai Cooperation Organization achieve interactive development) //求是网 (Qishi). — 15.04.2017. — URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2017-04/15/c_1120788691.htm (accessed: 20.02.2025).
35. Россия была западной историей, может быть будущее всех развивающихся стран (Russia's history of being suppressed by the West may be the future of all developing countries) // 新华网 (Xinhua). — 19.03.2023. — URL: http://www.news.cn/world/2023-03/19/c_1211739268.htm (accessed: 18.02.2025).
36. Совместное развитие, совместные вызовы, совместная картина (Seek development together, meet challenges together, develop together) // 外交部网站 (Ministry of Foreign Affairs website). — 11.07.2015. —

- URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/xgxw_683100/201507/t20150711_9388401.shtml (accessed: 20.02.2025).
37. 习近平会见俄罗斯总理梅德韦杰夫 (Xi Jinping meets with Russian Prime Minister Dmitry Medvedev) // 新华网 (Xinhua). — 01.11.2017. — URL: http://www.xinhuanet.com//2017-11/01/c_1121891929.htm (accessed: 20.02.2025).
 38. 习近平同俄罗斯总统普京会谈 (Xi Jinping holds talks with Russian President Vladimir Putin) // 人民网 (People's Daily Online). — 19.10.2023. — URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2023/1019/c1024-40098441.html> (accessed: 15.02.2025).
 39. 中国同俄罗斯的关系 (China's relations with Russia) // 外交部网站 (Ministry of Foreign Affairs website). — URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/sbgx_679114/ (accessed: 18.02.2025).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович,

доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН.

Magomedemin M. Gadzhiev,

Doctor of Political Sciences,
Chief Researcher,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: gadjiev.dgu@mail.ru

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ США В ОТНОШЕНИИ ПАНАМСКОГО КАНАЛА И ГРЕНЛАНДИИ

U.S. FORCED DIPLOMACY IN THE PANAMA CANAL AND GREENLAND

Аннотация: статья исследует драматический пример реализации принудительной внешней политики администрации Президента Трампа в отношении Панамского канала. В центре исследования — попытка найти объяснение того, какова мотивация американского политического класса в вытеснении Китая с торгово-коммуникационных маршрутов Западного полушария. Для достижения цели исследования автор обратился к объяснительному потенциалу транзитной геополитики. Показано, какие геополитические стимулы стали драйвером принудительной политики США в отношении китайских позиций в Панаме. Данные процессы исследованы в некотором сравнении с другим нашумевшим казусом — принудительной дипломатией США в отношении Гренландии.

Ключевые слова: Панамский канал, коммуникации, администрация Трампа, принудительная дипломатия, геополитика, Гренландия.

Abstract: the article examines the process a dramatic example of the implementation of the coercive foreign policy of the Trump administration regarding the Panama Channel. The study is centered on an attempt to find an explanation for the motivation of the American political class in ousting China from the trade and communication routes of the Western Hemisphere. To achieve the goal of the study, the author turned to the explanatory potential of transit geopolitics. It shows what geopolitical incentives have become the driver of the US coercive policy towards Chinese positions in Panama. These processes are examined in some comparison with another notorious case — the US coercive diplomacy towards Greenland.

Key words: Panama Channel, communications, administration of Trump, coercive diplomacy, geopolitics, Greenland.

Введение

Актуальность данной работы определяется необходимостью исследования содержания принудительной дипломатии Америки в отношении Панамского канала и острова Гренландия. После возвращения в должность президента США в январе 2025 года Дональд Трамп спровоцировал интенсивные дебаты о роли торгово-транспортных объектов во внешней политике Вашингтона. Не прошло и трех месяцев, как он начал активно продвигать рискованные дипломатические инициативы по Панамскому каналу и Гренландии, вызвав у многих опасения. Заявление Президента США Дональда Трампа в его инаугурационной речи 20 января 2025 года о том, что «Китай управляет Панамским каналом», вызвало оживленные споры. Предметом дискуссий стало последовавшее затем предложение Трампа вернуть канал под контроль США [11]. 6 февраля 2025 года Панама подтвердила свое решение о выходе из масштабного инфраструктурного китайского проекта «Один пояс, один путь» в связи с растущим давлением со стороны США по поводу ее связей с Пекином. Как отмечают аналитики, новое политическое руководство США нацелено на «слабые звенья» в поддерживаемых Китаем глобальных проектах. Цель такого принуждения — сократить растущее влияние Поднебесной на ключевых участках мировой торговли во время второго срока Президента Дональда Трампа. Как было заявлено на страницах влиятельного издания «South China Morning Post», такой подход Соединенных Штатов направлен на увеличение рисков для тех стран, которые хотят глубже интегрироваться в китайские торгово-инфраструктурные инициативы [9].

Статья посвящена изучению причин, по которым США сделали торгово-коммуникационный ресурс ключевым инструментом своей политики в Западном полушарии. Чтобы понять, почему данный торгово-транзитный маршрут стал предметом геополитического спора, мы обратимся к основам транзитной геополитики. Затем мы дадим краткую справку о том, как обе страны участвуют в развитии данного проекта. Это необходимо для того, чтобы понять, какую роль Панамский канал играет в торговле США и Китая. Основной

раздел исследования посвящен тому, что является драйвером принудительной политики США в отношении Китая. И, наконец, в кратком заключительном разделе будет приведен кейс Гренландии для демонстрации принудительной дипломатии США в отношении регионов Крайнего Севера.

***Панамский канал в контексте транзитной геополитики:
объяснительная модель***

Для того чтобы приблизиться к лучшему пониманию роста значимости торгово-коммуникационного фактора в текущей геополитике США, мы приведем наглядные исторические примеры. В период «Большой игры» – геополитической конкуренции в Центральной Азии между Россией и Британией в XIX веке – именно упреждающий контроль над коммуникациями оказался решающим аргументом победы официального Санкт-Петербурга. Таким аргументом, который предопределил геополитическое доминирование России в регионе на долгие годы, стала Закаспийская железная дорога, построенная русским правительством в 1888 году.

Еще один исторический пример. Многовековое господство Британской империи на морях и континентах объясняется во многом ее способностью контролировать основные транзитные точки планеты. Речь идет о таких чувствительных местах, как Мальта, Гибралтар, Занзибар, Суэцкий канал и др. Результатом было то, что захваченные территории становились не просто подконтрольной сферой, а превращались в пространство власти. Типичным примером, подтверждающим данный тезис, стала история строительства трансафриканской железнодорожной трассы, пересекающей всю Африку с севера на юг по маршруту Каир — Капштадт (нынешний Кейптаун). Тот факт, что дорога строилась британскими компаниями много лет, но так и не была закончена в качестве транспортного объекта (участок дороги между Угандой и Суданом не был построен), говорит о том, что официальный Лондон решился на эту коммуникационную эпопею, преследуя в первую очередь геополитические цели. Официальный Лондон пошел на эту коммуникационную эпопею, преследуя в первую очередь геополитические цели. И только во вторую очередь этот проект имел транспортное значение. Геополитическая роль этой железной дороги состояла в том, чтобы закрепить военно-политический контроль Британской

империи над захваченными территориями Восточной Африки. При этом британцы всегда крайне чувствительно реагировали на любую попытку нарушить данную монополию.

Сегодня судьба Панамского канала и варианты его использования обусловлены тем, кто окажется геополитическим лидером американского суперконтинента. В данном контексте, как это часто бывало в истории, именно торгово-инфраструктурный потенциал и транспортное назначение данного канала оказались в центре американо-китайского противостояния в 2025 году. Указанный эпизод в очередной раз демонстрирует значимость торговых и инфраструктурных коммуникаций в борьбе за глобальное влияние. Много лет назад один из крупных немецких политических мыслителей Карл Хаусхофер писал, что «именно развитие коммуникаций показывает постоянную переоценку кажущихся долговременными в своём значении запечатленных географических факторов» [2, с. 282].

Значимость Панамского канала для Китая и США

Примерно 100 лет назад случилось событие, которое многие исследователи называют «свадьбой океанов». Речь идет о моменте, когда Президент США Вудро Вильсон отдал приказ о последнем шаге в создании Панамского канала, соединяющего Атлантический и Тихий океаны. Это событие преобразовало мировую торговлю. Сегодня Соединенные Штаты стремятся вернуть себе влияние на этот водный путь. Как было отмечено, в своей инаугурационной речи в январе Президент Дональд Трамп заявил, что Китай «управляет» каналом, и поклялся, что Соединенные Штаты «возьмут его обратно». На пресс-конференции Трамп не исключил использования экономического принуждения или даже военной силы, чтобы добиться этой цели. Позже выяснилось, что Белый дом поручил Пентагону разработать планы по захвату водного пути силой. Эти угрозы, похоже, возымели действие: Панама вышла из китайской инициативы «Один пояс, один путь» и согласилась на продажу портовых операций на каждом конце канала гонконгской холдинговой компанией «CK Hutchison Holdings Ltd.» группе инвесторов во главе с американской фирмой «BlackRock». Как бы ни сложилась судьба канала, этот эпизод послужил сигналом того, что Вашингтон готов предъявить странам суровый ультиматум: встать на сторону Соединенных Штатов или столкнуться с последствиями.

Панамский канал — один из ключевых транспортных путей на планете. Он обеспечивает кратчайший путь между Атлантическим и Тихим океанами. Для Китая он играет роль важной торговой трассы и связующего звена с Латинской Америкой, сокращая время доставки и упрощая перемещение товаров на рынки Западного полушария и обратно. В 2017 году Пекин официально установил дипломатические отношения с Панамой. С тех пор Китай последовательно наращивал свое экономическое влияние в Панаме, используя ряд масштабных проектов для укрепления ее роли как связующего звена между океанами. К 2023 году объем прямых иностранных инвестиций Китая в Панаму составил около 1,4 млрд долл. США, однако значительная часть этих инвестиций связана с инфраструктурными контрактами, а не с долгосрочным владением активами. За довольно короткий срок — с октября 2023 года по сентябрь 2024 года — Управление Панамского канала получило доход в объеме 3,38 млрд долл. США. Доля Китая в объеме перевозимых грузов по данному маршруту составила 21,4% от общего количества [11].

Помимо того, что Панамский канал является самым коротким морским путем между западным и восточным побережьями США, он имеет стратегическое значение для американской экономики, выступая в качестве важнейшего коридора для грузоперевозок в Азию [5]. Достаточно сказать, что около 75% грузопотока канала идет из Соединенных Штатов или направляется в Соединенные Штаты. Еще один немаловажный факт: США как крупнейший в мире экспортер сжиженного природного газа (СПГ) использует канал для своих поставок энергии.

Принудительная политика США в отношении Панамского канала в контексте антикитайской информационной политики Вашингтона

После того как госсекретарь США Марко Рубио посетил Панаму в феврале 2025 года, во время которого он предупредил о «немедленных изменениях», если влияние Китая на канал не будет ограничено, латиноамериканская страна вышла из пекинской инициативы «Один пояс, один путь» [3].

Действия Соединенных Штатов не только воскрешают доктрину Монро, декларацию XIX века о том, что Западное полушарие явля-

ется зоной исключительной ответственности его стран, но и предупреждают о том, что конфликты вокруг канала могут стать ранним индикатором других рисков для китайских инвестиций в Америке.

Здесь необходимо зафиксировать один важный аспект для более тонкого понимания изучаемой проблемы. Речь идет о широко распространенной политизации китайской проблемы, которая стала контекстом американской политики. Еще задолго до повторного прихода Трампа на пост президента США профессор кафедры изучения Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона в Корнелльском университете Джессика Чен Вайс с тревогой отмечала: «Конкуренция с Китаем начала поглощать внешнюю политику США. Охваченные вызовом почти равного соперника, чьи интересы и ценности резко расходятся с интересами и ценностями Соединенных Штатов, американские политики становятся настолько сосредоточенными на противодействии Китаю, что они рискуют потерять из виду позитивные интересы и ценности, которые должны лежать в основе стратегии США» [3]. Эта одержимость Китаем базировалась на реальных и воображаемых страхах, которые американская элита взращивала в публичной сфере. Вот что пишет старший научный сотрудник Института Гувера Стэнфордского университета Элизабет Эконом: «К настоящему времени амбиции председателя КНР Си Цзиньпина переделать мир неоспоримы. Он хочет распустить сеть альянсов Вашингтона и очистить международные организации от того, что он называет «западными» ценностями. Он хочет сбросить доллар США с пьедестала и устранить удушающую хватку Вашингтона над критически важными технологиями. В его новом многополярном порядке глобальные институты и нормы будут подкреплены китайскими представлениями об общей безопасности и экономическом развитии, китайскими ценностями определяемых государством политических прав и китайскими технологиями. Китаю больше не придется бороться за лидерство. Его центральное положение будет гарантировано» [7].

Сегодня становится очевидно, что, несмотря на неопределенность, окружающую подход администрации Трампа, центральная проблема, с которой она сталкивается, ясна: позиционирование Соединенных Штатов для победы над Китаем как критического направления внешнеполитической стратегии Вашингтона [8].

На пути к новой принудительной дипломатии США: казус Гренландии

Параллельно с событиями вокруг Панамского канала происходили наступательные публично-политические шаги в отношении такой полярной территории, как Гренландия, — автономной провинции Дании. 12 февраля 2025 года были инициированы слушания в Комитете Сената США по торговле, науке и транспорту, посвященные растущему геополитическому значению Гренландии и Арктики для США. На них сенаторы-республиканцы подчеркнули многочисленные потенциальные экономические и оборонные выгоды от приобретения Гренландии Соединенными Штатами [10]. Во время трехчасовой сессии Комитета Сената США по торговле, науке и транспорту законодатели и приглашенные эксперты подчеркнули важность Гренландии для безопасности и национальных интересов США. Что касается возможного приобретения Гренландии, о котором недавно снова заговорил Президент Трамп, сенатор от штата Техас Тед Круз заявил: «США купили Виргинские острова у датской короны в 1917 году. Приобретение Гренландии Соединенными Штатами — это не вопрос военной силы; это вопрос дипломатии и общих интересов. Это выигрышная для всех ситуация. Экономика Гренландии будет расти, а США получат более прочную и надежную опору в Арктике» [8]. США демонстрируют беспрецедентную наступательность в своей геополитической стратегии, стремясь присвоить себе важнейшие территории и регионы, даже если они находятся под юрисдикцией других стран. В рамках данной стратегии Гренландия начинает играть в американской политике неожиданно большую роль, а США позиционируют себя в качестве важной силы на Крайнем Севере. Вашингтонский политический класс вырабатывает полярный дискурс и систему аргументации от имени национальных интересов США.

Если отойти от публичных дебатов по данному вопросу и бросить взгляд на реальные политические интересы США в отношении Гренландии, есть три причины, по которым американский политический класс хотел бы владеть этой территорией. Первая — ресурсная. Не только Трамп со своей командой, но и китайцы внимательно присматриваются к богатым природным ресурсам Гренландии. Почти полная монополия Китая на 50 «критически важных минералов» сталкивается с конкуренцией со стороны

Гренландии, которая благодаря двум своим крупнейшим в мире рудникам редкоземельных металлов может стать поставщиком 30 из этих минералов [4]. Однако на острове нет промышленной инфраструктуры, необходимой для добычи этих ресурсов.

Вторая причина связана с военно-стратегическими соображениями. Современный мир пришел к пониманию стратегической важности Гренландии. В частности, она является военным плацдармом для нужд обороны и наблюдения. Арктическое местоположение Гренландии играет ключевую роль в стратегическом планировании США. Она расположена в местах, которые США и НАТО тщательно патрулируют на предмет противодействия движению российских подводных лодок. Гренландия играет критически важную роль в системе воздушной обороны США. Расположенная там американская космическая база Питуффик служит ключевым элементом защиты от потенциального удара российских межконтинентальных баллистических ракет, запускаемых с Кольского полуострова. С военно-политической точки зрения изоляция острова снижает риски физической безопасности, с которыми сталкиваются объекты обработки данных на материковой части США. Как отмечает известный американский эксперт по Арктике Хизер Конли в статье «“Большая арктическая игра” и почему Америка рискует ее проиграть», «телеметрия, отслеживание, перехват ракет, системы раннего оповещения и пусковые площадки в северных широтах — всё это часть арктического настоящего и будущего Америки» [4].

Третья причина — фактор геостратегической конкуренции с Китаем в полярном регионе и страх перед арктическими амбициями Пекина. Китай давно проявляет большой интерес к Гренландии. Официальный Пекин пытался сделать огромные инвестиции в развитие глубоководного морского порта и двух международных аэропортов на острове. Неудивительно, что Дания и США вместе предотвратили такое геополитически недопустимое для них развитие событий еще до возвращения Трампа к власти. Таким образом, стратегическое и экономическое значение Гренландии для США колоссально. В силу указанных причин американский политический класс демонстрирует полную решимость доминировать в этом ареале Арктики.

Заключение

Анализ, сделанный по свежим следам новейших глобальных процессов, дает возможность зафиксировать следующие положения. Первое: коммуникационные проекты, начиная от торговых маршрутов и портовой инфраструктуры и заканчивая шоссейными и железнодорожными трассами, обладают важной стратегической функцией. Они выступают инструментом и воплощением геополитических амбиций государств, коалиций и альянсов. Это инженерно-технологические носители властных устремлений различных политических лидеров и правящих групп. Данные характеристики логистических и коммуникационных проектов весьма точно описал российский исследователь Сергей Королёв: «Дорога может стать стержнем (сердцевиной) пространства власти, каналом властных импульсов. В зависимости от ситуации она может стать локальной или региональной машиной власти, инструментом мобилизации политических ресурсов и политического капитала» [1, с. 72–86].

Что касается эпизода с Панамским каналом, то в отношении данного объекта нынешняя американская администрация использует проверенную истину: кто господствует на ключевых мировых коммуникациях, тот контролирует не только мировую торговлю, то и глобальный геостратегический баланс. Наш анализ показывает, что инфраструктурные объекты зачастую обусловлены геополитическими заявками и текущим целеполаганием. С указанных позиций геополитические претензии новой американской администрации на Панамский канал направлены на возвращение контроля над Американским континентом.

Второй не менее важный вывод касается характера новой политической стратегии Президента США Дональда Трампа. Речь идет о том, что Вашингтон применяет принудительные подходы «мы или они» не только в отношении Панамского канала и панамских властей в целом. Данный принцип реализуется и в других странах и континентах. Например, Президент Трамп потребовал уступок в ответ на масштабные пошлины, подтолкнул Индию отказаться от попыток сократить доминирование доллара США. Подобным образом он выдвинул ультиматум: поддержка США Украины будет зависеть от готовности Киева заключить мирное соглашение с Россией, при этом Президенту Владимиру Зеленскому было сказано: «Заключите соглашение, или мы уйдем». Не менее оче-

видным примером принудительной дипломатии можно считать события февраля 2025 года. Трамп установил «ускоренный» инвестиционный процесс для «определенных союзников и партнеров», но только при условии, что они воздержатся от «партнерства» с «иностранными противниками в соответствующих областях» [7].

Наконец, была рассмотрена попытка принудительной дипломатии США в отношении Гренландии в некотором сравнении с основным сюжетом нашего исследования — панамским казусом. В Конгрессе США рассматриваются законодательные инициативы, целью которых является усиление американского влияния в Гренландии вплоть до установления военно-политического контроля над этим арктическим регионом, даже если полное присоединение к США не предполагается. Несмотря на то что потенциальная аннексия арктического острова стала навязчивой идеей Президента Дональда Трампа, реакция датских и европейских политиков на эти шаги оказалась сдержанно негативной. Данные события свидетельствуют о том, что геополитическая динамика на Крайнем Севере, подпитываемая принудительной дипломатией США, получает ускоренное развитие, и процесс этот далек от завершения.

Литература

1. *Королёв С.* Поглощение пространства. Геополитическая утопия как жанр исторического действия // *Дружба народов*. — 1997. — № 12. — С. 72—86.
2. *Хаусхофер К.* О геополитике. — М.: Мысль, 2001. — 282 с.
3. *Chen Weiss J.* The China Trap. U.S. Foreign Policy and the Perilous Logic of Zero-Sum Competition // *Foreign Affairs*. — 2022. — August 18. September/October. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/china-trap-us-foreign-policy-zero-sum-competition> (accessed: 12.03.2025).
4. *Conley H.* “The Arctic Great Game” and Why America Risks Losing It // *Foreign Affairs*. — 2025. — July/August. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/print-article/node/1133201> (accessed: 09.07.2025).
5. *Doshi R.* The Trump Administration’s China Challenge. Rebuilding American Strength Will Take Buy-In at Home and Abroad — and from Trump Himself // *Foreign Affairs*. — 2024. — November 29. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/trump-administrations-china-challenge> (accessed: 04.04.2025).
6. *Economy E.* China’s Alternative Order. And What America Should Learn from It // *Foreign Affairs*. — 2024. — April 23. May/June. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/chinas-alternative-order-xi-jinping-elizabeth-economy> (accessed: 04.04.2025).
7. *Kuok L.* How Trump’s Coercion Could Backfire in Asia. Forcing the Region to Choose Sides Risks Pushing It Toward China // *Foreign Affairs*. — 2025. — April 14. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/how-trumps-coercion-could-backfire-asia> (accessed: 22.04.2025).
8. Panama Canal Denies US Claim of Free Passage Through Waterway the Panama Canal Authority’s Response Came After the State Department Said US Government Ships Would be Able to Cross the Channel Without Paying Fees // *South China Morning*

- Post. — 2025. — February 6. — URL: <https://www.scmp.com/news/world/americas/article/3297581/panama-canal-denies-us-claim-free-passage-through-waterway> (accessed: 24.03.2025).
9. *Sim D.* Why Panama's belt and road exit is just the start of Trump's 'weak link' plan for China // South China Morning. — 2025. — February 7. — URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3297834/why-panamas-belt-and-road-exit-just-start-trumps-weak-link-plan-china> (accessed: 10.03.2025).
 10. US Senate Committee on Commerce, Science, & Transportation. Senators Highlight Greenland's Strategic Importance, Untapped Resource Potential in Discussion About Acquisition. — 2025. — February 12. — URL: <https://www.commerce.senate.gov/2025/2/senators-highlight-greenland-s-strategic-importance-untapped-resource-potential-in-discussion-about-acquisition> (accessed: 16.03.2025).
 11. *Yang C.* Trump's Panama tensions augur risk for Chinese investments US claims of Chinese influence in Panama Canal may not affect operations, analysts said, but Beijing's investments in the region could be a target // South China Morning. — 2025. — February 10. — URL: https://www.scmp.com/economy/global-economy/article/3298078/man-plan-ban-trumps-panama-tensions-augur-risk-chinese-investments?module=perpetual_scroll_1_RM&pgtype=article (accessed: 12.03.2025).

Макоева Дзерасса Валерьевна,

старший преподаватель,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Dzerassa V. Makoeva,

Senior lecturer,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: dz.eleeva@gmail.com

КАТАР В ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ США: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

QATAR IN U.S. DEFENSE POLICY: MAIN STAGES AND STRATEGIC DOCUMENTS

Аннотация: в статье рассматриваются основные этапы сотрудничества США и Катара в военной сфере, начиная с конца 1980-х годов, а также значимость его в контексте стратегических документов, определяющих оборонную политику США на Ближнем Востоке. Особое внимание уделяется оценкам, представленным в отчетах разведывательного сообщества и Государственного департамента, в которых анализируются военно-политические вопросы и риски для США на Ближнем Востоке. Также в статье рассмотрены существующие проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются обе страны в области военного сотрудничества. В заключении предлагается прогноз дальнейшего взаимодействия США и Катара в военной сфере. В статье предоставлена ценная информация для дальнейшего анализа динамики оборонной политики США на Ближнем Востоке и роли Катара в ней.

Ключевые слова: США, Катар, оборонная политика, безопасность, Ближний Восток.

Abstract: this article examines the main stages of military cooperation between the United States and Qatar since the late 1980s, as well as the significance of this cooperation in the context of strategic documents defining the US defense policy in the Middle East. The article pays special attention to the assessments presented in the reports of the intelligence community and the State Department, which analyze the military-political issues and risks for the United States in the Middle East. The article also examines the existing problems and challenges that both countries face in the field of military cooperation. In conclusion, a forecast is offered for further military cooperation between the United States and Qatar. The article provides valuable information for further analysis of the dynamics of US defense policy in the Middle East and the role of Qatar in it.

Key words: USA, Qatar, defense policy, security, Middle East.

Введение

Учитывая геополитическую ситуацию на Ближнем Востоке, а также растущие угрозы для глобальной и региональной безопас-

ности, такие как терроризм и вооруженные конфликты, исследование военного сотрудничества между США и Катаром становится особенно актуальным. Катар — небольшое, но стратегически важное государство на Ближнем Востоке — играет ключевую роль в военной и оборонной политике Соединенных Штатов.

Актуальность статьи обусловлена также необходимостью глубокого анализа роли Катара в оборонной политике США, двусторонних отношений этих стран, а также перспектив оборонной политики США, в том числе на Ближнем Востоке.

Данная работа направлена на анализ основных этапов военного сотрудничества США и Катара, а также на изучение места Катара в американских военных стратегических документах и оценках американских разведывательных служб.

В рамках проведенного исследования были проанализированы источники, которые можно разделить на следующие группы: группа источников, в которую вошли официальные документы (стратегические документы, доклады, отчеты) от Министерства обороны США [22; 42], Государственного департамента США [20; 28], Конгресса США [16], разведывательного сообщества Америки [13; 14; 56], а также некоторые законы США [24; 44], меморандум Президента США [35], в которых рассматриваются вопросы военной политики США в целом, а также в отношении Ближнего Востока и Катара в частности.

Группа источников об оборонной политике и национальной безопасности США. В рамках этой группы исследований необходимо выделить ряд работ О.П. Иванова [5–8], который анализирует ключевые элементы оборонной стратегии США, что позволяет понять общие подходы Америки к обеспечению собственной безопасности. В коллективном исследовании В.Ф. Латы, А.А. Ульянова и С.В. Рычкова раскрываются цели, задачи и методы американской военной политики, которые направлены на сохранение глобального лидерства [9]. Анализ стратегии национальной безопасности США представлен в работах С.И. Грачёва и В.С. Чикальдиной [3], С.Г. Алленова, С.А. Махиборода, В.В. Теплухина [1]. Доктринальный подход США к применению вооруженных сил рассматривается в исследовании И. Прокопьева [11]. При этом для анализа дальнейшего развития оборонной политики и национальной безопасности при втором президентском сроке Д. Трампа

представляют интерес исследования Эша Каслберри [18], а также Джахара Матисека и Джеймса Фарвелла, которые обозначали эволюцию стратегии национальной безопасности во второй президентский срок Д. Трампа от Pax Americana¹ к Pact Americana² [33].

Группа источников о взаимоотношении США и Катара по вопросам обороны и безопасности. Среди данной группы источников необходимо выделить исследование Б. Саиди [48], в котором подробно анализируются военные отношения между Катаром и США, рассматриваются их эволюция и ключевые аспекты сотрудничества. В статье М. Кабалана [31] представлен комплексный анализ военного и стратегического сотрудничества между Катаром и США в период президентств Б. Обамы и Д. Трампа (в первый президентский срок), при этом особый акцент делается на роли военной базы «Аль-Удейд» и стратегическом значении двустороннего военного партнерства. В свою очередь Г. Стейнберг [53] отмечает, что Катар использует присутствие американских военных на своей территории как гарантию своей безопасности, в том числе в условиях напряженных отношений со странами Ближневосточного региона, особенно с Саудовской Аравией, а военное сотрудничество между США и Катаром является гарантией безопасности Катара.

В процессе исследования использовались также **источники из СМИ**, поскольку, несмотря на то что многие аспекты оборонной политики США являются секретными, в то же время некоторые выдержки из стратегических документов, а также факты военного сотрудничества Катара и США находят отражение в медиаисточниках. Например, краткое изложение содержания «Временного стратегического руководства по национальной обороне США на 2025 год» было опубликовано журналистами «The Washington Post» [28], о продлении в 2024 году соглашения о сотрудничестве в области обороны еще на 10 лет между США и Катаром сообщили репортеры CNN [15]. Безусловно, медиасообщения требуют верификации, но в условиях недостатка информации в силу ее секретности они могут выступать основой для вероятных оценок и дальнейшего исследования.

¹ Pax Americana (с лат. – «Американский мир») – период экономической и общественно-политической стабильности в западных странах после окончания Второй мировой войны. Характеризуется американским военным, политическим, экономическим и социальным доминированием.

² В рамках Pact Americana, как предполагается, альянсы будут основаны на взаимной выгоде, гарантии безопасности – условными, а правила взаимодействия будут определяться силой США.

В рамках исследования использовались следующие методы: исторический анализ, который позволил проследить основные этапы взаимодействия США и Катара в военной сфере с конца 1980-х годов; контент-анализ стратегических документов и отчетов разведывательного сообщества и Государственного департамента, который помогает выявить ключевые военно-политические вопросы и риски для США в регионе, а также вектор военной политики. Важным элементом исследования является анализ материалов в СМИ, который позволяет заполнить информационные лакуны вследствие секретности ряда документов о военной политике США. На основе собранных данных сформирован прогноз дальнейшего военного сотрудничества США и Катара.

Основные этапы военного сотрудничества США и Катара

Путь военного партнерства США и Катара, стартовавший в конце 1980-х годов, ознаменовался рядом этапов и событий, кульминацией которых стало присвоение Катару в 2022 году статуса ключевого союзника, не являющегося членом Организации Североатлантического договора (НАТО). Соответствующий меморандум был подписан Президентом США Джо Байденом 10 марта 2022 года [36]. За рассматриваемый период военные связи США и Катара можно разделить на несколько ключевых этапов.

Первый этап — кризис в связи с незаконным приобретением Катаром переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК) «Стингер». В марте 1988 года в США стало известно о наличии у Катара ПЗРК «Стингер», когда они были замечены на военном параде в Дохе, что привело к официальному признанию о тайной покупке Катаром 12 ракетных комплексов. Несмотря на возмущение американского посла Джозефа Гугасяна, который направлял протесты эмиру страны Халифу бин Хамаду Аль Тани, Катар отказался раскрыть источник приобретения, что вызвало обеспокоенность в Вашингтоне из-за потенциального распространения этого оружия в регионе. При этом вероятным местом приобретения комплексов в СМИ назывался Афганистан [49] или Иран [55]. В результате Конгресс США ввел запрет на военные сделки с Катаром до возвращения ракет: в принятом Законе [44] были зафиксированы соответствующие ограничения. Кризис длился до 1991 года, когда США сняли введенные ограничения,

а в принятой формулировке Сената была включена информация от Министра обороны США, что восстановление отношений США с Катаром в области безопасности отвечает национальным интересам из-за поддержки Катаром войск Соединенных Штатов на Ближнем Востоке [16]. Изменение отношений было вызвано тем фактом, что, во-первых, Катар уничтожил спорные ПЗРК, во-вторых, катарские войска оказали поддержку американцам в период войны в Персидском заливе (1991 г.). Отмечалось, в частности, что саудовские и катарские войска при поддержке американских вертолетов морской пехоты *Cobra* вытеснили иракцев из портового города Рас-эль-Хафджи (Рас-Хафджи), на северо-востоке Саудовской Аравии. А также 12 американских морских пехотинцев, проводивших разведывательную операцию в Рас-Хафджи, были спасены саудовскими и катарскими войсками [23]. И главное – в период операций «Щит пустыни» и «Буря в пустыне» Катар предоставил свою территорию американским войскам для проведения военно-воздушных и военно-логистических маневров.

Второй этап – отправная точка для углубления оборонного сотрудничества США и Катара. Этот период начинается с июня 1992 года, когда между США и Катаром было подписано соглашение о сотрудничестве в области обороны (*Defence Cooperation Agreement, DCA*). Текст соглашения засекречен, но, по имеющимся данным из открытых источников [41], в документе предусматривались доступ США к катарским военным базам и предварительное размещение американской военной техники, а также обговаривались возможные совместные военные учения.

Первое совместное военное учение США и Катара под наименованием «Восточный Маверик – 96» (*East Maverick 96*) состоялось 16 марта 1996 года. Утверждается, что проведение учений было направлено на формирование публичной поддержки со стороны США нового лидера Катара шейха Хамада бин Халифы Аль Тани, который возглавил государство 27 июня 1995 года [48]. Что касается непосредственного содержания первого военного учения, то оно представляло собой десантную операцию, в которой были задействованы около 4 тысяч моряков и морских пехотинцев США, включая десантный корабль *USS Peleliu* класса «*Tarawa*», десантно-транспортный корабль *USS Denver* класса «*Austin*» и десантный корабль *USS Anchorage*. Военные маневры включали в себя вы-

садку морского десанта, вертолетные атаки и операции малых судов с отработкой городских боевых действий силами роты [47].

Третий этап — создание стратегических военных баз и центров военного управления США в Катаре. Дальнейшее углубление катарско-американских оборонных отношений ознаменовалось использованием американцами военных баз в Катаре и переносом Центра боевых воздушных операций США на Ближнем Востоке с авиабазы «Принц Султан» в Саудовской Аравии на катарскую авиабазу «Аль-Удейд» к юго-западу от Дохи.

Здесь необходимо пояснить, что Катар построил авиабазу «Аль-Удейд» в 1996 году, вложив более 1 млрд долл. США, несмотря на отсутствие собственного военно-воздушного флота. Основной целью было привлечение американских военных для размещения авиации США на территории Катара. США начали использовать базу в Катаре только 29 сентября 2001 года, когда ВВС США потребовались авиапозиции для войны против «Талибана»¹ и террористической сети «Аль-Каиды»² в Афганистане. Изначально использование базы считалось военной тайной. Официальное признание использования военной базы произошло в марте 2002 года, когда вице-президент США Дик Чейни посетил базу во время поездки по региону с журналистами [25].

При этом ВВС США создали резервный центр командования на авиабазе «Аль-Удейд». Этот центр создавался для управления воздушными операциями в случае, если Саудовская Аравия ограничит возможности американских военных для проведения операций с базы «Принц Султан». Перенос командного центра в 2003 году был вызван введением ограничений со стороны Саудовской Аравии, которые затруднили действия американских сил в Афганистане и Ираке [25]. На сегодняшний день на авиабазе «Аль-Удейд», согласно открытым источникам, располагаются более 11 тысяч американских военнослужащих и около 120 самолетов. Кроме того, здесь находятся Центральное командование США (CENTCOM), Объединенный центр воздушных операций и Объединенный центр управления воздушными и космическими операциями (CAOC), что говорит о военно-стратегической важности Катара для США в Ближневосточном регионе.

¹ Организация «Талибан» признана террористической.

² Организация запрещена в России.

Также необходимо отметить, что в 2000 году в Катаре была построена военная база «Аль-Сайлия» (Camp As Sayliyah). С постройкой этой базы Катар стал основным плацдармом для поддержки американских сухопутных войск в Персидском заливе. Судя по открытым источникам, на базе можно было хранить более 150 танков М-1 «Абрамс», 116 боевых машин «Бредли» и 112 других бронемашин, кроме того, заявлялось, что данная база позволила сократить время для развертывания войск США в странах Персидского залива с четырех недель до четырех дней [56].

База «Аль-Сайлия», авиабаза «Аль-Удейд» и Центральное командование США стали ключевыми объектами для осуществления военного вторжения коалиции, возглавляемой США, в Ирак в 2003 году. Такой сценарий противоречил ожиданиям катарского руководства, которые рассматривали американское военное присутствие прежде всего как защиту от потенциальных угроз со стороны Ирака, Ирана и Саудовской Аравии [51].

Четвертый этап — снижение военного присутствия США в Катаре с повышением значения невоенных миссий Катара для США в регионе. 10 июня 2021 года США официально закрыли Группу поддержки района в Катаре (ASG-Catar) [21], которая функционировала с 1992 года и играла ключевую роль в содействии погрузке и выгрузке оборудования и материалов в порту Дохи, а также в организации ежегодных военных учений Eagle Resolve. В том же году в Катаре были закрыты три военных объекта, используемых американскими вооруженными силами: Camp As Sayliyah-Main (CAS-Main), Camp As Sayliyah-South (CAS-South) и Falcon 78 (пункт снабжения боеприпасами). Закрытие этих баз было связано с перемещением миссии поддержки из Катара в Иорданию, где они стали частью Группы поддержки района Иордании, что отражает стратегическую переориентацию США в регионе. По мнению эксперта из Вашингтонского центра глобальной политики Камрана Бухари, закрытие баз и перенос миссии в Иорданию может быть обусловлен подготовкой США к потенциальному конфликту с Ираном [32].

При этом необходимо заметить, что, передав «Аль-Сайлия» катарскому правительству, США, перепрофилировав ее назначение, продолжали использовать базу для размещения беженцев из Афганистана. С августа 2021 по ноябрь 2022 года через эту

базу прошло около 23 тысяч беженцев, покинувших Афганистан вместе с американскими военными [17].

Катар уже до сокращения американского военного контингента на своей территории играл для США роль важнейшей площадки для осуществления дипломатических миссий, направленных на разрешение таких значимых вооруженных конфликтов, как афганский и арабо-израильский. Формирование такой платформы началось в 2012–2013 годах.

В 2012 году по просьбе США в Катаре был открыт офис движения ХАМАС [37], что позволило американским дипломатам установить не прямые контакты с этой организацией. В 2013 году Катар стал местом размещения первого политического офиса «Талибана», инициатива создания которого также исходила от США. Как отметил бывший премьер-министр Катара Хамад бин Джасим бен Джабер Аль Тани, «американцы хотели, чтобы у них было в Катаре место для переговоров с “Талибаном”, в том числе по поводу обмена военнопленными» [2]. Эти шаги подчеркивают стратегическую роль Катара в американской внешней и оборонной политике и его значимость не только как военного союзника, но и как посредника в сложных международных вооруженных конфликтах на Ближнем Востоке.

Пятый этап — признание со стороны США Катара основным союзником, не входящим в НАТО.

Новый этап военного сотрудничества между США и Катаром начался в 2022 году, когда Катару был присвоен статус основного союзника США, не входящего в НАТО [35]. Это признание предоставляет Катару возможность закупать определенные виды вооружений у США, получать избыточные оборонные товары и участвовать в совместных оборонных исследованиях, что ранее было недоступно для страны.

Важно отметить, что в начале 2024 года, без официальных сообщений от министерств обороны двух стран, было продлено соглашение о сотрудничестве в области обороны между США и Катаром на дополнительные 10 лет. Это свидетельствует о продолжении стратегического партнерства и углублении военного взаимодействия между двумя государствами [15]. При этом аналогичный договор был подписан 10 декабря 2013 года министром обороны США Чаком Хейгелом в Дохе по итогам встречи с эмиром Катара

шейхом Тамимом бин Хамадом и министром обороны Хамадом бин Али аль-Аттией [45].

Визит Президента США Д. Трампа на авиабазу «Аль-Удейд» и в Передовое командование Центрального командования США 15 мая 2025 года ознаменовался окончательным согласованием ряда ключевых договоренностей. Среди них — Договор о сотрудничестве в области обороны между Министерством обороны Катара и Министерством обороны США, Договор о принятии систем MQ-9B от General Atomics, а также Договор о системе противодействия беспилотным летательным аппаратам FS-LIDS от Raytheon¹ (стоимость закупки — около 1 млрд долл. США), который делает Катар первым международным заказчиком данной системы [46].

По итогам визита было официально объявлено о сделке на сумму 42 млрд долл. США, в рамках которой Катар приобрел ракетные батареи THAAD, самолеты-заправщики Pegasus, Desert Vipers, легкие бронированные машины, боевые машины-амфибии и беспилотники MQ-9B и Sky Guardian [12]. Данная сделка символизирует укрепление военно-технического сотрудничества между странами. При этом Катар в рамках программы военных продаж США (FMS) является вторым по величине партнером Америки [54]. Для примера с 2012 по 2022 год США одобрили покупку Катаром вооружения на сумму более 32 млрд долл. США (табл. 1).

Таблица 1

**Предполагаемые основные продажи оружия
между США и Катаром в 2012–2022 гг.**

Наименование вооружения	Предполагаемая стоимость (млн долл. США)	Дата уведомления
Вертолеты UH-60M BLACK HAWK	1112	13 июня 2012 г.
Вертолеты MH-60R и MH-60S SEAHAWK	2500	26 июня 2012 г.
Вертолеты AH-64D APACHE Block III Longbow; соответствующие ракеты	3000	12 июля 2012 г.
Ракеты HELLFIRE	137	12 июля 2012 г.

¹ Fixed Site – Low, Slow, Small Unmanned Aerial System Integrated Defeat System. Системы производит входящая в корпорацию RTX фирма «Raytheon»; стоимость закупки – около 1 млрд долл. США.

Продолжение таблицы 1

Наименование вооружения	Предполагаемая стоимость (млн долл. США)	Дата уведомления
Огневые подразделения системы противовоздушной обороны на больших высотах (THAAD (Terminal High Altitude Area Defense — «Терминальная защита высоко летающих объектов»))	6500	5 ноября 2012 г.
Конфигурация PATRIOT-3; ракетные огневые единицы и ракеты	9900	7 ноября 2012 г.
Высокомобильная артиллерийская ракетная система M142 (HIMARS); армейская тактическая ракетная система M57 (ATACMS); ракеты Block 1A T2K; управляемая реактивная система залпового огня M31A1 (GMLRS)	406	24 декабря 2012 г.
Управляемые ракеты Javelin	122	28 марта 2013 г.
LAIRCM (Large Aircraft Infrared Countermeasures) — система инфракрасного противодействия для крупных воздушных судов	110	15 мая 2013 г.
Оборудование и поддержка C-17 Globemaster III	35	27 июня 2013 г.
Радар раннего предупреждения A/N FPS-132 Block 5	1100	29 июля 2013 г.
Ракеты RIM-116C и RIM-116C-2 с подвижным корпусом	260	21 апреля 2016 г.
Управляемые ракеты Javelin	20	24 мая 2016 г.
Быстроходные патрульные катера Mk-V	124	23 августа 2016 г.
Продолжение услуг логистической поддержки и оборудования	700	8 декабря 2016 г.
Запасные двигатели C-17	81	8 декабря 2016 г.
Многоцелевой истребитель F-15QA	1100	1 ноября 2017 г.

Окончание таблицы 1

Наименование вооружения	Предполагаемая стоимость (млн долл. США)	Дата уведомления
Модернизация Центра управления воздушными операциями Катара	197	7 марта 2018 г.
Системы усовершенствованного высокоточного оружия (APKWS) II. Разделы наведения	300	9 апреля 2018 г.
Усовершенствованные ракеты средней дальности класса «воздух – воздух» (AMRAAM) для Национальной усовершенствованной системы ракет класса «земля – воздух» (NASAMS)	215	27 ноября 2018 г.
Вертолеты AH-64E Apache Attack и сопутствующее оборудование	3000	9 мая 2019 г.
Системы инфракрасного противодействия крупным самолетам AN/AAQ-24(V)N (LAIRCM) для самолетов главы государства	86	24 сентября 2019 г.
Стационарная низкорасположенная, медленная, малогабаритная беспилотная авиационная система с интегрированной системой поражения (FS-LIDS)	1000	29 ноября 2022 г.

Примечания: итого: 32 млрд 5 млн долл. США; в таблице не отражены данные прямых коммерческих продаж, одобренных Государственным департаментом США [47].

Источник: Агентство по сотрудничеству в сфере безопасности и обороны США.

Ближний Восток и Катар в отчетах и докладах разведывательного сообщества и Государственного департамента США

В своем отчете «Всемирная оценка угроз на 2025 год» [57], датированном 11 мая 2025 года, Разведывательное управление Министерства обороны США (DIA) указывает, что ближневосточные партнеры Вашингтона ищут новые альянсы в сфере безопасности, в частности с Китаем и Россией. Основными мотивами для этого являются стремление к передовым технологиям и желание обезопасить себя от потенциального ухода США из региона. Также

арабские партнеры США углубляют дипломатические и экономические связи с Ираном, несмотря на сохраняющееся недоверие, в целях предотвращения нападений со стороны поддерживаемых Ираном группировок [57, с. 30].

В ежегодном докладе о глобальных угрозах национальной безопасности США [13], опубликованном в марте 2025 года и подготовленном в соответствии с разделом 617 Закона о разрешении ведения разведывательной деятельности в 2011 финансовом году (Intelligence Authorization Act for Fiscal Year 2011. Pub. L. No. 116–260 [30]), который отражает коллективную точку зрения разведывательного сообщества (Intelligence Community, IC) о Ближнем Востоке, отмечается, что конфликт между Израилем и ХАМАС, начавшийся 7 октября 2023 года, нарушил дипломатический прогресс на Ближнем Востоке и привел к эскалации напряженности в регионе. Продолжающаяся нестабильность в секторе Газа, сложные отношения между Израилем, «Хезболлой» и Ираном, а также слабость палестинской администрации создают предпосылки для долгосрочной конфронтации с непредсказуемыми геополитическими последствиями. Кроме того, Иран усиливает свое влияние с помощью наступательных действий в киберпространстве. При этом хуситы, получающие поддержку от Ирана и расширяющие свои связи с различными региональными и международными акторами, включая Россию, Китай и исламистские группировки, проявили себя как агрессивный субъект, атакующий коммерческие суда, военные силы США, Европы и Израиля в Красном море и Индийском океане. Наряду с этим иракские шиитские ополченцы продолжают добиваться вывода американских войск. «Хезболла», даже будучи ослабленной, по-прежнему представляет угрозу для американских интересов в регионе и за его пределами, сохраняя способность к нанесению ударов [13, с. 25–26].

В аналогичном докладе о глобальных угрозах национальной безопасности США, но от 2022 года, Катар упоминается следующим образом: «...изоляция Катара от его соседей ослабевает» [14, с. 29]. В докладах от 2023, 2024 и 2025 годов Катар непосредственно не упоминается.

Также можно отметить «Доклады о терроризме в странах» от Государственного департамента США, предоставляемые Конгрессу. Доклад за 2023 год, опубликованный в декабре 2024 года, указы-

вает на то, что США и Катар, в частности, углубляют свое взаимодействие в области борьбы с терроризмом. Это сотрудничество базируется на меморандуме о взаимопонимании, подписанном в 2017 году. Катар является членом Глобальной коалиции по борьбе с ИГИЛ¹, содействует военным операциям США в регионе, разместив около 6500 военнослужащих и гражданских лиц на военном объекте, имеющем решающее значение для усилий по разгрому ИГИЛ². При этом представители США регулярно встречаются с председателем Межведомственного национального комитета по борьбе с терроризмом Катара для обсуждения общего сотрудничества в данной области. Министерство внутренних дел Катара и Силы внутренней безопасности Катара участвуют в структурированных учениях и тренировках по борьбе с терроризмом, в том числе с участием агентств США. Также сотрудники МВД Катара сотрудничают с должностными лицами таможенного и пограничного контроля Министерства внутренней безопасности США, Управления транспортной безопасности и Управления расследований Министерства внутренней безопасности для проверки почти 40 млн путешественников, которые ежегодно проезжают транзитом через международный аэропорт Хамад в столице Катара Дохе [20].

Еще необходимо отметить открытую часть отчета по итогам проверки посольства США в Катаре, который датирован маем 2025 года [29]. Проверку осуществляло Управление генерального инспектора Государственного департамента США³.

В этом документе указаны четыре стратегические цели посольства США в Дохе, две из которых имеют непосредственное отношение к вопросам обороны и безопасности, а именно:

- расширять военное партнерство между США и Катаром и поддерживать вклад Катара в региональную безопасность;
- сотрудничать с Катаром в целях укрепления региональной безопасности и защиты интересов национальной безопасности [28, с. 2].

¹ Исламское государство (ИГ, или ИГИЛ) – запрещенная в России террористическая организация.

² Исламское государство (ИГ, или ИГИЛ) – запрещенная в России террористическая организация.

³ Управление генерального инспектора Государственного департамента США проводит независимые аудиты, инспекции, оценки и расследования для содействия экономии и эффективности, а также для предотвращения и выявления растрат, мошенничества, злоупотреблений и ненадлежащего управления в программах и операциях Государственного департамента и Агентства США по глобальным медиа (USAGM).

Проблемные вопросы между США и Катаром в области военного сотрудничества

Несмотря на тесное и многолетнее военное сотрудничество США и Катара, наличие крупной американской авиабазы «Аль-Удейд», играющей важную роль в обеспечении военно-политического присутствия США на Ближнем Востоке и реализации военных операций в регионе, ряд представителей Конгресса США выражают озабоченность связями Катара с ХАМАС.

Сенатор Рик Скотт и член Палата представителей Энди Оггс, представители Республиканской партии, в октябре 2024 года потребовали от министра обороны США представить отчет и провести брифинг об оперативной ценности авиабазы «Аль-Удейд», в связи с тем что Катар сохраняет связи с ХАМАС, «Талибаном»¹ и другими террористическими организациями [43]. В законопроект о национальной обороне на 2025 финансовый год, поступивший от Сената, был включен раздел 1287 «Отчет и брифинг об авиабазе Аль-Удейд в Катаре», в котором предписывалось министру обороны США «представить отчет и провести брифинг для оборонных комитетов Конгресса не позднее 1 июня 2025 года об оперативной ценности авиабазы Аль-Удейд в Катаре, принимая во внимание присутствие в Катаре ХАМАС и других террористических организаций, определенных Соединенными Штатами. Отчет и брифинг должны включать пункты о:

(1) том, подрывает ли присутствие ХАМАС и других признанных Соединенными Штатами террористических организаций в Катаре интересы национальной безопасности Соединенных Штатов;

(2) эксплуатационной ценности авиабазы Аль-Удейд в Катаре;

(3) влиянии на операции ВВС США на Ближнем Востоке, если Соединенные Штаты передислоцируют военнослужащих ВВС США с авиабазы Аль-Удейд; и

(4) ресурсах, которые потребуются для передислокации военнослужащих ВВС США с авиабазы Аль-Удейд» [47].

Несмотря на то что соответствующий раздел законопроекта не был включен в окончательную версию закона, сам законопроект и заявления конгрессменов свидетельствуют о растущем интересе американских политических элит к пересмотру военно-политических соглашений с Катаром. В этом отношении

¹ Организация «Талибан» признана террористической.

представляет интерес заявление представителя американского экспертного сообщества, старшего директора Центра военной и политической власти Фонда защиты демократий (FDD) Брэдли Боумана о том, что «существуют оперативные и стратегические причины для обеспечения того, чтобы любые военные возможности США в Катаре были воспроизведены в других странах региона, и Конгресс должен гарантировать наличие планов действий на случай необходимости вывода войск из Катара» [19]. Не исключено, что такие планы у американских военных разработаны. Критика со стороны американских конгрессменов и экспертов в отношении военного сотрудничества с Катаром может подтолкнуть Доху к увеличению закупок американского оружия. Это, в свою очередь, станет демонстрацией лояльности к США и подтверждением стратегического партнерства в условиях нестабильности на Ближнем Востоке и политического давления со стороны американского истеблишмента.

Ситуация усугубляется подозрениями в международной коррупции, возникшими в связи с передачей Катарским эмиратом Президенту США Дональду Трампу самолета Boeing 747 (будущего Air Force One) в 2025 году. Эти подозрения спровоцировали критические заявления конгрессменов, ставящие под сомнение целесообразность дальнейшего развития военно-политического сотрудничества с Катаром [27].

Заключение

В результате проведенного исследования были достигнуты ключевые цели, связанные с анализом военного сотрудничества США и Катара и его места в стратегических документах США.

Военные отношения США и Катара прошли пять ключевых этапов – от кризиса с ПЗРК «Стингер» в 1988 году до признания Катара основным союзником США, не входящим в НАТО в 2022 году. При этом стратегическое значение Катара для США выросло благодаря размещению военных баз («Аль-Удейд» и «Аль-Сайлия») и превращения страны в важнейший плацдарм военных операций США на Ближнем Востоке. В то же время военное сотрудничество эволюционировало от исключительно военного к многоплановому, включая в том числе дипломатическое посредничество, гуманитарные миссии и стратегическое партнерство.

В ключевых документах национальной безопасности США (Стратегия национальной безопасности США (англ. The National Security Strategy, NSS) и Стратегия национальной обороны (англ. National Defense Strategy, NDS)) Катар напрямую не упоминается, но рассматривается в контексте стратегических приоритетов США в Ближневосточном регионе. Разведывательные доклады и отчеты от Госдепартамента подчеркивают роль Катара как важного партнера в противодействии терроризму и обеспечении региональной безопасности.

Катар для США является ключевым региональным партнером, что подтверждается крупными военными контрактами на сумму более 32 млрд долл. в период с 2012 по 2022 год и 42 млрд долл. в 2025 году.

В результате можно констатировать, что Катар из второстепенного партнера стал ключевым военно-стратегическим союзником США на Ближнем Востоке, играющим важную роль в обеспечении региональной безопасности и реализации военной политики Соединенных Штатов в Ближневосточном регионе.

Военное партнерство между государствами имеет комплексный характер и находится в процессе постоянного развития, подстраиваясь под новые геополитические реалии, главным образом обусловленные противодействием США региональным амбициям Ирана. При этом можно ожидать большей прагматичности в военных отношениях двух стран. Кроме того, Катар может стремиться укрепить свою роль как дипломатической площадки для разрешения региональных конфликтов, что, в свою очередь, поможет снизить восприятие его как исключительно важного военного партнера для США в глазах общественности.

В то же время сохраняются определенные противоречия, связанные с присутствием в Катаре представителей организаций, которые США считают террористическими (прежде всего, ХАМАС), и подозрениями в коррупционных схемах (самолет от Катара). Однако, несмотря на критику со стороны части конгрессменов, стратегическое партнерство продолжает укрепляться, что подтверждается продлением соглашения о военном сотрудничестве в 2024 году и визитом Президента США Д. Трампа в Катар в 2025 году, в рамках которого была заключена многомиллиардная сделка на поставку вооружений.

Литература

1. Алленов С.Г., Махиборода С.А., Теплухин В.В. Перспективы развития вооруженных сил и военно-промышленного комплекса США в свете новой американской Стратегии национальной безопасности // Воздушно-космические силы. Теория и практика. — 2018. — № 7. — С. 22–35.
2. В Катаре заявили, что офис «Талибана» в Дохе появился по инициативе США // МИА «Россия сегодня». — 26.10.2017. — URL: <https://ria.ru/20250611/lvov-2022282481.html> (дата обращения: 01.06.2025).
3. Грачёв С.И., Чикальдина В.С. Стратегия национальной безопасности США 2017 г.: теоретико-практические аспекты и место Российской Федерации // Известия Юго-Западного университета. Серия: История и право (Политика. Политические науки). — 2019. — № 5. — С. 152–159.
4. Заявление министра обороны США Питера Брайдана Хегсета о Стратегии национальной обороны от 3 мая 2025 года в соцсети X. — URL: <https://x.com/PeteHegseth/status/1918410674998308937> (дата обращения: 01.06.2025).
5. Иванов О.П. Американская революция в военном деле и ее влияние на военнополитическую стратегию // Власть. — 2008. — № 5. — С. 31–37.
6. Иванов О.П. Американский взгляд на стратегическое соперничество и роль военной силы // Обозреватель — Observer. — 2024. — № 2. — С. 27–36.
7. Иванов О.П. Применение военной силы США: рациональный и иррациональный подход: монография. — М.: Научная книга, 2007. — 160 с.
8. Иванов О.П. Функциональное измерение трансформации вооруженных сил США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2008. — № 1. — С. 15–21.
9. Лата В.Ф., Ульянов А.А., Рычков С.В. Особенности и перспективы военной политики США // Военная мысль. — 2022. — № 7. — С. 125–129.
10. Национальная военная стратегия Соединенных Штатов Америки 2015 года // ИноСМИ.RU. — URL: <https://inosmi.ru/20250605/bespilotniki-273297151.html> (дата обращения: 02.06.2025).
11. Прокопьев И. Эволюция доктринальных подходов США к применению вооруженных сил в обеспечении национальной безопасности после окончания холодной войны // Международная жизнь. — 2018. — № 9. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2082>.
12. Трамп: Катар закупит у США вооружения на \$42 млрд // ИТАО ТАСС. — 15.05.2025. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23950025?ysclid=mbs2p05bfbw465633793> (дата обращения: 02.06.2025).
13. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. Office of the Director of National Intelligence. February 2022. — URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2022-Unclassified-Report.pdf> (accessed: 05.06.2025).
14. Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. Office of the Director of National Intelligence. March 2025. — URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2025-Unclassified-Report.pdf> (accessed: 05.06.2025).
15. Bertrand N., Marquardt A. US quietly reaches agreement with Qatar to keep operating largest military base in Middle East // CNN. January 2, 2024. — URL: <https://edition.cnn.com/2024/01/02/politics/us-qatar-agreement-largest-base-middle-east/> (accessed: 05.06.2025).
16. Blanchard C.M. Qatar: Issues for the 119-th Congress. Congressional Research Service. R47467. Updated March 13, 2025. — 27 p.
17. Blinken Visits Afghan Refugees at US Base in Qatar // The Media Line Ltd. — 23.11.2022. — URL: <https://themedialine.org/mideast-daily-news/blinken-visits-afghan-refugees-at-us-base-in-qatar/> (accessed: 05.06.2025).
18. Castleberry A. What did Trump's First 100 Days Tell Us about the Next National Security Strategy? // TRENDS Research Advisor. — URL: https://trendsresearch.org/insight/what-did-trumps-first-100-days-tell-us-about-the-next-national-security-strategy/?srsltid=AfmBOooiSTmEpFADrnRzN5iseAha-4LWs7BXzzAa4aA2nFNhZ4Cd_J (accessed: 05.06.2025).

19. Citing Hamas Links, Draft Defense Bill Pushes for Review of U.S.-Qatar Relations // Foundation for Defense of Democracies. — 09.07.2024. — URL: <https://www.fdd.org/analysis/2024/07/09/citing-hamas-links-draft-defense-bill-pushes-for-review-of-u-s-qatar-relations/> (accessed: 05.06.2025).
20. Country Reports on Terrorism 2023: Qatar // US Department of State: [official website]. — URL: <https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2023/qatar> (accessed: 05.06.2025).
21. Curtain Falls on ASG-Qatar After Three Decades Supporting Readiness, Resilience. U.S. Army Press Release, June 24, 2021 // Defense Media Network. — URL: <https://www.defensemedianetwork.com/stories/curtain-falls-asg-qatar-three-decades-supporting-readiness-resilience/> (accessed: 03.06.2025).
22. Description of the National Military Strategy 2018 // Historical Office. Office of the Secretary of Defense: [official website]. — URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nms/NMS2018%20Overview.pdf?ver=oERVYfgg1p-jtIK_kYsZHQ%3d%3d (accessed: 03.06.2025).
23. *Ferraro T.* Allies retake Saudi city // United Press International. — 31.01.1991. — URL: <https://www.upi.com/Archives/1991/01/31/Allies-retake-Saudi-city/3704665298000/> (accessed: 03.06.2025).
24. Goldwater Nichols Department of Defense Reorganization Act of 1986. Public Law 99–433–OCT. 1, 1986. — URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/dod_reforms/Goldwater-NicholsDoDReordAct1986.pdf (accessed: 03.06.2025).
25. *Gordon M.R., Schmitt E.* Aftereffects: Bases; U.S. Will Move Air Operations To Qatar Base // The New York Times. — 28.04.2003. — URL: <https://www.nytimes.com/2003/04/28/world/aftereffects-bases-us-will-move-air-operations-to-qatar-base.html> (accessed: 07.06.2025).
26. *Gould J., McLeary P.* Senate Armed Services leader pans Trump's Qatar jet plan. — 14.05.2025. — URL: <https://www.politico.com/news/2025/05/14/wicker-jet-donald-trump-00349116>.
27. *Hale E.* US senators seek to block Trump's UAE, Qatar defence deals // Al Jazeera Media Network. — 16.05.2025. — URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/5/16/us-senators-seek-to-block-trumps-uae-qatar-defence-deals> (accessed: 03.06.2025).
28. *Horton A., Natanson H.* Secret Pentagon memo on China, homeland has Heritage fingerprints // The Washington Post. — 29.03.2025. — URL: <https://www.washingtonpost.com/national-security/2025/03/29/secret-pentagon-memo-hegseth-heritage-foundation-china/> (accessed: 03.06.2025).
29. Inspection of Embassy Doha, Qatar. Office of Inspections. May, 2025. — URL: <https://www.stateoig.gov/uploads/report/reportpdf/inspection-embassy-doha-qatar-isp-i-25-12.pdf> (accessed: 03.06.2025).
30. Intelligence Authorization Act for Fiscal Year 2011. — URL: <https://www.law.cornell.edu/topn/intelligenceauthorizationactforfiscalyear2011> (accessed: 03.06.2025).
31. *Kabalan M.* Qatari-US Relations: Limits of Compatibility and Differences // Al Muntaha. — 2019. — Vol. 2. No. 2. — P. 54–71.
32. *Lawrence J.P.* US military shifts Army basing from Qatar to Jordan in move that could provide leverage against Iran // Stars and Stripes. — 01.07.2021. — URL: <https://www.stripes.com/branches/army/2021-07-01/us-military-closes-qatar-camps-in-move-that-could-play-into-iran-policy-2009140.html> (accessed: 03.06.2025).
33. *Matisek J., Farwell J.* Trump's national security strategy: from Pax Americana to Pact Americana / The Australian Strategic Policy Institute. — URL: <https://www.aspistrategist.org.au/trumps-national-security-strategy-from-pax-americana-to-pact-americana/> (accessed: 03.06.2025).
34. *Mehra A.* The Pentagon's National Military Strategy is done, and it's unclear if the public will ever see it // Defense News. — URL: <https://www.defensenews.com/pentagon/2019/02/13/the-pentagons-national-military-strategy-is-done-and-its-unclear-if-the-public-will-ever-see-it/> (accessed: 03.06.2025).
35. Memorandum for all Department of Defense Personnel. Secretary of Defense 1000 Defense Pentagon. Washington, DC 20301–1000. Subject: National Defense. — 01.05.2025. — URL: <https://media.defense.gov/2025/May/02/2003703230/-1/>

- 1/1/MEMORANDUM-DIRECTING-THE-DEVELOPMENT-OF-THE-2025-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.PDF (accessed: 03.06.2025).
36. Memorandum on the Designation of the State of Qatar as a Major Non-NATO Ally. Presidential Determination № 2022–10 / The White House. — 10.03.2022. — URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/03/10/memorandum-on-the-designation-of-the-state-of-qatar-as-a-major-non-nato-ally/> (accessed: 03.06.2025).
37. Meshal bin Hamad Al Thani. Qatar Is the Mideast's Honest Broker // The Wall Street Journal. — 29.10.2023. — URL: <https://www.wsj.com/opinion/qatar-is-the-mideasts-honest-broker-hamas-israel-america-middle-east-conflict-peace-19e3cc0f> (accessed: 03.06.2025).
38. Metz H.C., ed. Persian Gulf States: A Country Study. — Washington: GPO for the Library of Congress, 1993. — URL: <https://countrystudies.us/persian-gulf-states/80.htm> (accessed: 03.06.2025).
39. National Defense Strategy of the United States. US Secretary of Defense (27 Oct. 2022). — 2022. — URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed: 03.06.2025).
40. National Military Strategy // Historical Office. Office of the Secretary of Defense: [official website]. — URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Military-Strategy/> (accessed: 03.06.2025).
41. National Security Strategy // Historical Office. Office of the Secretary of Defense: [official website]. — URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (accessed: 03.06.2025).
42. National Security Strategy / The White House. — Washington, 2022. — URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 03.06.2025).
43. Ogles S. Demand Report on Operational Value of Al-Udeid Air Base. Press Release // Andy Ogles: [official website]. — 24.10.2024. — URL: <https://ogles.house.gov/media/press-releases/ogles-scott-demand-report-operational-value-al-uheid-air-base> (accessed: 03.06.2025).
44. Public Law 100–461. Making appropriations for foreign operations, export financing, and related programs for the fiscal year ending September 30, 1989, and for other purposes. — URL: <https://www.congress.gov/bill/100th-congress/house-bill/4637/text?s=1r=1q=%7B%22search%22%3A%22cite%3A%22%7D> (accessed: 03.06.2025).
45. Qatar Signs Defense Accord With U.S. // The New York Times. — 10.12.2013. — URL: <https://www.nytimes.com/2013/12/11/world/middleeast/qatar-signs-defense-accord-with-us.html> (accessed: 03.06.2025).
46. Qatar, US Strengthen Strategic Relations during President Trump's Visit to Doha // Qatar's Ministry of Foreign Affairs: [official website]. — URL: <https://mofa.gov.qa/en/latest-articles/statements/qatar-us-strengthen-strategic-relations-during-president-trump-s-visit-to-doha> (accessed: 03.06.2025).
47. S.4638 — National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2025. 119th Congress (2023–2024). — URL: <https://www.congress.gov/crs-product/R47467> (accessed: 03.06.2025).
48. Saidy B. Qatari-US military relations // Contemporary Arab Affairs. — 2017. — Vol. 10. No. 2. — P. 286–299 (accessed: 03.06.2025).
49. Sciolino E. Qatar Rejects U.S. Demand for Return of Illicit Stingers // The New York Times. — 28.06.1988. — URL: <https://www.nytimes.com/1988/06/28/world/qatar-rejects-us-demand-for-return-of-illicit-stingers.html> (accessed: 03.06.2025).
50. Sipress A. Tiny Qatar Discovers the Pitfalls of Its Alliance with U.S. // The Washington Post. — 19.03.2003. — URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2003/03/19/tiny-qatar-discovers-the-pitfalls-of-its-alliance-with-us/ba4fb470-f592-486c-9f26-15e2d7a99e95/> (accessed: 03.06.2025).
51. Sprenger S. Editorial: The Pros of a National Military Strategy 'For Everyone to See' // Defense News. — URL: <https://www.defensenews.com/opinion/commentary/2016/10/13/editorial-the-pros-of-a-national-military-strategy-for-everyone-to-see/> (accessed: 03.06.2025).
52. Statement on the Development of the 2025 National Defense Strategy. May 2, 2025 // The Department of Defense: [official website]. — URL: <https://www.defense.gov/>

- News/Releases/Release/Article/4172735/statement-on-the-development-of-the-2025-national-defense-strategy/ (accessed: 03.06.2025).
53. *Steinberg G.* Qatar's Foreign Policy. Decision-making processes, baselines, and strategies / German Institute for International and Security Affairs. — Berlin, 2023. — 34 p.
 54. U.S. Security Cooperation With Qatar // US Department of State: [official website]. — URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-qatar> (accessed: 03.06.2025).
 55. Welcome Packet. Unaccompanied Service Members Area Support Group-Qatar. January 2018. — URL: <https://web.archive.org/web/20181221130925/http://www.us-arcent.army.mil:80/Portals/1/Units/ASG%20Qatar/ASG-QA-Welcome-Packet.pdf?ver=2018-05-30-144723-767> (accessed: 03.06.2025).
 56. *Wines M., McManus D.* Gulf State of Qatar Gets Stinger Missiles // Los Angeles Times. — March 31, 1988. — URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1988-03-31-mn-900-story.html> (accessed: 03.06.2025).
 57. 2025 Worldwide Threat Assessment. Prepared for the Armed Services Subcommittee on Intelligence and Special Operations, United States House of Representatives / Jeffrey Kruse, Lieutenant General, U.S. Air Force, Director, Defense Intelligence Agency. — URL: https://armedservices.house.gov/uploadedfiles/2025diastatementforthe_record.pdf (accessed: 03.06.2025).

Шляхтунов Андрей Геннадьевич,

доктор политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Andrey G. Shlyakhtunov,

Doctor of Political Sciences,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: andrey.shlyakhtunov@yandex.ru

Зуева Полина Алексеевна,

ведущий специалист Управления аспирантуры и докторантуры,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва.

Polina A. Zueva,

Main Specialist in the Postgraduate and Doctoral Studies Department,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow.

E-mail: zueva-pa@ranepa.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ
В 2020–2024 ГГ.: ИЗМЕНЕНИЕ ПОДХОДОВ**

**IMPLEMENTATION OF THE FOREIGN POLICY
OF THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY
IN 2020–2024: CHANGING APPROACHES**

Аннотация: данная научная статья посвящена исследованию внешней политики Германии — одного из мировых и региональных лидеров — в период с 2020 по 2024 год с точки зрения ее изменчивости. Под изменениями авторы понимают трансформацию выбранных качественных показателей относительно базового индикатора, которым выступают аналогичные показатели предыдущих временных отрезков. В качестве параметров исследования, а также инструментов выявления трендов и тенденций изменения общей направленности курса государства определены и обоснованы, во-первых, заявления представителей правящей элиты страны, а также решения правящего кабинета Германии, во-вторых, инновационные формы реализации зарубежной стратегии государства, то есть различные виды «силы». Предполагается, что выбранные параметры в совокупности позволят рассмотреть изменчивость реализуемого внешнеполитического курса Германии с позиционной (идейной) точки зрения, а также «неформальных» механизмов. Результаты исследования демонстрируют, что в 2020–2024 годах реализация внешней политики Германии характеризуется противоречивыми тенденциями, которые могут, с одной стороны, сформировать условия для повышения эффективности используемого механизма, а с другой — обострить внутренние противоречия.

В ходе исследования определяются ключевые детерминанты внешней политики Германии, осуществляется анализ влияния выявленных факторов на определенные параметры с позиций характерности/нехарактерности для немецкого государства, а также того, какие тренды развития зарубежной стратегии они демонстрируют и/или подтверждают. Алгоритм исследования может быть использован в отношении иных субъектов мировой политики.

Ключевые слова: внешняя политика, Германия, детерминанты внешней политики, Европейский союз, маркеры трансформации внешней политики, политические заявления, формы политической власти, конфликтогенность внешней политики Германии.

Abstract: this article is devoted to the study of German's foreign policy, one of the world and regional leaders, in the period from 2020 to 2024 in terms of its variability. By variability, the authors mean the transformation of selected qualitative indicators relative to the basic indicator, which are similar indicators of previous time periods. As parameters of the study, as well as tools for identifying trends and trends in the general orientation of the state's course, the statements of the country's ruling elite, as well as decisions of the ruling cabinet of Germany, and secondly, innovative forms of implementation of the state's foreign strategy, so various types of "power", are identified and justified. It is assumed that the selected parameters together will allow to consider the variability of Germany's current foreign policy from a positional point of view, as well as "informal" mechanisms. The results of the study demonstrate that in 2020–2024, the implementation of Germany's foreign policy is characterized by contradictory trends, which, on the one hand, can create conditions for increasing the effectiveness of the mechanism used, and, on the other, exacerbate internal contradictions.

The study identifies the key determinants of German foreign policy, analyzes the impact of the identified factors on certain parameters from the standpoint of character / uncharacterism for the German state, as well as what trends in the development of foreign strategy they demonstrate and / or confirm. The research algorithm can be used in relation to other subjects of world politics.

Key words: foreign policy, Germany, determinants of foreign policy, the European Union, markers of foreign policy transformation, political statements, forms of political power, conflictogenuity of German foreign policy.

Введение

В настоящее время международные отношения претерпевают коренные изменения, которые заключаются в формировании нового мирового порядка [12], а актуальное качество международно-политического и межгосударственного взаимодействия позволяет характеризовать текущий период как «эпоху революционных перемен» [13]. При этом перемены касаются всех аспектов жизни общества и государства, включая внешнюю политику, которая становится более динамичной и многофакторной, а также отличается резкостью, не характерной для зарубежных курсов государств в прошлом.

Одним из проявлений этой «резкости» можно рассматривать оперативное изменений архитектуры внешней политики в целом, а также двустороннего взаимодействия государств по тем или иным причинам. Германия, которая на протяжении долгого времени являлась надежным партнером России в Европе, не является

исключением. Несмотря на то что в настоящее время Россия для Германии, как и Германия для России [13], является по большей части серьезным оппонентом, Германия не теряет статус объекта исследования в российском научно-политическом дискурсе ввиду положительной ретроспективы двустороннего взаимодействия при сохранении возможности обратной трансформации архитектуры внешнеполитических связей стран.

Из этого следуют исследовательские вопросы: каким образом может быть рассмотрено подобное изменение архитектуры внешней политики государства при условии ее постоянной и активной реализации, как именно меняются подходы Германии к реализации внешнеполитического курса в последние годы и что это может означать? В связи с этим цель исследования состоит в рассмотрении трансформации подходов ФРГ к реализации зарубежной деятельности в динамике, в 2020–2024 годах, с точки зрения конкретных решений и/или действий, а также инструментов реализации.

Определение ключевых параметров исследования

Тот факт, что внешняя политика Германии в 2020–2024 годах динамично трансформировалась, неоспорим, хотя бы при учете количества и качества влияющих на нее детерминант. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров в свою очередь в одном из недавних интервью отметил начало новой антироссийской волны настроений в западных странах и, говоря о Германии, подчеркнул, что «Германия наверняка хочет вновь вернуть себе былое величие, и генетически ради этой цели у них прорываются старые инстинкты, нацистские инстинкты» [9], что фактически служит подтверждением ранее указанного тезиса.

Несмотря на то что факторам внешней политики государств как самостоятельному явлению посвящено значительное количество научных работ [6; 7; 17, р. 168], унифицированного подхода к их определению и классификации не существует.

Тем не менее детерминанты в контексте внешней политики можно определить как обстоятельства или причины, приводящие к изменению характера внешнеполитической деятельности государства в отдельных ее аспектах [3; 4; 19]. В связи с этим применительно к Германии можно выделить: среди факторов глобального уровня – формирование многополярной мировой

системы с несколькими относительно равными центрами силы, повышение конфликтогенности в мире, антироссийскую политику западных стран и т.д.; среди факторов регионального уровня — эскалацию конфликта на Украине, экономические трудности европейских стран на национальном уровне в целом и энергетический кризис в частности, отсутствие единой стратегии развития ЕС и т.д.; среди факторов национального уровня — нестандартно высокий уровень инфляции в 2022 и 2023 годах (6,9% и 5,9% соответственно) [30], сложности в работе предыдущей правящей коалиции и объявление досрочных парламентских выборов, усиление позиций правой партии «Альтернатива для Германии» и т.д. При этом указанные факторы влияния на внешнюю политику ФРГ обнаруживаются в различных сферах жизнедеятельности немецкого общества.

Под воздействием вышеуказанных детерминант наряду со внешнеполитическими установками ФРГ актуализируются соответствующее видение немецкого государства, целеполагание в вопросах зарубежного партнерства, а также принципы достижения национальных целей.

Необходимо отметить, что нормативно-правовое обеспечение внешнеполитической деятельности Германии является довольно диверсифицированным и представляет собой единство трех групп документов, а именно: Основного закона страны как базового документа, общеевропейских стратегических документов (Глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности, «Стратегический компас Европейского союза по обороне» и т.д.), релевантных документов с нейтральным названием, принятых на национальном уровне (Белые книги Бундесвера (1994, 2006, 2016), Стратегия национальной безопасности (2023), Основные направления политики предотвращения кризисов, разрешения конфликтов и содействия мирному регулированию (2017), Основные направления арктической политики (2013, 2019), Основные направления политики Германии в Индо-Тихоокеанском регионе (2020), Стратегия Германии в отношении Китая (2023) и т.д.). Фактически это позволяет представить доктринальное обеспечение внешней политики Германии в качестве системы, в основе которой находятся положения Основного закона, а иные документы, соответствуя конституционным принципам,

являются отражением частных внешнеполитических направлений. Тем не менее именно они раскрывают подходы Германии к формированию и реализации внешнеполитического курса страны, демонстрируют приоритеты и т.д.

Кроме того, если ранее ученые полагали, что лица, принимающие решения в государствах, в том числе в части внешней политики, должны абстрагироваться от окружающей ситуации в целях формирования искомого курса, заложенного национальной традицией издревле [31, р. 451], то текущая геополитическая реальность, напротив, определяет адаптивность и изменчивость внешнеполитической стратегии государства и самого зарубежного курса страны относительно факторов влияния в целях генерации исключительно эффективной политики, способствующей «выживанию» государства в новых условиях.

Учитывая современную геополитическую обстановку, качество международного сотрудничества, а также усложнение механизмов реализации внешнеполитических стратегий, подобная адаптивность может быть рассмотрена с точки зрения политических заявлений и решений правящей элиты страны, особенно с учетом реакции на те или иные факторы влияния, а также с учетом различных видов «сил» как механизмов. Второй показатель будет рассмотрен подробно позднее.

Первый показатель, в свою очередь, фактически отражает изменение внешнеполитической риторики государства, иными словами, заключается в «практической политике». Примечательно, что отношение граждан к государственной власти в настоящее время выстраивается во многом на такой «практической политике» [32, р. 4].

В связи с этим решения и/или заявления внешнеполитического характера правящей элиты страны, осуществленные по ранее не свойственному «образцу» и/или отражающие такие взгляды, идеи и подходы, которые ранее не были характерны для государства, могут представлять собой способ оценки фактической восприимчивости ФРГ к трансформациям международно-политической конъюнктуры в 2020–2024 годах в динамике, а также механизм выявления признаков организации новых подходов и принципов к осуществлению зарубежной деятельности в немецком государстве.

В настоящее время в научном дискурсе представлены многочисленные работы, посвященные исследованию роли СМИ в коммуникации политиков и общества с позиции «четвертой силы», контент-анализу заявлений тех или иных политических деятелей, формированию имиджа политика при помощи СМИ и т.д. [5; 8; 14; 15; 20; 24; 28; 43]. Однако исследования заявлений представителей политических элит, которые в свою очередь выступают субъектами принятия решений [1, с. 58], с позиции показателей изменения курса страны встречаются редко, при том что на самом деле это представляет существенный интерес.

Исследование практических маркеров трансформации внешней политики Германии в 2020–2024 годах

В целях оптимизации исследования практических маркеров трансформации внешней политики Германии в 2020–2024 годах необходимо определить перечень факторов, относительно которых оно будет проводиться. Основаниями для синтеза базовых параметров исследования, то есть детерминант, являются их генерализация, удельный вес в мировой политике, подтверждаемый влиянием не только на Германию, но и на группу государств, дихотомия воздействия факторов относительно уровней проявления и сфер деятельности ФРГ, а также актуальность непосредственно для немецкого государства.

Перечень факторов выглядит следующим образом:

- формирование многополярной мировой системы с несколькими центрами силы при несогласии с подобным порядком одной из ранее бесспорно сильнейших стран — США;
- повышение конфликтогенности во всех регионах мира, в том числе в Европе;
- активная антироссийская политика западных стран;
- расширение и укрепление военно-политического блока НАТО, а также формирование и расширение новых межгосударственных объединений, таких как AUKUS и БРИКС;
- энергетический кризис;
- отсутствие единой стратегии по развитию и модернизации Европейского союза на фоне устаревшей системы организации;
- внутривнутриполитические проблемы немецкого государства;
- политические неудачи немецкой политики.

Практической реакцией внешней политики ФРГ на **первый** из указанных вызовов являются заявления 9-го федерального канцлера ФРГ О. Шольца о ключевой роли ЕС и США в обеспечении мировой стабильности и стратегическом характере взаимодействия в рамках Группы семи ввиду участия стран Азии, Африки и Южной Америки на некоторых из заседаний [23], что фактически подтверждает приверженность правящих кругов Германии идее о необходимости ориентированности на страны Запада, прежде всего США, и развитие новых направлений международного сотрудничества в целях формирования новой системы мира. Если эти реакции в целом свойственны традиционной концепции внешней политики Германии (новшеством является лишь усиление подобного дискурса), то заявление О. Шольца о целесообразности присутствия России на следующем саммите мира противоречит ей [37]. Это может рассматриваться как признак трансформации зарубежной стратегии немецкого государства: до середины 2010-х годов обеспечение прогресса российского вектора было безоговорочным, в то время как сейчас, после активизации анти-российских настроений, в том числе в Германии, что также является признаком изменчивости курса страны в 2020–2024 годах, предложение политика кажется неестественным.

Реакция Германии на **второй** фактор, аналогично реакции на первый, двойственная. Хотя ранее ФРГ крайне осторожно подходила к комментированию и тем более участию в конфликтах, в том числе в формате их медиации, что подтверждается отказом немецкого государства от поддержания морской блокады Ливии в 2011 году и регулярными заявлениями против идеи участия в конфликте в Ираке, наибольшая часть практических маркеров в 2020–2024 годах свидетельствует о включенности Германии в регулирование региональных противоречий, но преимущественно косвенными методами. Например, в ситуации российско-украинского конфликта это выражается в технической поддержке последней и оказании санкционного давления на Россию, а также в стремительной модернизации национальной и региональной систем безопасности, усилении взаимодействия ЕС и НАТО по линии обеспечения безопасности. Немаловажным является тот факт, что стимулами подобных изменений, конфликтующих с устоявшейся в ФРГ идеей пацифизма [11, с. 176, 179], стали ситуация на Укра-

ине и опасения по поводу «российской угрозы». Тем не менее некоторые из заявлений О. Шольца, в частности о том, что Германия не заинтересована в принятии 14-го пакета антироссийских санкций [35], что О. Шольц не готов отправить немецких солдат на Украину [40] и не позволит сбивать российские самолеты немецкими истребителями (июль 2024 г.) [38], а также о том, что Россия должна быть представлена на следующем саммите мира демонстрируют неготовность к однозначному поддержанию прежней линии национальной внешней политики в части регулирования конфликтов, которая может стать более «нейтральной». Примечательно, что позиция действующего канцлера ФРГ Ф. Мерца, равно как и его предшественника, неопределенная: с одной стороны, политик говорит о том, что «Германия не должна становиться активной стороной конфликта» [21], с другой — он поддерживает идею антироссийских санкций, в том числе их усиления, а также, по сообщениям иностранных СМИ, идею осуществления поставок систем ПВО «Patriot» [22].

Двойственность практических реакций ФРГ характерна также для **третьей** детерминанты. С одной стороны, в 2022 году Германия молниеносно разорвала существовавшие прежде связи с Россией во всех сферах, а после способствовала внешней «изоляции» Российского государства за счет поддержания антироссийских санкций и идеи неучастия России в международных встречах на высшем уровне; с другой стороны, в 2023–2024 годах Германия проводит последовательную политику по зондированию российского вектора на предмет возможности восстановления некоторых диалогов по ключевым для обеих сторон вопросам. Последнее находит отражение в заявлениях О. Шольца, который не исключает возобновления активных контактов с Президентом России В.В. Путиным (первый за два года телефонный разговор двух лидеров состоялся осенью 2024 г.) [39] и выступает за присутствие России на следующем саммите мира, а также в торпедировании Германией процесса подписания 14-го пакета антироссийских санкций. Подобная реакция, в свою очередь, может быть вызвана оценкой реальных потерь немецкой стороной, прежде всего экономических, от прекращения исторического российско-германского партнерства. При этом необходимо отметить, что антироссийская политика как отдельный феномен

направленности курса внешней политики ФРГ является ранее не известным трендом.

Иные из выявленных факторов влияния на внешнюю политику ФРГ (**четвертый–восьмой**) в 2020–2024 годах приобрели новое качество проявления, проявляющееся в большей актуальности этих вопросов для немецкого государства и в высокой динамике релевантных событий, что является показателем трансформации зарубежного курса Германии, хотя детерминанты нельзя рассматривать как априори новые для этого государства. Тем не менее современный характер четвертого–восьмого факторов порождает не всегда последовательные реакции Германии на имеющиеся вызовы ввиду отсутствия опыта медиации подобных вопросов, а также стратегического видения развития ситуации с максимальными выгодами для ФРГ.

Так, реакциями Германии на расширение и укрепление межгосударственных организаций, таких как БРИКС, НАТО и AUKUS, стали, с одной стороны, углубление собственной вовлеченности в деятельность Североатлантического альянса за счет проведения совместных военных учений в 2023 и 2024 годах при невыполнении пункта о финансировании организации в размере 2% от ВВП, а с другой — попытки наладить отношения со странами БРИКС, что может рассматриваться как нежелание ФРГ ограничиваться только тем «кругом общения», который соответствует границам ЕС и НАТО. Реакцией на начавшийся в 2022 году энергетический кризис стали многочисленные зарубежные визиты канцлера ФРГ О. Шольца в попытках наладить поставки энергоресурсов из других стран, хотя ни одни из переговоров не принесли желаемого результата. Усиление позиций правых партий, в том числе на выборах в Европарламент, привело к тому, что Президент Франции Э. Макрон объявил досрочные выборы в национальный парламент. В Германии, в которой «Альтернатива для Германии» (политическая партия ФРГ правых и ультраправых взглядов) стала второй по популярности силой, получив 14,5% голосов, досрочные выборы объявлены не были, однако с подобным призывом выступал премьер-министр Баварии М. Зёдер. Правительство О. Шольца фактически никак не прокомментировало результаты выборов с точки зрения соотношения сил при условии, что партия действующего канцлера стала лишь третьей.

Кроме того, в конце 2024 года в результате вынесения вердикта недоверия действующему правительству было объявлено о проведении досрочных парламентских выборов в Германии в феврале 2025 года (вместо сентября 2025 г.), что стало свидетельством сохранения и даже углубления внутренних проблем. Примечательно, что при проведении досрочных выборов избрание канцлера впервые проходило в два этапа, что может рассматриваться не только как издержка избирательной системы немецкого государства, но и как показатель конфликта мнений и позиций внутри страны.

Политические неудачи ФРГ, к которым относится отмена встречи премьер-министра Госсвета КНР Л. Цян и вице-канцлера Р. Хабера в июне 2024 года, получают всё больше резких комментариев в немецких национальных СМИ. Подобный характер национального медиапространства ухудшает имидж Германии как делового партнера, учитывая, что прежде немецкая сторона крайне осторожно подходила к оценке ситуаций и избегала резких заявлений.

Примечательным является тот факт, что третья детерминанта, касающаяся реформирования ЕС, в последние годы редко становится причиной тех или иных практических заявлений и действий ФРГ, хотя регулярно освещается СМИ иных государств ЕС. Вероятно, подобное невнимание со стороны Германии к вопросу оптимизации деятельности ЕС связано с наличием более значимых проблем, однако реакция О. Шольца на визит премьер-министра Венгрии В. Орбана в Москву подтверждает отсутствие полного безразличия к вопросу, в связи с чем возможно изменение дискурса в ближайшее время.

Практические реакции внешней политики ФРГ на факторы влияния могут быть сгруппированы в несколько типов в зависимости от паттерна, основывающегося на характере отклика, степени вовлеченности Германии в осуществление той или иной «обратной связи», а также на действующих субъектах.

Типы выглядят следующим образом:

- *безучастное комментирование*, заключающееся в абстрагированной оценке ситуации без предложения каких-либо мер и/или действий (например, реакция на отмену встречи Р. Хабера и премьер-министр Госсвета КНР Л. Цян в июне 2024 г.) [33];

- *участное комментирование*, то есть инициирование, поддержание и/или оглашение конкретной позиции по сложившейся ситуации или действий, реализация которых напрямую зависит от согласия с предложением иных стран (например, предложение главы Европейской комиссии У. фон дер Ляйен о создании собственной системы противоракетной обороны ЕС [41], предложение О. Шольца о приглашении России на следующий саммит мира);
- *активное включение*, предполагающее начало конкретной политики и/или реализации мер, направленных на противодействие ситуации (например, введение антироссийских санкций; организация финансовой помощи Украине и поставок вооружений);
- *пассивное включение*, суть которого сводится к осуществлению обратной реакции через межгосударственные организации (например, усиление контингента НАТО на территории Германии как ответ на ситуацию на Украине, а также проведение военных учений на территории ФРГ);
- *игнорирование* — отсутствие каких-либо комментариев относительно возникшей проблемы (например, реакция Германии на усиление позиций правых партий на выборах в Европейский парламент в июне 2024 г.).

Учитывая положения стратегических документов, определяющих контуры внешнеполитической деятельности Германии, можно говорить о том, что практические решения и/или заявления представителей правящей элиты страны соответствуют имеющимся основаниям, которые также претерпели изменения в последние годы. Тем не менее их рассмотрение с точки зрения влияния внешних факторов свидетельствует о некой «неопределенности» позиции, что требует ее уточнения в будущем.

Инновационные формы власти как самостоятельный маркер трансформации внешней политики Германии в 2020–2024 годах

Как было указано выше, еще одним показателем трансформационной активности внешнеполитического курса государства, в том числе Германии, помимо практических маркеров является развитие и усложнение инновационных форм реализации зарубежной страте-

гии, например различных форм власти. Причина заключается в том, что углубляющаяся вариативность и разнонаправленность германского внешнеполитического курса, особенно в 2020–2024 годах, вынуждают правящую элиту страны регулярно искать современные и перспективные формы реализации политической власти для поддержания двустороннего диалога с прочими субъектами политики, установления новых взаимодействий на межгосударственном уровне, а также для осуществления привлекательной и конкурентной политики на фоне других стран. В настоящее время в качестве различных форм власти принято выделять «мягкую силу», «жесткую силу», «липкую силу», «острую силу» и «умную силу».

Американский исследователь Дж. Най, выделивший в 1980-х годах две основные формы политической власти государства — «мягкую силу» и «жесткую силу», — понимал первую как способность одного государства навязывать свои взгляды и идеи иным странам исключительно при помощи опосредованного влияния в целях достижения желаемого результата. Германию по праву можно назвать одним из лидеров этого типа политического влияния, поскольку страна занимает 5-е место по этому показателю в мировом рейтинге [26]. При этом основой «мягкой силы» ФРГ является культурная сфера, а именно продукты музыкальной и киноиндустрии, немецкие бренды одежды, литературные произведения немецких авторов, архитектура и проч, которые стали всё более востребованными за рубежом в 2020–2024 годах. Эти и другие элементы «мягкой силы» Германии формируют заведомо положительный имидж страны, что частично облегчает ведение основного внешнеполитического курса в отношении иных акторов мировой политики за счет создания основы для легитимизации осуществляемых действий.

Противоположностью «мягкой силы» является концепция **«жесткой силы»**, которую Дж. Най определил, как потенциал государства во внешней политике, образующийся при учете геополитических факторов и их взаимодействия [34, р. 5, 6]. В целом концепция «жесткой силы» посвящена изучению стимулов и угроз применения военной силы в международных отношениях. Хотя «жесткая сила» традиционно не свойственна для объединенной Германии, в последние годы военная компонента осуществляемых действий свидетельствует о повышении удельного веса подобной политики

в зарубежной стратегии ФРГ, а выделение дополнительных средств из государственного бюджета на развитие системы национальной обороны и военного производства подтверждает указанный тренд. Примечательно, что в последние годы в качестве элемента «жесткой силы» рассматривают и экономические методы влияния. В такой интерпретации «жесткая сила» характеризует внешнюю политику ФРГ в части поддержания антироссийских санкций.

В последние годы существенное внимание уделяется разработке и обоснованию концепции «**липкой силы**». Она, по мнению американского исследователя У.Р. Мида, представляет собой комплекс мер по экономическому сдерживанию, включающих в себя взаимозависимость экономик стран, создание общего рынка и т.д. [16; 27, р. 88]. Несмотря на определенную схожесть с «жесткой силой», «липкая сила» является самостоятельной формой политической власти государства: во-первых, в ее основе лежат исключительно экономические меры воздействия, во-вторых, спектр ее инструментов шире, чем у экономического аспекта «жесткой силы». Тем не менее можно говорить о том, что «липкая сила» является наиболее бесперспективной формой развития внешней политики ФРГ в условиях международно-политической турбулентности 2020–2024 годов: будучи частью ЕС, Германия ориентируется на те правила и регламенты, которые существуют внутри организации, стараясь учитывать их при формировании национальной политики. Однако примером «липкой силы» может являться идея о свободной торговле между странами ЕС и США, которая активно обсуждалась в 2013–2016 годах и вновь была озвучена Германией в 2022 году.

В 2017 году американские исследователи ввели в обиход понятие «**острая сила**», означающее намеренное проникновение одного государства в информационную и политическую среду другого в целях его дискредитации через манипулирование общественным мнением и подрыв основ политической системы [10, с. 22; 42]. Дж. Най в свою очередь утверждает, что «острая сила» не является новым феноменом в политическом дискурсе, а представляет собой современное обозначение информационной войны [29]. Проявлением «острой силы» Германии в 2020–2024 годах стало активное освещение в СМИ политических событий, сопряженное с резкими оценочными суждениями, например относительно си-

туации на Украине, которое формирует общественное мнение как внутри страны, так и за ее пределами. Тем не менее успешность подобной политики спорна, поскольку в Германии в 2020–2024 годах регулярно проходили протесты против курса правящей коалиции, что свидетельствует о низкой легитимности власти, которую не смогли обеспечить СМИ.

Не вызывает сомнений тот факт, что различные варианты «силы» используются Германией и иными странами одновременно, но с разной степенью интенсивности. Синтез известных форм политического влияния привел к выделению **«умной силы»**, олицетворяющей интеллектуальную мощь государств [25, р. 246]. Концепция «умной силы» требует от правящих элит навыков успешного использования имеющихся инструментов внешней политики, а также их адаптации к актуальной международной обстановке, целям и задачам государства. «Умная сила» Германии фактически только формируется, что связано с начальным этапом развития ее составных элементов. Тем не менее период 2020–2024 годов дал серьезный толчок развитию этого инструмента, последствия которого будут заметны в краткосрочной перспективе при сохранении прежней динамики.

Обсуждение результатов

На основании вышеизложенного можно заключить, что политические заявления представителей правящей элиты страны, в данном случае — ФРГ, выполняют роль индикатора адаптации национальной внешней политики к изменяющейся конъюнктуре международного сотрудничества в целом. Это обеспечивается за счет оперативной интеграции актуализированной позиции в ту или иную политическую реакцию. При этом характерная для текущего периода рассогласованность в политических заявлениях правящей элиты ФРГ свидетельствует не только о восприимчивости зарубежного курса немецкого государства к факторам влияния как таковой, но и потенциально — о наличии внутренних сложностей стратегического значения в части формирования и реализации эффективной внешней политики. Отдельно отметим, что, как известно, конкурентоспособность государства на международной арене в настоящее время обеспечивается за счет качества лидерства и управления, результативности проводимой политики и т.д. [2, с. 5].

Несмотря на то что при общем рассмотрении текущая трансформация зарубежного курса ФРГ и переоценка ранее бесспорных оснований и принципов партнерств имеют хаотичный характер, они на самом деле подвержены схожему шаблону и/или формируются по аналогичным этапам, что доказывается практическими реакциями, а также соответствует динамике доктринальных оснований внешнеполитической деятельности. Так, начиная с 2020 года, существенные антироссийские настроения, а также последствия принятых в этой парадигме решений прослеживались во всех направлениях внешней политики Германии.

При этом в 2022–2023 годах многовекторная зарубежная стратегия ФРГ отличалась более активной и агрессивной позицией немецкого государства в сравнении с предыдущими периодами. Уже в 2024 году начался новый этап «адаптации» внешней политики, свидетельством которой стали, во-первых, эпизодическое проявление скептицизма по вопросу антироссийских санкций ввиду собственных издержек, что противоречит риторике западных стран, во-вторых, размышления о возможности ведения такой политики в целом, которая не всегда соответствовала бы позиции стран-партнеров, но отвечала национальным интересам Германии, и, как следствие, о самостоятельности (субъектности) ФРГ в принятии внешнеполитических решений.

Рассмотрение политических заявлений правящей элиты Германии демонстрирует проявления некачественного кризисного менеджмента ситуации в части разработки и согласования единой официальной линии поведения Германии по тому или иному вопросу, ведущего ко внутренней дестабилизации. Существует три варианта развития текущей дилеммы в будущем: нивелирование, перерастание в латентные или открытые конфликты. Первый вариант хоть и считается оптимальным, но на практике является труднореализуемым ввиду указанной выше причины. Второй вариант, а именно возникновение латентных конфликтов, потенциально может иметь «идейное» проявление. Иными словами, в основе подобного конфликта лежат разногласия в правящей элите Германии, выражаемые в полярных заявлениях политиков, которые, в свою очередь, не дают представления третьей заинтересованной в урегулировании этого вопроса стороне четкого представления о позиции и намерениях немецкого государства,

что ведет к ответным санкциям в виде изменения согласованных ранее условий сотрудничества в рамках обсуждаемого вопроса, отказа третьей стороны от решения вопроса с привлечением ФРГ в принципе или ухудшения двусторонних контактов в стратегической перспективе ввиду постепенного снижения имиджа Германии. В качестве одного из примеров можно привести ситуацию с поставкой крылатых ракет «Таурус» в Украину. Несмотря на то что военная помощь Украине со стороны ФРГ стала регулярным действием, в феврале 2024 года О. Шольц высказался против поставок крылатых ракет «Таурус» в Украину [36], в то время как министр иностранных дел А. Бербок поддержала инициативу [18]. При этом поддержка Украины является одной из основных задач западных стран, поэтому продолжительные споры в ФРГ относительно этого вопроса могли бы спровоцировать нарушение контактов по линии Германия — страны Запада. Таким образом, «противоборство» в рамках конфликтов этого толка выражается в ответном применении инструментов «нежесткой силы».

Третий вариант развития конфликтогенности Германии — открытые конфликты. В некоторых случаях они могут быть следствием латентных, а именно если вторые не получили должного урегулирования на прежней стадии и, напротив, были интенсифицированы новыми фактами, в том числе хаотичностью заявлений политиков Германии. Фактически «структура» таких конфликтов соответствует структуре латентных: критические несоответствия в заявлениях представителей правящей элиты Германии вызывают недовольство и/или ответную реакцию третьей стороны, которая отличается более радикальными и жесткими инструментами.

Вне зависимости от типа развития конфронтации Германия не заинтересована ни в одном из них ввиду приоритета дипломатических средств над иными. В связи с этим актуализируется вопрос предупреждения подобных ситуаций. Так, одним из способов является оптимизация внутренней работы в части стратегического обеспечения внешнеполитической деятельности в целях определения позиции и потенциальной позиции государства по тем или иным вопросам и, как следствие, предупреждения чрезмерной разобщенности мнений в рамках политических заявлений при сохранении оптимального плюрализма.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно резюмировать следующее.

1. Реализация внешней политики Германии в 2020–2024 годах действительно демонстрирует изменение используемых подходов, как идейных, так и инструментальных. Давление на экономическую политику, как со стороны союзников, так и со стороны стран, которых ФРГ считает своими противниками, идет вразрез с провозглашенными ценностями (зеленая карта (Grüne Karte), климатическая повестка, миграционная политика и др.)).

2. Тем не менее в указанный период сформировалась определенная логика этих изменений, вызванная трансформацией международных отношений и, как следствие, нормативных оснований внешнеполитической деятельности страны, к которым можно отнести увеличение оборонного бюджета, помощь Украине, выполнение международных договоров и санкционную политику по отношению к России.

3. Данная логика может рассматриваться как один из факторов нарастания внутривнутриполитического кризиса в ФРГ, итогом которого стали досрочные парламентские выборы и избрание действующего канцлера Ф. Мерца с небольшим перевесом голосов со второй попытки.

4. Как итог, необходимо отметить, что трансформация внешней политики Германии в части приоритетов в 2020–2024 годах коррелирует с нормативно-правовыми основаниями зарубежной деятельности государства. Хотя за последнее десятилетие было принято значительное количество политических заявлений и документов, но международно-политическая ситуация требует дальнейшего развития системного стратегического обеспечения и планирования в целях нивелирования всех глобальных потенциальных рисков для наших стран.

Литература

1. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. — 2016. — № 2. — С. 38–73. EDN: TWYHTO.
2. Гаман-Голутвина О.В. Сохранится ли Старый Свет в новом мире? // Сравнительная политика. — 2024. — Т. 15, № 2. — С. 4–10. EDN: FEBKPB.
3. Горбачевич К.С., Герд А.С. Большой академический словарь русского языка. — М.: Наука, 2007. — Т. 5. — 693 с.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000.

5. Ковалев А.А. СМИ и политическая коммуникация: новые возможности и ограничения // Вестник Поволжского института управления. — 2022. — Т. 22, № 3. — С. 69–83. — DOI: 10.22394/1682-2358-2022-3-69-83.
6. Кондратов А.И. Концептуальная модель внешнеполитической деятельности государства в теории международных отношений: дис. ... д-ра полит. наук. — М., 2012. — 337 с.
7. Косоруков А.А. Соотношение детерминант глобального и национально-государственного уровней в формировании внешнеполитической стратегии: зарубежный опыт и российская специфика: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2011. — 200 с.
8. Куркимова Э.Т. Стратегии формирования и трансляции имиджа политиков в сети Интернет // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2021. — № 1 (66). DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-084-089.
9. Лавров: у Германии прорываются сейчас генетические нацистские инстинкты // РИА Новости. — URL: <https://tass.ru/politika/23632503> (дата обращения: 29.05.2025).
10. Леонова О. SHARP POWER — новая технология влияния в глобальном мире // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63, № 2. — С. 21–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28.
11. Пименова Е.В. Проблемы национальной идентичности современной Германии в международном измерении // Международная аналитика. — 2024. — № 15 (1). — С. 173–190. DOI: 10.46272/2587-8476-2024-15-1-173-190.
12. Путин заявил о необратимом характере формирования нового миропорядка // РИА Новости. — URL: <https://tass.ru/politika/22097943> (дата обращения: 29.05.2025).
13. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России: [официальный сайт]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 29.05.2025).
14. Широков И.С. Роль российских СМИ в политической коммуникации: основное содержание исторических этапов // Российско-китайские исследования. 2021. Т. 5, № 2. С. 94–100. DOI: 10.17150/2587-7445.2021.5(2).94-100.
15. Шрамко Л.И. Стратегии и тактики создания имиджа политика в современных медиа (на примере англоязычной качественной прессы) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 3. С. 99–108. DOI: 10.18721/JHSS.15309.
16. America's sticky power // Foreign policy. — 2009. — URL: <https://foreignpolicy.com/2009/10/29/americas-sticky-power/> (accessed: 29.05.2025).
17. Aydinli E., Rosenau J.N. Globalization, Security, and the Nation State: paradigms in transition. — N.Y.: State University of New York, 2005. — 290 p.
18. Baerbock sieht Ringtausch – «Option», SPD nicht. 11.03.2024 // ZDF Heute. — URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/ausland/baerbock-taurus-lieferung-ringtausch-ukraine-krieg-russland-100.html> (accessed: 29.05.2025).
19. Biswas A. 10 Most Important Determinants of Foreign Policy // School of Political Science. — URL: https://schoolofpoliticalscience.com/determinants-of-foreign-policy/#Determinants_of_Foreign_Policy (accessed: 29.05.2025).
20. Blassnig S. Content Analysis in the Research Field of Political Communication: The Self-Presentation of Political Actors // F. Oehmer-Pedrazzi, S. H. Kessler, E. Humprecht, K. Sommer, L. Castro (eds). Standardisierte Inhaltsanalyse in der Kommunikationswissenschaft — Standardized Content Analysis in Communication Research. — Springer VS, Wiesbaden, 2023. — P. 301–312. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-658-36179-2_26.
21. Deutschland darf nicht Kriegspartei werden // ZDF heute. — URL: <https://www.zdfheute.de/politik/merz-taurus-ukraine-unterstuetzung-krieg-russland-100.html> (accessed: 29.05.2025).
22. Deutschland finanziert weitreichende Raketen // ZDF heute. — URL: <https://www.zdfheute.de/politik/ausland/waffen-unterstuetzung-deutschland-ukraine-krieg-russland-100.html> (accessed: 12.07.2025).
23. Europa kann handeln. 03.02.2025 // Taggesschau. — URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/eu-usa-reaktionen-zoele-scholz-100.html> (accessed: 29.05.2025).
24. Farkas X., Bene M. Images, Politicians, and Social Media: Patterns and Effects of Politicians' Image-Based Political Communication Strategies on Social Media // The International Journal of Press/Politics. — 2020. Vol. 26 (1). — P. 119–142. — URL: <https://doi.org/10.1177/1940161220959553>.

25. *Gallarotti G.* Smart Power: Definitions, Importance, and Effectiveness // *Journal of Strategic Studies*. — 2015. — Vol. 38 (3). — P. 245–281. DOI: 10.1080/01402390.2014.1002912.
26. *Global Soft Power Index 2024* // *Brand Finance*. — URL: <https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2024-digital.pdf> (accessed: 29.05.2025).
27. *Haberly D., Wójcik D.* Sticky Power. Global Financial Networks in the World Economy. — Oxford: Oxford University Press, 2022. — 400 p. — DOI: 10.1093/oso/9780198870982.001.0001.
28. *Häussler T.* Civil society, the media and the Internet: Changing roles and challenging authorities in digital political communication ecologies // *Information Communication and Society*. — 2020. — Vol. 24. — 39 p. — DOI: 10.1080/1369118X.2019.1697338.
29. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // *Foreign Affairs*. — 2018. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed: 29.05.2025).
30. Inflation rate in Germany from 1992 to 2024 (change of CPI compared to the previous year) // *Statista*. — URL: <https://www.statista.com/statistics/262859/inflation-rate-in-germany-changes-of-the-cpi-compared-to-the-previous-year/> (accessed: 29.05.2025).
31. *Jackson R.M.* Patterns of Political Interaction: Reciprocity and Coercion // *International Studies Quarterly*. — 1973. — Vol. 17. No. 4. — P. 445–470. — DOI: 10.2307/2600221.
32. *Kaftan L.* Party Competition Over Democracy: Democracy as Electoral Issue in Germany // *Politics and Governance*. — 2024. — Vol. 12. — 17 p. — DOI: <https://doi.org/10.17645/pag.8502>.
33. Kein Treffen von Habeck mit Regierungschef Li. 22.06.2024 // *Taggesschau*. — URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/asien/habeck-china-102.html> (accessed: 29.05.2025).
34. *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. — L.: Public Affairs, 2004. — 208 p.
35. Sanktionspaket der EU gegen Russland steht. 20.06.2024 // *Deutsche Welle*. — URL: <https://www.dw.com/de/14-sanktionspaket-der-eu-gegen-russland-steht/a-69422133> (accessed: 29.05.2025).
36. Scholz begründet Nein zu «Taurus»-Lieferung. 26.02.2024 // *Taggesschau*. — URL: <https://www.tagesschau.de/inland/scholz-taurus-ukraine-102.html> (accessed: 29.05.2025).
37. Scholz für Teilnahme von Russland an nächstem Friedensgipfel. 19.11.2024 // *Der Mitteldeutsche Rundfunk*. — URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/welt/osteuropa/politik/ukraine-krieg-militaersteuer-finanzierung-steuererhoehung-100.html> (accessed: 29.05.2025).
38. Scholz rechtfertigt Erlaubnis für Einsatz deutscher Waffen in Russland. 06.06.2024 // *Deutschlandfunk*. — URL: <https://www.deutschlandfunk.de/scholz-rechtfertigt-erlaubnis-fuer-einsatz-deutscher-waffen-in-russland-100.html> (accessed: 29.05.2025).
39. Scholz telefoniert erstmals seit zwei Jahren mit Putin. 15.11.2024 // *Taggesschau*. — URL: <https://www.tagesschau.de/inland/scholz-telefonat-putin-100.html> (accessed: 29.05.2025).
40. Um es klipp und klar zu sagen: keine Soldaten unserer Bundeswehr in die Ukraine. 29.02.2024 // *Der Spiegel*. — URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/olaf-scholz-zur-ukraine-um-es-klipp-und-klar-zu-sagen-keine-soldaten-unserer-bundeswehr-in-die-ukraine-a-91f6580d-5e07-4d25-b923-76b8f6d4f415> (accessed: 29.05.2025).
41. Von der Leyen will neue europäische Verteidigungsindustrie aufbauen. 16.02.2024 // *Der Spiegel*. — URL: <https://www.spiegel.de/ausland/ursula-von-der-leyen-eu-kommission-will-neue-europaeische-verteidigungsindustrie-aufbauen-a-3783e6a4-262d-4fba-9ef2-18719c2c514f> (accessed: 29.05.2025).
42. *Walker Ch., Ludwig J.* The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence // *Foreign Affairs*. — 2017. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (accessed: 29.05.2025).
43. *Yamamoto M., Nah S., Bae S.* Social media presumption and online political participation: An examination of online communication processes // *New Media & Society*. — 2020. — Vol. 22 (10). — P. 1885–1902. — DOI: 10.1177/1461444819886295.

Комаров Никита Алексеевич,

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.

Nikita A. Komarov,

PhD student,

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg.

E-mail: st086500@student.spbu.ru

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И РАСШИРЕНИЯ

EURASIAN INTEGRATION: PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND EXPANSION

Аннотация: евразийская интеграция прошла несколько этапов развития: от «евразийской тройки» до полноценного союза, конкурирующего с другими интеграционными объединениями, стремящимися стать полюсами экономического притяжения. В 2025 году исполнилось 10 лет с момента вступления в силу Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). За это время Союз проделал колоссальную работу по формированию общего экономического и таможенного пространства – единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Пристальное внимание уделяется развитию международных связей Союза, сформированы ключевые направления развития внешнего контура. В соответствии с Договором о ЕАЭС и Порядком осуществления международного сотрудничества Высшим Евразийским экономическим советом ежегодно утверждаются Основные направления международной деятельности Союза на предстоящий год. В 2025 году в качестве приоритетных географических направлений определены ближайшие соседи, Евразия, Африка и Латинская Америка. Именно в этих направлениях и стоит двигаться евразийской интеграции на пути «от региона к континентам». Автор приходит к мнению о том, что в быстро меняющемся мире с присущим ему перераспределением политической, экономической и военной мощи евразийская интеграция, воплощенная в ЕАЭС, призвана стать новым центром глобального экономического развития, привлекающим всё большее внимание государств и объединений к формированию более тесного экономического взаимодействия.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Евразийский экономический союз, Большое евразийское партнерство, экономическое сотрудничество.

Abstract: Eurasian integration has gone through several stages of development: from a “Eurasian troika” to a full-fledged union competing with other integration associations seeking to become poles of economic gravity. The year 2025 marks the 10th anniversary of the entry into force of the Treaty on the Eurasian Economic Union (EAEU). During this time, the Union has done a tremendous amount of work on the formation of a common economic and customs space – a single market for goods, services, capital and labor. Close attention is paid to the development of international relations of the Union, the key directions of the external contour have been formed. The main directions of the Union's international activities for the coming year are approved annually by the Supreme Eurasian Economic Council in accordance with the EAEU Treaty and the Procedure for International Cooperation. In 2025, the following geographical areas

have been identified as priorities: the nearest neighbors, Eurasia, Africa and Latin America. It is in these directions that Eurasian integration should move on the path of movement "from region to continents". The author comes to the conclusion that in a rapidly changing world with its inherent redistribution of political, economic, and military power, Eurasian integration, embodied in the EAEU, is destined to become a new center of global economic development, attracting the increasing attention of states and associations to the formation of closer economic cooperation.

Key words: Eurasian integration, Eurasian Economic Union, Greater Eurasian Partnership, economic cooperation.

Введение

Мировой порядок переживает тектонические сдвиги, вызванные в первую очередь изменениями самого ландшафта международных отношений. Тот самый однополярный мир, тщательно и усердно выстраиваемый коллективным Западом, кажется, сам начинает разрушаться вследствие накопившихся противоречий. Роль «мирового полицейского», взятая США после распада СССР, перестает быть интересной; на первый план выходят лозунги «Сделаем Америку снова великой» («Make America Great Again», MAGA) и «Америка превыше всего» («America First»).

Избранная в 2024 году администрация Президента США Д. Трампа своими собственными руками делает то, о чем грезилло руководство многих государств, выступавших политическими оппонентами этого «мирового полицейского», — создает многополярную систему международных отношений. Сторонники многополярного мира наблюдают за тем, как Президент США Дональд Трамп оказывает политическое давление на ранее ближайших союзников, обещает оставить их наедине с проблемами и вводит новые оградительные пошлины на их товары.

На этом фоне Евразийский экономический союз (ЕАЭС) сохраняет курс на устойчивое развитие собственной интеграции и расширение международных связей, в перспективе ставящий перед собой цель создания Большого евразийского партнерства. Этот процесс демонстрирует динамическое развитие: от изначального проекта формирования Единого экономического пространства постсоветских государств, озвученного первым Президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым в 1994 году в Московском государственном университете, до масштабных стратегических инициатив, охватывающих весь Евразийский континент (сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь»).

В данной статье рассматриваются основные модели международного взаимодействия ЕАЭС через подписание соглашений

о сотрудничестве / меморандумов о взаимопонимании с третьими странами и интеграционными объединениями, формирование зон свободной торговли (ЗСТ), предоставление статуса государства-наблюдателя при Союзе. По нашему мнению, ЕАЭС через сотрудничество с государствами- и организациями-партнерами призван стать новым полюсом экономического развития, где особую роль играют глобальные проекты, например по сопряжению евразийской интеграции и китайской инициативы «Один пояс, один путь». В этом контексте ЕАЭС необходимо продолжить движение «от региона к континентам» в направлении развивающихся стран Евразии, Африки и Латинской Америки.

Вопросы исследования регионализма и его видов

В основе данного исследования лежат идеи регионализма, под которым понимается процесс политической, экономической, культурной и прочей интеграции государств, преимущественно расположенных в одном регионе и объединенных культурными, родственными или историческими связями. Данный процесс может включать в себя создание интеграционных объединений, зон свободной торговли, военных альянсов и иных форм сотрудничества, а также объединение в итоге в единое государство. Регионализм можно разделить на политический, экономический и культурный.

Политический регионализм проявляется в совместном управлении, координации политики и защите общих интересов. Примером такой интеграции может служить Африканский союз, ставящий перед собой такие цели, среди прочего, как укрепление единства и солидарности африканских стран, обеспечение мира и безопасности на континенте [47].

Целью экономического регионализма является усиление торгово-экономического взаимодействия, упрощение торговли между странами, повышение экономической устойчивости и создание преференциальных режимов для развития государств. Евразийский экономический союз отвечает всем требованиям экономического регионализма и представляет собой международную организацию региональной интеграции на постсоветском пространстве, ставящую перед собой цели создания «четырёх свобод» (свободное передвижение товаров, услуг, капитала и рабочей силы), построения единой внешнеэкономической политики

(единые таможенные тарифы), развития наднациональных институтов (ЕЭК, Суд ЕАЭС), углубления интеграции.

Культурный регионализм является процессом укрепления и развития культурной идентичности через язык, искусство, литературу, традиции. Французский язык является основой для объединения государств крупнейшей межправительственной организации — Международной организации Франкофонии, под крылом которой — около 321 млн франкоговорящих на пяти континентах. Целью данной организации является продвижение французского языка и политического, образовательного, экономического и культурного сотрудничества между 93 государствами-участниками [50].

Регионализм не является линейным и строго односторонним процессом. Углубление взаимодействия в той или иной сфере в конкретный промежуток времени может изменяться в зависимости от конъюнктурных предпосылок, а цели объединений и блоков не являются неизменными. Примером в данном случае может являться ЕС (политическое, экономическое и, как уже теперь является, военное сотрудничество [54]).

Изучением регионализации и глобализации занимаются многие исследователи международных отношений, которые между тем упускают такую важную особенность, как ориентация на развитие международной торговли между государствами как внутри региона, так и за его пределами. Причина этому — протекционистские меры какой-либо региональной организации по отношению к внешней продукции. В то же время, как показывает история, внутри самих объединений также могут вводиться таможенные пошлины [48]. В связи с этим можно заключить, что оба процесса (регионализация и глобализация) могут сосуществовать, формируя новый феномен в международных отношениях — «глобальную регионализацию».

О.Г. Леонова дает следующее определение «глобальной регионализации»: это «регионализация пространства глобального мира, которая на практике представляет собой трехуровневую структуру — совокупность суб-, мезо- и макрорегионов, а понятие “регион” выступает как базовый элемент этой трехуровневой системы глобального мира» [26]. Профессор СПбГУ М.Л. Лагутина в своей работе «Мировая политическая система в контексте глобальной регионализации» (2015) приходит к выводу, что процессы

глобальной интеграции существенно влияют на трансформацию мировой политической системы, приводя к появлению новых акторов и изменению характера международных взаимодействий [24].

Американский социолог, политолог и философ-неомарксист И. Валлерстайн в своем труде «Миросистемный анализ: введение» (2004) рассматривал современный мир как единую глобальную систему, разделенную на экономически и политически неравные регионы. Следствием развития капиталистической системы стало появление мир-экономики, где страны связаны экономическими отношениями и являются государствами «центра», «полупериферии» и «периферии». В этой парадигме региональные организации (например, ЕС, АСЕАН, ЕАЭС) являются частью «полупериферии», а значит, и частью современного мира, балансируя между зависимостью от «центра» и локальной властью [53].

Исследованию процесса европейской интеграции и формированию наднациональных структур посвящен труд Э. Хааса, одного из основоположников неофункционализма, «Объединение Европы: политические, социальные и экономические силы, 1950–1957» (1958).

Предложенный Хаасом «эффект перелива» (Spillover effect) предполагал несколько естественных процессов интеграции, развивающихся самостоятельно:

1) интеграция по одному направлению взаимодействия неизбежно будет создавать необходимость в сотрудничестве в другом;

2) успешность сотрудничества неизбежно будет приводить к повышению интереса и лояльности политических акторов к региональным институтам;

3) увеличение количества наднациональных институтов (международных организаций), которые будут предлагать более тесную интеграцию [49].

В основе евразийства лежат работы Льва Гумилева («От Руси до России»), Николая Трубецкого («Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока»), Петра Савицкого («В борьбе за Евразийство»). В своих трудах они заложили политическую и культурно-цивилизационную основу евразийской интеграции, а также попытались обосновать самобытный путь Евразии и противопоставить его западному пути развития. Сегодня изучением вопроса евразийской интеграции и ее распростране-

нием за пределы ЕАЭС занимаются И.В. Зеленева, М.Л. Лагутина, Т.В. Бордачев, Т.Д. Валовая и др. Современным последователем евразийской интеграции в широком понимании является Сергей Караганов. В своей недавней публикации «В Евразию с интеллектуальной свободой» он предложил рассматривать «евразийскую плюс интеграцию» не только в рамках ЕАЭС, но и как путь на Восток и Юг, при этом центральная роль в ней отводится России [21].

10 лет ЕАЭС: промежуточные итоги

В мае 2024 года прошло заседание Высшего Евразийского экономического совета, ознаменовавшее 10-летие со дня подписания основополагающего документа развития евразийской интеграции — Договора о Евразийском экономическом союзе. В 2025 году исполнилось 10 лет ЕАЭС: за этот период пройден большой путь построения евразийской интеграции, проведена значительная работа по выполнению ключевых целей Союза и формированию привлекательного образа объединения. Юбилейная дата стала поводом для анализа достижений и перспектив ЕАЭС, в том числе с учетом изменения геополитического ландшафта и появления новых вызовов глобального характера.

Эволюция ЕАЭС включает в себя несколько ключевых этапов. В ходе первого этапа, с 1993 по 2000 год, были последовательно подписаны важные многосторонние документы [8; 11–14; 36; 38], которые ознаменовали начало поиска вновь образованными государствами возможных сфер сотрудничества через заключение промежуточных договоров и соглашений. Следующий этап (2000–2014 гг.) послужил делу формирования единого таможенного пространства, по результатам которого государства-участники создавали наднациональные органы и стремились к еще более тесной интеграции — свободному передвижению товаров, услуг, капитала и рабочей силы, что также нашло отражение в договорной базе стран объединения [4; 5; 9; 39].

Новый этап евразийской интеграции начался в 2014 году с подписанием Договора о Евразийском экономическом союзе [10], который вступил в силу 1 января 2015 года. Далее, в январе, к Союзу присоединились Армения и Киргизия, сформировав действующую поныне «пятерку» евразийской интеграции. Сегодня Евразийский экономический союз является результатом поиска формата

тесного взаимодействия постсоветских государств на «пути объединения потенциалов национальных экономик в интересах их устойчивого развития» [25]. Для реализации поставленных целей в ЕАЭС действуют четыре наднациональных органа: Высший совет, Межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) и Суд ЕАЭС.

ЕАЭС ставит перед собой цель свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы внутри объединения, в рамках которого отменяются таможенные пошлины и квоты, происходит гармонизация технических регламентов и стандартов, разрешено свободное передвижение рабочей силы (гражданам государств — членов ЕАЭС не нужно получать разрешения на работу или оформлять патент). Итогом этого стало увеличение товарооборота между государствами — членами объединения более чем в 2 раза: с 45,5 млрд долл. США в 2015 году [17] до рекордных 90,4 млрд долл. США в 2023 году [29]. Более того, в 2024 году объем взаимной торговли увеличился на 8,1%, составив 97,7 млрд долл. США [18].

ВВП увеличился с 1587,1 млрд долл. США в 2015 году [17] до 2581,6 млрд долл. США в 2024 году [18], показав рост в 5,3% по сравнению с предыдущим годом. Промышленное производство также показывает позитивную динамику, увеличившись с 907,1 млрд долл. США в 2015 году [17] до 1529,2 млрд долл. США в 2024 году [18], показав рост в 1,6% к уровню 2023 года [18]. С 2015 года устранено 85 препятствий (69 барьеров [34] и 16 ограничений [35]): по состоянию на апрель 2025 года Российская Федерация устранила все барьеры и ограничения для государств — членов ЕАЭС.

Совместная работа государств Евразийского экономического союза позволяет не только выдерживать беспрецедентное внешнее экономическое и политическое давление, оказываемое на некоторых его членов, но и продолжать планомерное развитие национальных экономик. Это, безусловно, является одним из явных достижений евразийской интеграции. По уровню интеграции экономик государств-участников ЕАЭС занимает 2-е место в мире, уступая только Европейскому союзу, по модели которого и строится евразийская интеграция. Взаиморасчет в национальных валютах увеличился с 69,7% в 2015 году до 77,2% в 2022 году. В мае 2024 года в ходе заседания Высшего Евразийского эконо-

мического совета Президент России В. Путин сообщил, что «более 90% расчетов проводится в национальных валютах» [33].

Сегодня в Союзе ведется работа по созданию единых рынков услуг (реклама, отдельные строительные работы и др.) и финансов (обеспечение участникам рынка свободного доступа к торговле ценными бумагами и финансовым инструментам, гармонизация финансового законодательства и др.). К системе передачи финансовых сообщений (СПФС), аналога SWIFT, разрабатываемого Российской Федерацией, подключены некоторые банки государств — членов ЕАЭС. Это создает благоприятные условия для свободной работы бизнеса и передвижения граждан между государствами Союза. В перспективе СПФС должна лечь в основу формирования общего финансового рынка Союза.

Активное экономическое развитие, укрепление партнерских отношений и взаимной торговли Союза привлекают всё больше государств к взаимодействию с ним в различных форматах: одни проявляют интерес к присоединению к объединению в качестве полноправных членов, вторые — к выстраиванию тесного экономического взаимодействия, в том числе через соглашения о ЗСТ, меморандумы о сотрудничестве, получение статуса государства-наблюдателя, третьи — к сотрудничеству в рамках взаимодействия международных организаций региональной интеграции. После приобретения международной правосубъектности ЕЭК и государства — члены ЕАЭС формируют и реализуют международную деятельность объединения.

ЕАЭС: международный вектор

Высший Евразийский экономический союз (ВЕЭС) играет ключевую роль в определении внешних контуров развития ЕАЭС: он ежегодно утверждает основные направления международного сотрудничества, которые формирует ЕЭК на основе инициатив государств-членов и Комиссии в соответствии с Порядком осуществления международной деятельности [30] и Договором о ЕАЭС, который предписывает, что Союз может сотрудничать с государствами, международными интеграционными объединениями и международными организациями [10].

В 2025 году Высшим советом в качестве приоритетных направлений международного сотрудничества определены: ближайшие

соседи, государства-наблюдатели, страны Евразии, Африки и Латинской Америки. Кроме того, приоритетной задачей является международное позиционирование Союза как полюса экономического притяжения [42]. Если последнее направление имеет достаточно абстрактный характер, то первые три — практический, закрепленный двусторонними/многосторонними документами.

Китай является основным партнером ЕАЭС, с которым в 2019 году вступило в силу Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве [37], создавшее правовые основы взаимодействия без оформления зоны свободной торговли. Стороны ставят грандиозные цели по созданию Большого евразийского партнерства в рамках интеграции китайской инициативы «Пояс и путь» и евразийской интеграции. Товарооборот между ЕАЭС и Китаем в 2024 году составил 321,6 млрд долл. США [46], увеличившись примерно на 10 млрд долл. США по сравнению с показателями 2023 года. Реализуются совместные двусторонние и многосторонние проекты: индустриальный парк «Великий камень» в Беларуси, специальная экономическая зона «Хоргос — Восточные ворота», газопровод «Сила Сибири» и др.

В последние годы динамично развивается сотрудничество между ЕАЭС и Ираном. За два года пройден путь от подписания до вступления в силу Соглашения о свободной торговле (ему предшествовало Временное соглашение, продленное в 2022 г.). Товарооборот вырос более чем в 2 раза: с 1,5 млрд долл. США в 2017 году до 3,7 млрд долл. США в 2023 году [52]. Совместно развиваются трансграничные проекты: международный транспортный коридор «Север — Юг», энергетический «мост» ЕАЭС — Иран, строительство и модернизация АЭС «Бушер», объединение платежных систем СПФС и SEPAM (System for Electronic Payments Messaging) ЦБ Ирана, интеграция иранской банковской системы «Shetab» и российской платежной системы «Мир». Результатом активного развития сотрудничества между ЕАЭС и Ираном стало предоставление последнему статуса государства-наблюдателя при Союзе в декабре 2024 года [20].

С момента подписания Соглашения о свободной торговле ЕАЭС и Вьетнама в 2025 году исполняется 10 лет. Соглашение предусматривало преференции в отношении 90% товарной номенклатуры. Одним из результатов реализации стал значительный

рост товарооборота с 2,5 млрд долл. США в 2015 году [51] до 5,1 долл. США в 2024 году [51]. Как отмечал председатель Коллегии ЕЭК Бакытжан Сагинтаев: «Соглашение с Вьетнамом представляет особую важность с точки зрения потенциала развития кооперационного сотрудничества» [1]. Между сторонами ведется работа по вопросам реализации экспериментального этапа обмена информацией между таможенными органами [3], доступа на вьетнамский рынок продукции автомобильной промышленности и фармацевтической продукции производителей из стран Союза [16], по подготовке проекта протокола об электронном обмене информацией о выданных сертификатах [19].

Узбекистан обладает статусом государства-наблюдателя при Союзе с 2020 года. Вопрос полноправного участия государства в ЕАЭС поднимался неоднократно. На основе общего исторического прошлого присоединение Узбекистана к ЕАЭС обладает ключевым преимуществом — общим макроэкономическим эффектом, подразумевающим взаимную отмену таможенных пошлин и создание общего рынка труда. Объем денежных переводов из России в Узбекистан в 2024 году составил 11,5 млрд долл. США, увеличившись на 30% по сравнению с 2023 годом [6]. Этот показатель составляет 77% переводов в Узбекистан из-за рубежа [6], бо льшая часть которых осуществляется трудовыми мигрантами.

На заседании Евразийского межправительственного совета в январе 2025 года премьер-министр Узбекистана Абдулла Арипов выразил заинтересованность в присоединении к единой системе таможенного транзита ЕАЭС и разработке соглашения об отказе от торговых барьеров [41]. При этом к более тесной интеграции Узбекистан не готов, и, как отметил первый заместитель спикера Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан Акмаль Саидов, «на данный момент для Узбекистана более целесообразно сохранить статус наблюдателя при ЕАЭС» [40].

Куба, как и Узбекистан, обладает статусом наблюдателя при Союзе с 2020 года. В мае 2024 года на уже упомянутом заседании Высшего Евразийского экономического совета Президент Республики Куба Мигель Диас-Канель отметил заинтересованность к расширению участия государства в механизмах ЕАЭС «для достижения более глубокой интеграции» [22]. С 2018 года между ЕЭК и Правительством Кубы действует Меморандум о вза-

имопонимании, закрепляющий представляющие взаимный интерес направления сотрудничества и механизмы по их реализации, а также создание совместной комиссии. Перспективными становятся два ключевых направления сотрудничества ЕАЭС с Кубой: создание логистического хаба и содействие упрощению доступа евразийских товаров на латиноамериканский рынок. На данный момент речи о полномочном участии Кубы в ЕАЭС не идет, в то же время стороны активно обсуждают возможные сферы сотрудничества.

Молдова является одним из постсоветских государств, изъявлявших желание присоединиться к ЕАЭС: ее участие в Союзе в качестве полномочного члена рассматривалось перспективным, принимая во внимание общее советское прошлое и выгоды от экономического сотрудничества с Российской Федерацией. В мае 2018 года Молдова получила статус государства-наблюдателя при ЕАЭС, который открыл ей возможность участвовать в заседаниях органов Союза, но без права голоса. Важность такого статуса подтверждалась самими представителями Молдовы [32].

Однако с приходом нового правительства во главе с Президентом Майей Санду в 2020 году курс на интеграцию с бывшими советскими республиками сменился на путь евроинтеграции. В 2022 году взаимодействие с Россией и интеграционными объединениями на постсоветском пространстве практически прекратилось. В настоящий момент речи о более тесной интеграции ЕАЭС с Молдовой не идет. Более того, какое-либо взаимодействие находится на минимальном уровне в силу внутривластической обстановки в Молдове. В то же время некоторые оппозиционные деятели Молдовы всё также выступают за сотрудничество с ЕАЭС [44], но, как показал результат референдума [43], эти идеи не являются преобладающими внутри Молдовы.

Концепция создания континентального блока («Большой Европы») от Лиссабона до Владивостока, или «интеграции интеграций», стала популярной с начала XX века с трудов Дж.Х. Маккиннера и К. Хаусхофера, была продолжена Президентом Франции Ш. де Голлем, находила отражение в идеях и трудах М. Горбачева, Д. Медведева, В. Путина и А. Лукашенко [23]. Сегодня можно заключить, что создание Большой Европы через интеграцию ЕАЭС и Европейского союза (ЕС) невозможно в силу накопившихся поли-

тических противоречий, которые преобладают над экономической выгодой: с 2014 года сотрудничество европейских государств отдельно и ЕС в целом с ЕАЭС неуклонно снижалось во всех сферах, в том числе в экономике.

Кроме того, между ЕАЭС и ЕС отсутствуют какие-либо юридические документы, которые могли бы послужить делу углубления сотрудничества. Текущее взаимодействие ЕАЭС и Европейского союза осуществляется на уровне «государство — государство» или «государство — член ЕАЭС — Европейский союз»: этому, среди прочего, свидетельствует отсутствие новостей о сотрудничестве ЕАЭС с ЕС с октября 2021 года на официальном сайте ЕЭК [31].

В сложившихся геополитических и геоэкономических условиях взаимодействие между ЕАЭС и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) получило новый импульс к активному поиску точек соприкосновения. Соглашение о ЗСТ с Вьетнамом демонстрирует реальный рост товарооборота между сторонами. Сегодня ЕЭК ведет переговоры о заключении соглашений о свободной торговле с другими членами АСЕАН: Индонезией, Таиландом, Камбоджей. Товарооборот между ЕАЭС и АСЕАН показывает положительную динамику, увеличившись с 14,9 млрд долл. США в 2015 году до 19,7 млрд долл. США в 2024 году [51].

Активному росту взаимодействия оказывает поддержку Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и АСЕАН в области экономического сотрудничества [27], подписанный в 2018 году, в рамках которого принята Программа сотрудничества на 2020–2025 годы. В интересах реализации поставленных целей и задач между сторонами проходят встречи на разных уровнях [2; 7; 15]. Официальные лица ЕАЭС и АСЕАН придают особое значение развитию прагматичных и взаимовыгодных отношений в сферах, представляющих взаимный интерес: развитие транспортных коридоров, энергетика, технологии, образование и цифровизация экономики. Такая модель сотрудничества должна лечь в основу складывающейся многополярной системы международных отношений.

XXI век ознаменовался смещением драйверов глобального развития на юг, обладающий значительным демографическим и ресурсным потенциалом. В этом свете ЕАЭС стремится активнее сотрудничать с Африканским союзом, иными интеграционными

объединениями на Африканском континенте и их государствами-членами. В целях развития двусторонних отношений в 2019 году между ЕЭК и Африканским союзом был подписан Меморандум о взаимопонимании в области экономического сотрудничества. Взаимный интерес сторон сосредоточен на сферах, обозначенных в Меморандуме: на торговле, инвестициях и развитии предпринимательства; региональной экономической интеграции; инфраструктуре и сельском хозяйстве [28]; и др.

Ключевым мероприятием по углублению взаимодействия ЕАЭС с Африканским союзом стал форум «Россия — Африка», в рамках которого стороны «сверяют часы» по актуальным направлениям сотрудничества [45]. Формирование оси «Юг – Евразия» открывает большие возможности по позиционированию ЕАЭС как полюса экономического притяжения и улучшения благосостояния его государств-членов, но на этом пути Союзу придется столкнуться со следующими вызовами: отсутствие прямых логистических маршрутов в силу удаленности друг от друга; конкуренция со стороны Китая, ЕС и США; политическая нестабильность в ряде африканских стран.

В новостных публикациях на сайте Евразийской экономической комиссии в период с 2016 по 2024 год прослеживается рост интереса государств — членов ЕАЭС к взаимодействию с АСЕАН, интеграционными объединениями Африки, Кубой, Китаем и Ираном. При этом какое-либо сотрудничество с Европейским союзом было прекращено в 2022 году. Можно предположить, что это произошло по причине стремления западных государств прервать отношения с Россией и ЕАЭС, где она играет одну из ключевых ролей. Последние новости о взаимодействии с Молдовой датируются 2020 годом. Как отмечалось выше, Майя Санду, став Президентом Республики в конце декабря 2020 года, сменила курс на евроинтеграцию: разрываются связи с Россией, приостановлено взаимодействие с интеграционными объединениями на постсоветском пространстве.

Таким образом, можно заключить, что ключевыми направлениями развития евразийской интеграции должны стать государства и интеграционные объединения, расположенные в Евразии, Африке и Латинской Америке.

Заключение

Вследствие смены лидеров в мировой экономике и стагнации в развитии давно существующих интеграционных объединений по экономическим (USMCA (Соглашение между Соединенными Штатами, Мексикой и Канадой) (ранее НАФТА)) и политическим (ЕС) причинам влияние молодых интеграционных объединений стран Глобального Юга существенно возрастает.

В этом контексте Евразия становится перспективным центром устойчивости и развития, а Евразийский экономический союз — полюсом экономического притяжения, где особую роль играют глобальные проекты, например по сопряжению евразийской интеграции и китайской инициативы «Один пояс, один путь». В этом смысле евразийская интеграция — это не статичный проект, а живой, эволюционирующий «организм», открытый к новым идеям и форматам взаимодействия.

На начальном этапе евразийская интеграция, воплощенная ныне в Евразийском экономическом союзе, была призвана сохранить тесные экономические, культурные и политические связи бывших советских республик. Сегодня Евразийский экономический союз перешел на следующий этап развития — расширение внешних экономических границ.

Основными моделями международного взаимодействия ЕАЭС являются подписание соглашений о сотрудничестве / меморандумов о взаимопонимании с третьими странами и интеграционными объединениями, предоставление статуса государства-наблюдателя при Союзе, формирование зон свободной торговли, взаимодействие с международными организациями.

Построение «Большой Евразии», преодолевающей региональные рамки, требует не только политической воли, но и готовности к компромиссам, уважению культурных и исторических ценностей и традиций, а также институциональной гибкости. В таком случае «континентальная» евразийская интеграция будет способна не только адаптироваться к изменяющемуся миру, но и предлагать устойчивые альтернативы глобального развития. Именно в этом кроется будущая роль Евразийского экономического союза в складывающемся многополярном мире.

В конечном счете построение нового типа евразийской интеграции обусловлено как необходимостью к адаптации к турбу-

лентности на мировой арене, так и внутренними импульсами — стремлением к быстрому экономическому развитию, созданию инфраструктурных транспортных маршрутов для их удешевления и ускорения, а также к реализации масштабных трансграничных проектов, в том числе в энергетике.

Приоритетными географическими направлениями роста евразийской интеграции должны стать развивающиеся страны Евразии, Африки и Латинской Америки, где сосредоточены значительные демографические и природные ресурсы. От этих стран должны также исходить желание и готовность к тесному сотрудничеству с ЕАЭС. К таким государствам можно отнести Китай, Иран, Вьетнам, Узбекистан, Кубу; среди интеграционных объединений — АСЕАН, Африканский союз, Экономическое сообщество центральноафриканских государств и др.

Литература

1. Бакытжан Сагинтаев провел переговоры с Премьер-министром Вьетнама Фам Минь Тинем / Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://eec.eaeunion.org/news/bakytzhan-sagintaev-provel-peregovory-s-premer-ministrom-vetnama-fam-min-tinem/?sphrase_id=384034 (дата обращения: 07.04.2025).
2. Бизнес-диалог ЕАЭС и АСЕАН состоялся в Малайзии / Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/biznes-dialog-eaes-i-asean-sostoyalsya-v-malayzii/> (дата обращения: 13.04.2025).
3. В ЕЭК обсудили вопросы реализации обмена таможенной информацией между странами ЕАЭС и Вьетнамом / Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-eek-obsudili-voprosy-realizatsii-obmena-tamozhennoy-informatsiy-mezhdu-stranami-eaes-i-vetnamom/?sphrase_id=384034 (дата обращения: 09.04.2025).
4. Декларация о Евразийской экономической интеграции / Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/990/84hmch1vgu9i56776cftifk30uzbsys2/ic_17112012_3_doc.pdf (дата обращения: 28.03.2025).
5. Декларация о формировании Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации // Официальные сетевые ресурсы Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/802> (дата обращения: 28.03.2025).
6. Денежные переводы в Узбекистан составили почти \$15 млрд за 2024 год // Газета.uz. — URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2025/01/23/money-transfers/> (дата обращения: 10.04.2025).
7. Диалог ЕАЭС – АСЕАН содействует экономическим связям в Евразии / Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/dialog-eaes-asean-sodeystvuet-ekonomicheskim-svyazyam-v-evrazii/> (дата обращения: 13.04.2025).
8. Договор между Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901125?ysclid=m8veq796ao507001042> (дата обращения: 25.03.2025).
9. Договор о Евразийской экономической комиссии / Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/6b6/Dogovor-o-EEK.pdf> (дата обращения: 28.03.2025).

10. Договор о Евразийском экономическом союзе / Евразийский экономический союз. — URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/236/8429/> (дата обращения: 08.04.2025).
11. Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/902200992> (дата обращения: 26.03.2025).
12. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31914/ (дата обращения: 26.03.2025).
13. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/901782780?ysclid=m8vliwie21829023031> (дата обращения: 26.03.2025).
14. Договор стран СНГ от 24 сентября 1993 г. «О создании Экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5465/520a8042be91e960770b3f2d18f31dd69c3e2b9d/ (дата обращения: 25.03.2025).
15. ЕАЭС и АСЕАН укрепляют сотрудничество / Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-asean-ukreplyayut-sotrudnichestvo/> (дата обращения: 13.04.2025).
16. ЕАЭС обсудил с Вьетнамом вопросы доступа на рынок автомобильной и фармацевтической продукции / Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-obsudil-s-vietnamom-voprosy-dostupa-na-rynok-avtomobilnoy-i-farmaceuticheskoy-produkcii/?sphrase_id=384034 (дата обращения: 09.04.2025).
17. Евразийский экономический союз в цифрах: крат. стат. сб. / Евразийская экономическая комиссия. — М., 2016. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Brief_Statistics_Yearbook_2016.pdf (дата обращения: 30.03.2025).
18. Евразийский экономический союз в цифрах: крат. стат. сб. / Евразийская экономическая комиссия. — М., 2025. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Brief_Statistics_Yearbook_2025.pdf (дата обращения: 15.08.2025).
19. Заседание ВЕЭС, 8 мая 2024 г. / Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://eec.eaeunion.org/news/events/zasedanie-vees-8-maya-2024-g/?sphrase_id=384034 (дата обращения: 09.04.2025).
20. Итоги заседания Высшего Евразийского экономического совета, 26 декабря 2024 г. / Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/itogi-zasedaniya-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-26-dekabrya-2024-g/> (дата обращения: 07.04.2025).
21. Караганов С.А. В Евразию с интеллектуальной свободой // Россия в глобальной политике. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/v-evraziyu-karaganov/> (дата обращения: 22.04.2025).
22. Куба намерена расширить участие в механизмах ЕАЭС // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/20747329> (дата обращения: 11.04.2025).
23. Лагутина М.Л. ЕС и ЕАЭС: проблемы и перспективы сотрудничества в современных геополитических реалиях // Управленческое консультирование. — 2015. — № 11. — С. 124–136.
24. Лагутина М.Л. Мировая политическая система в контексте глобальной регионализации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2015. — № 2. — С. 134–140.
25. Лапенко М.А. Развитие евразийской интеграции: движение от «евразийской тройки» к континентальному Евразийскому партнерству // Постсоветские исследования. — Т. 1, № 8. — 2018. — С. 746–754.
26. Леонова О.Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира // Век глобализации. — 2013. — № 1. — С. 59–66.
27. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества / Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01519988/ms_22112018 (дата обращения: 13.04.2025).

28. Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Африканским союзом в области экономического сотрудничества / Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/c28/teqjo0eq5hg1wt7os2rlea4xprnm5q76u/ms_25102019_doc.pdf (дата обращения: 13.04.2025).
29. О макроэкономической ситуации в государствах — членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития: аналитический доклад / Евразийская экономическая комиссия. — М., 2025. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_makroes_pol/doklad_2025.pdf (дата обращения: 30.03.2025).
30. О Порядке осуществления Евразийским экономическим союзом международного сотрудничества // Евразийский экономический союз. — URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/250/1384/> (дата обращения: 08.04.2025).
31. О сотрудничестве ЕЭК с ЕС / Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/napravleniya/org/es/ (дата обращения: 12.04.2025).
32. Полномочный Представитель Молдовы в ЕЭК Оксана Гречаный впервые приняла участие в заседании Коллегии ЕЭК / Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/26-05-2020-1/> (дата обращения: 11.04.2025).
33. Путин заявил, что более 90% расчетов в ЕАЭС проводится в нацвалютах // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/20745371> (дата обращения: 02.04.2025).
34. Реестр барьеров / Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://barriers.eaeunion.org/barriers/ru/registers/barriers> (дата обращения: 05.04.2025).
35. Реестр ограничений / Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://barriers.eaeunion.org/barriers/ru/registers/obstacles> (дата обращения: 05.04.2025).
36. Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15906/fb7187b7efd3d681ea7abb7803e15e12cbd2d376/#dst100014 (дата обращения: 25.03.2025).
37. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и КНР, с другой стороны / Евразийская экономическая комиссия. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/21b/Tekst-russkiy-_EAEU-alternate_-final.pdf (дата обращения: 06.04.2025).
38. Соглашение стран СНГ от 20 января 1995 г. «О Таможенном союзе» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6257/ (дата обращения: 25.03.2025).
39. Таможенный кодекс Таможенного союза // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/902202883?ysclid=m8vnxt6vfk31736657> (дата обращения: 27.03.2025).
40. Узбекистан не планирует вступать в Евразийский экономический союз // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/10/24/1070722-uzbekist-an-ne-planiruet> (дата обращения: 11.04.2025).
41. Узбекистан рассматривает присоединение к единой системе таможенного транзита ЕАЭС — премьер // Газета.uz. — URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2025/01/31/eaeu/> (дата обращения: 10.04.2025).
42. Утверждены Основные направления международной деятельности ЕАЭС на 2025 год / Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/utverzhdenu-osnovnye-napravleniya-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-eaes-na-2025-god/> (дата обращения: 08.04.2025).
43. ЦИК Молдавии утвердила итоги референдума о евроинтеграции // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/671bcd09a794712a9e273d6> (дата обращения: 12.04.2025).
44. Шор объявил о запуске кампании за сближение Молдавии с ЕАЭС // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21054149> (дата обращения: 12.04.2025).
45. Эльдар Алишеров: Логика диалога ЕАЭС с партнерами в Африке — содействовать развитию торгово-экономического сотрудничества / Евразийская экономическая комиссия. — URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eldar-alisherov-logika-dialoga-eaes-s-partnerami-v-afrike-sodeystvovat-razvitiyu-torgovo-ekonomichesk/> (дата обращения: 13.04.2025).

46. 2024年12月进出口商品国别（地区）总值表（美元值）// 中华人民共和国海关总署。 — URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxgk/2799825/302274/302277/302276/6325065/index.html> (accessed: 06.04.2025).
47. Constitutive Act of the African Union / African Union. — URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf (accessed: 20.03.2025).
48. Fact Sheet: President Donald J. Trump Imposes Tariffs on Imports from Canada, Mexico and China / The White House. — URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/02/fact-sheet-president-donald-j-trump-imposes-tariffs-on-imports-from-canada-mexico-and-china/> (accessed: 21.03.2025).
49. Haas E.D. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces 1950–1957. — Indiana: Notre Dame Press, 1958. — 640 p.
50. The Francophonie in brief / International Organisation of La Francophonie. — URL: <https://www.francophonie.org/francophonie-brief-1763> (accessed: 20.03.2025).
51. Trade in Goods (IMTS), Quarterly, HS 2-Digit, in US\$ // ASEANstats. — URL: <https://data.aseanstats.org/trade-quarterly> (accessed: 07.04.2025).
52. Trade Map / International Trade Centre. — URL: <https://www.trademap.org/> (accessed: 06.04.2025).
53. Wallerstein I. World-System Analysis: An Introduction. — Durham: Duke University Press, 2004. — 109 p.
54. White paper for European defence / European Commission. — URL: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/document/download/30b50d2c-49aa-4250-9ca6-27a0347cf009_en?filename=White%20Paper.pdf (accessed: 20.03.2025).

Садыхов Азер Паша оглы,

начальник Управления по взаимодействию с органами власти
и общественными организациями АНО
«Московский экспортный центр», Москва.

Azer Sadykhov,

Head of Government Relations Directorate at ANPO "Moscow Export Center",
Moscow.

E-mail: a.p.sadykhov@gmail.com

Беляшов Александр Викторович,

начальник Управления развития экспорта
Департамента предпринимательства и инновационного развития г. Москвы.

Alexander V. Belyashov,

Head of Export development unit of Department of entrepreneurship
and innovative developments of Moscow City Government.

E-mail: BelyashovAV@mos.ru

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ЭКСПОРТЕРОВ НА РЫНКЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

NEW OPPORTUNITIES FOR RUSSIAN EXPORTERS IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA MARKET

Аннотация: статья посвящена анализу перспектив российского высокотехнологичного экспорта на рынках стран Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА). В условиях экономических санкций и глобальных изменений отечественный бизнес активно ищет новые направления для международного сотрудничества. В работе рассматриваются ключевые геополитические, экономические и социокультурные факторы, способствующие углублению связей между Россией и странами БВСА, такими как Саудовская Аравия, ОАЭ и Египет. Особое внимание уделено развитию двусторонних отношений, динамике торговых потоков и мерам государственной поддержки экспортеров. Анализируется потенциал российских компаний в сфере IT, передовых технологий, энергетики и продовольствия. В статье предлагаются рекомендации по расширению экономического присутствия России в регионе, включая экспортную поддержку, участие в международных организациях и адаптацию продукции к требованиям рынка БВСА.

Ключевые слова: государственная поддержка экспорта, экспортное кредитное агентство, страны БВСА, высокотехнологичный экспорт, экспортное финансирование, кредитование, гарантии, условия кредита, финансирование, поддержка.

Abstract: the article analyzes the prospects for Russian high-tech exports entering the markets of the Middle East and North Africa (MENA). Amid economic sanctions and global changes, domestic businesses are actively seeking new directions for international cooperation. The study examines key geopolitical, economic, and socio-cultural factors that contribute to

strengthening ties between Russia and MENA countries, particularly Saudi Arabia, the UAE, and Egypt. The focus is on the development of bilateral relations, trade dynamics, and government support measures for exporters. The potential of Russian companies in IT, advanced technologies, energy, and food industries are explored. The article provides recommendations for expanding Russia's economic presence in the region, including export support, participation in international organizations, and product adaptation to MENA market requirements.

Key words: government support for export, export credit agency, MENA countries, high-tech export, export financing, lending, guarantees, credit terms, financing, support.

Введение

Поиск новых рынков для сбыта товаров отечественного производства и диверсификация возможностей бизнеса не являются чем-то особо новым для экспортеров. Однако выход на незнакомые рынки часто сопряжен со значительными рисками, включая нормативные барьеры, культурные различия и экономическую нестабильность. Государственная поддержка посредством экспортно ориентированной политики может сыграть решающую роль в смягчении этих рисков, предоставляя компаниям необходимые инструменты, финансовые стимулы и дипломатические рычаги для достижения успеха за рубежом.

Регион Ближнего Востока и Северной Африки (далее — БВСА) представляет собой перспективную, но малоисследованную область для российских экспортеров, предлагая растущий спрос, стратегические торговые партнерства и динамичное экономическое развитие. Для российского бизнеса этот регион имеет особый потенциал, учитывая его растущую открытость для международной торговли и укрепление двусторонних связей в различных секторах.

В данной статье рассматриваются новые возможности для российских экспортеров (несырьевого сектора) в странах БВСА, анализируются ключевые отрасли с высоким спросом, потенциальные проблемы и стратегии использования государственной поддержки для успешного выхода на рынок. Понимая экономический и политический ландшафт региона, российские компании могут позиционировать себя таким образом, чтобы эффективно извлечь выгоду из этих новых перспектив.

Геополитические предпосылки наращивания объемов экспорта в страны БВСА

В условиях непростой экономической ситуации российские экспортеры столкнулись с новыми ограничениями, вызванными

экономическими санкциями, введенными в отношении Российской Федерации, с отключением значимых финансовых институтов от международной системы обмена финансовыми сообщениями (SWIFT), со сбоями в международных цепочках поставок и с ограничением доступа к источникам финансирования в иностранной валюте. Однако, как показала практика, влияние указанных факторов послужило мощным импульсом для отечественных компаний к развитию в новом направлении. И если бизнес смог в непривычных для себя условиях расширить присутствие на зарубежных рынках стран Востока, в особенности Ближнего Востока, то правительство России на федеральном и региональном уровнях вовремя предприняло шаги по расширению мер стимулирования и поддержки частных инициатив по наращиванию внешнеэкономической экспансии.

Введенные коллективным Западом санкции против Российской Федерации заставили и бизнес, и государство по-новому взглянуть на те новые, уникальные возможности, которые открылись перед отечественными экспортерами несырьевого сегмента. При этом оказание государством помощи экспортно ориентированному частному сектору в условиях нестабильности является общепринятой мировой практикой, однако формы и объемы имеют различный характер.

Проведя профильный анализ отдельных стран Ближневосточного региона с точки зрения перспектив наращивания с ними торгово-экономических отношений, следует остановиться в этом плане на ряде стран региона БВСА, а именно на Саудовской Аравии, Египте и Арабских Эмиратах.

Развитие отношений и сближение России со странами Ближневосточного региона сопряжено с геополитическими, экономическими и социокультурными предпосылками (наличие семи субъектов Российской Федерации с преимущественно мусульманским населением, статус ислама как одной из официальных религий страны). Наличие именно этих факторов способствует расширению двусторонних отношений между Российской Федерацией и странами БВСА.

Геополитическая повестка, прежде всего, обусловлена наблюдающейся в последние годы тенденцией к снижению зависимости стран Ближнего Востока от Запада, а точнее говоря, диверсифи-

кацией внешнеполитических ориентиров в пользу незападной направленности. С учетом совпадения стратегических интересов Россия всё более отчетливо рассматривается указанными странами в качестве нового, более надежного политического партнера. Прежде всего, это проявилось в четкой позиции России по ближневосточному конфликту, обострившемуся в октябре 2023 года. Москва осуждает действия Израиля и активно призывает к мирному урегулированию конфликта дипломатическим путем.

Отдельно стоит упомянуть о принимаемом Россией участии в урегулировании обострившихся конфликтов в Ближневосточном регионе, таких как сирийский кризис, ливийский и израильско-палестинский. Располагая традиционным влиянием в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, Россия тем не менее действует в формате невмешательства [4] во внутренние дела конфликтующих государств, занимая одновременно проактивную политику по ключевым вопросам урегулирования, мотивируя арабские страны на проведение независимой от Запада внешней политики. Это значительно укрепило доверие в целом Арабского мира к России за последнее десятилетие.

Сближение стран БВСА с Россией обусловлено также активным политическим диалогом лидеров государств региона на высшем уровне. Так, на регулярной основе проводятся очные встречи и телефонные разговоры Президента России В.В. Путина с руководителями таких стран, как Объединенные Арабские Эмираты, Королевство Саудовская Аравия, Арабская Республика Египет, и ряда других стран Ближнего Востока.

Усиливает данную повестку также подписание соглашений со странами региона, направленных на укрепление связей в разных сферах. Так, например, 1 июня 2018 года Президент Российской Федерации В.В. Путин и наследный принц Абу-Даби М. Аль Нахайян подписали Декларацию о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и ОАЭ, а 11 октября 2022 года с рабочим визитом в Россию прибыл наследный принц М. Аль Нахайян, ныне занимающий пост Президента ОАЭ. В декабре 2023 года в рамках государственного визита на высшем уровне в Королевстве Саудовская Аравия (КСА) состоялись переговоры Президента Российской Федерации Владимира Путина с наследным принцем, Председателем Совета министров Королевства

Саудовская Аравия Мухаммедом бен Сальманом Аль Саудом. Только между Россией и ОАЭ было достигнуто множество договоренностей — межправительственных соглашений в торгово-экономической и инвестиционной сферах, в промышленной сфере [3], в области мирного использования атомной энергии, в сфере юстиции и борьбы с преступностью, по линии военнотехнического сотрудничества, по исследованию космоса. Ведется работа по дальнейшему укреплению договорно-правовой базы двусторонних отношений.

Поддерживаются активные контакты и между дипломатическими ведомствами России и стран БВСА, в том числе на уровне глав внешнеполитических ведомств.

Экономические предпосылки углубления сотрудничества выражены рядом факторов.

Немаловажной экономической предпосылкой является энергетическая взаимозависимость региона БВСА и России — отдельные страны данного региона¹ являются ведущими игроками на рынке нефти и газа. Сотрудничество в рамках таких организаций, как ОПЕК+, способствует согласованию политики добычи и стабилизации мировых цен на энергоресурсы, что в текущей сложившейся геополитической ситуации в мире является довольно весомым фактором. Совместные проекты в области энергетики, инфраструктуры и сельского хозяйства способствуют углублению связей стран БВСА с Россией. В 2022 году Государственная корпорация «Росатом» приступила к реализации масштабного проекта по строительству первой атомной электростанции в Египте — АЭС «Эль-Дабба». Реализация данного проекта только укрепляет стратегическое партнерство между Россией и Египтом, повышая его энергетическую независимость, и стимулирует развитие локальной экономики, а также демонстрирует высокую востребованность передовых российских технологий в атомной сфере в Египте.

На фоне роста цен на энергоносители, начиная с начала 2000-х годов, отдельные нефтедобывающие страны Залива (Бахрейн, Катар, ОАЭ, КСА) за счет доходов от продаж нефти в значительной мере смогли создать новую экономическую и социальную инфраструктуру. Стоит особо выделить транспортную инфраструктуру.

¹ Страны БВСА в ОПЕК+: Алжир, Ирак, Кувейт, Ливия, ОАЭ, Саудовская Аравия. БВСА как регион сосредоточивает большинство крупнейших нефтяных месторождений мира, что делает его ключевым участником глобального рынка энергоресурсов.

ру, играющую ключевую роль в диверсификации национальных экономик стран Залива и позволяющую ускорить их интеграцию в мировую экономику.

Крупные доходы от продажи нефти позволили также нефтедобывающим странам БВСА создать устойчивую финансовую систему. ОАЭ, к примеру, на сегодняшний день расцениваются мировым экономическим сообществом в качестве нового финансового центра на Ближнем Востоке. Роль ОАЭ в особенности усилилась на фоне нашумевшего процесса выхода Великобритании из Европейского союза, известного также как Брексит¹, когда многим международным инвестиционным банкам, хедж-фондам и прочим участникам финансового рынка стало невыгодно осуществлять свою деятельность в Лондонском Сити. Вследствие масштабных изменений в мировой финансово-экономической системе, спровоцированных санкциями Запада с весны 2022 года, международные финансовые операции стали преимущественно осуществляться через банки Объединенных Арабских Эмиратов. Это, в свою очередь, способствовало становлению ОАЭ как нового финансового «хаба» на Ближнем Востоке. Сегодня, располагаясь в ОАЭ, крупные зарубежные финансовые институты, инвестиционные фонды и страховые компании имеют возможность осуществлять свою деятельность, покрывая как сам регион БВСА, так и весь Африканский континент. А Саудовская Аравия утвердила себя в качестве мирового финансового центра по стремительно набирающему силу исламскому финансированию со штаб-квартирой крупнейшего международного финансового института — Исламского банка развития (насчитывает 57 стран — членов Банка), расположенного в г. Джидда.

Отдельно стоит отметить, что развитие ИТ-сферы получает серьезную поддержку со стороны властей ОАЭ, Саудовской Аравии и Египта и в том числе первых лиц указанных государств, уделяющих особое внимание развитию ИТ-бизнеса и ИТ-инфраструктуры в своих странах. Во многом благодаря их активной поддержке, направленной на развитие ИТ-сектора, высокотехнологичных стартапов и инноваций, страны Персидского залива, в частности ОАЭ

¹ Брексит — добровольный выход Великобритании из Европейского союза (ЕС) вместе с прекращением членства во всех структурах этой организации. Основанием для выхода стал результат консультативного референдума 23 июня 2016 г., когда 51,9% проголосовавших поддержали выход Великобритании из Европейского союза.

и Саудовская Аравия, превратились в привлекательные направления для ведения бизнеса в сфере высоких технологий. Правительство ОАЭ последовательно упрощает нормативно-правовую базу и административные процедуры для иностранных ИТ-компаний, что открывает доступ к рынку и способствует успешной адаптации и росту, в том числе для российских предпринимателей.

Китай на протяжении многих лет рассматривает страны Ближнего Востока и Северной Африки как приоритетное направление своей внешней политики и экономического сотрудничества. Инвестируя в ключевые отрасли экономики государств Персидского залива, прежде всего ОАЭ, Саудовской Аравии и Катар, Пекин укрепил позиции одного из ведущих торгово-экономических партнеров региона. Учитывая, что именно Китай является основным потребителем энергоресурсов, экспортируемых из этих стран, он стремится обеспечить свою долгосрочную энергетическую безопасность. С этой целью Пекин активизирует развитие инфраструктурных и телекоммуникационных проектов, рассматривая их как стратегически важные элементы в реализации инициативы «Один пояс, один путь» и как инструмент углубления экономических связей с государствами Залива.

По примеру Китая, российские ИТ-предприятия обладают значительным потенциалом для освоения рынка технологий в странах БВСА. Отдельные продукты и комплексные готовые решения в сфере ИТ-технологий российских компаний имеют высокий потенциал и всё больше пользуются спросом за рубежом. Так, по итогам прошедшего 2023 года более тысячи российских ИТ-компаний открыли свои представительства в Дубае. А с учетом вектора на поддержание экспорта высокотехнологичных товаров, работ и услуг в зарубежные страны разными финансовыми и нефинансовыми мерами стоит ожидать рост конкурентоспособности отечественных производителей ИТ-технологий.

К экономической привлекательности ОАЭ, Саудовской Аравии и Египта также можно отнести их удачное географическое положение, что делает эти страны крупными логистическими «хабами» в регионе, позволяя зарубежным компаниям выходить через них на разные страны Африки. Данный тезис подкрепляется в том числе наблюдаемым в последнее время ростом внимания правительств стран БВСА к развитию техно-парковой инфраструктуры

на своих территориях. Такая инфраструктура позволила зарубежным корпорациям в короткие сроки развернуть на территории ОАЭ, Саудовской Аравии и Египта свои предприятия — от сборочных цехов с невысокой локализацией производства до полномасштабных производственных площадок. Стоит отметить, что технопарки (или индустриальные парки с особыми экономическими зонами) предлагают зарубежным корпорациям готовые решения, включающие в себя ускоренную процедуру оформления всей разрешительной документации, получение всех видов лицензий, юридическое сопровождение банковских услуг, получение налоговых послаблений и прочих льгот, предоставляемых в рамках государственных программ.

Структура внешней торговли двух ключевых экономик региона БВСА — ОАЭ и Саудовской Аравии — представляет особый интерес. Объединенные Арабские Эмираты придерживаются либеральной внешнеторговой политики: единая ставка таможенной пошлины на большинство товаров составляет всего 5%. В 2021 году общий объем внешней торговли страны превысил 550 млрд долл. США, причем примерно 1/3 всех операций приходится на свободные экономические зоны. В «экспортной корзине» помимо нефти, основными покупателями которой выступают Япония, Южная Корея и Таиланд, также представлены нефтехимическая продукция, алюминий, драгоценные металлы и камни, пластмассы, текстиль, удобрения, цемент и финики. В то же время импорт Эмиратов преимущественно включает в себя товары высокотехнологичного сектора — это машины и оборудование, транспортные средства, электроника, готовая продукция и продовольствие, а также драгоценные металлы. Среди ведущих партнеров ОАЭ по ненефтяной торговле можно выделить Индию, Швейцарию и Саудовскую Аравию (по экспорту), а также Индию, Китай, США, Германию и Японию (по импорту).

Несмотря на санкционное давление стран Запада, внешнеторговый оборот России с ОАЭ неуклонно растет и в 2022 году достиг 8,97 млрд долл. США. Российский экспорт составил 8,68 млрд долл. (рост на 71%), импорт — 292 млн долл. США.

В Саудовской Аравии главными экспортируемыми товарами являются пластик, продукты нефтехимического производства, минералы, драгоценные металлы, электротехника и приборы. Основными статьями импорта являются товары с высокой добав-

ленной стоимостью — оборудование, механические устройства, электрические машины и оборудование, транспортные средства. Ведущие торговые партнеры Саудовской Аравии — Китай, Индия, Япония Южная Корея, ОАЭ, США, Египет и Сингапур. На них суммарно приходится 1/3 всех ввозимых в страну товаров. В целом товарооборот России и Саудовской Аравии по итогам 2023 года вырос более чем на 20% к показателю предыдущего года. А товарооборот России и Египта за 2023 год увеличился более чем на 14% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и составил более 5,1 млрд долл. США.

Россия также рассматривается как значимый партнер для стран БВСА в области поставок пищевой продукции. В частности, Россия является крупнейшим экспортером зерна в регион. Поскольку большинство населения стран БВСА исповедуют ислам, для успешных поставок продовольствия критически важно, чтобы импортируемая продукция соответствовала стандартам «халяль». Россия и тут может предложить рынку стран БВСА качественную пищевую продукцию, отвечающую стандартам «халяль». Более того, российские сертификаты «халяль», выпущенные АНО «Российская система качества» (Роскачество), признаются в таких странах, как Бахрейн, Египет, Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, Оман, Йемен и ОАЭ, что в значительной мере упрощает выход отечественных пищевых продуктов на рынки указанных стран.

Расширение взаимодействия России со странами БВСА рассматривается и через организацию БРИКС, которая сегодня стала подходящей платформой для увеличения сотрудничества. БРИКС всё больше воспринимается мировым сообществом в качестве серьезного экономического противовеса Западу. Данное суждение особенно укрепилось в рамках состоявшегося в Казани в октябре 2024 года 15-го саммита БРИКС, в котором приняли участие делегации из 35 стран мира, из которых 23 возглавляли первые лица государств. Немаловажным является факт расширения самого объединения БРИКС — в январе 2024 года ОАЭ, Египет, Иран и Эфиопия стали его полноправными членами, увеличив тем самым объединение до девяти полноправных членов. Вместе с перечисленными странами должна была вступить в объединение и Саудовская Аравия, однако Эр-Рияд пока полностью не подтвердил свое официальное членство в объединении. Ожидается также

дальнейшее расширение объединения. Так, в рамках саммита в Казани другие страны региона БВСА (Алжир, Бахрейн, Марокко, Кувейт) изъявили желание вступить в БРИКС.

Подытоживая экономические предпосылки, немаловажным будет отметить возрастающую роль инициатив отдельных государств Ближневосточного региона (Саудовская Аравия и Египет) в разработке и поэтапной имплементации планов развития [9; 11] до 2030 года. Несмотря на то, что каждая из упомянутых стран в рамках утвержденных планов следует своим собственным целям, их объединяет ключевая особенность: все они направляют усилия на трансформацию, устойчивое развитие и модернизацию своих экономик с особым акцентом на снижение зависимости от углеводородов. Указанные направления развития их экономик дают рост новым возможностям, повышают инвестиционную привлекательность, увеличивают рабочие места, привлекают технологии из зарубежных стран.

Социокультурные предпосылки являются еще одной серьезной и отдельной основой для укрепления отношений России со странами Ближневосточного региона. И прежде всего стоит отметить сферу туризма, где за последние годы наблюдается стремительный рост. После вступления в силу 17 февраля 2019 года соглашения о взаимной отмене визовых требования для граждан России и ОАЭ наблюдался значительный рост взаимного туризма. В 2019 году Эмираты в туристических целях посетили до 800 тыс. россиян, однако вследствие пандемии коронавируса (COVID-19) объемы турпотока в 2020 году сократились на 90%. В 2021 году Эмираты приняли у себя 600 тыс. российских туристов, в 2022 году — 850 тыс. Обратная динамика тоже показывает значительный рост: так, по итогам 2023 года 40 тыс. граждан ОАЭ выбрали Россию в качестве привлекательного туристического направления против 10 тыс. годом ранее.

Немаловажным является недавний рост российской диаспоры в ОАЭ – на конец 2023 года в стране насчитывалось более 480 тыс. российских граждан, проживающих на постоянной основе. Что касается Саудовской Аравии, то данная страна традиционно является для мусульман России местом совершения паломничества к святыням в Мекке и Медине. По заявлению помощника Президента РФ по международным делам Ю.В. Ушакова, за 2023 год

около 25 тыс. россиян посетили Саудовскую Аравию на хадж [10]. Египетские курорты в 2023 году посетили более 1,5 млн россиян.

С учетом того, что Россию и отдельные страны БВСА сближает ряд перечисленных выше предпосылок, можно сделать вывод, что рынок стран БВСА является потенциально перспективным для отечественных экспортеров разных сегментов. Прежде всего, просматривается перспектива для российских компаний, специализирующихся в сфере ИТ и производства высокотехнологичного оборудования, фармацевтических препаратов и широкой номенклатуры пищевой продукции. Передовые технологии вообще широко востребованы Саудовской Аравией и Арабскими Эмиратами, и, как это уже было отмечено выше, руководители этих стран всецело поддерживают инициативы по привлечению в свои страны лучших практик в этой области. Важным фактором также является и сама емкость рынка региона — по состоянию на конец 2023 года общая численность населения стран БВСА составила более 500 млн человек [8].

Анализ структуры российского экспорта в регион БВСА

Товарная номенклатура российского экспорта в регион БВСА выглядит весьма интересно. С одной стороны, это прямые поставки товаров пищевой промышленности в ОАЭ, КСА и Египет и в целом в страны региона БВСА, а с другой стороны, всё больше увеличивается спрос со стороны принимающей стороны региона БВСА на поставки высокотехнологичной продукции, готовых ИТ-решений, а также продукции двойного назначения. При этом важно дать четкое определение тому, что подпадает под высокотехнологичный экспорт. Согласно приказу Минпромторга России от 16 сентября 2020 г. № 3092 (ред. от 13.07.2023) «Об утверждении Перечня высокотехнологичной продукции, работ и услуг с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики» продукция, соответствующая указанному Перечню, классифицируется высокотехнологичной. Данный Перечень служит официальным основанием для отнесения товаров, работ и услуг к категории высокотехнологичных, что может влиять на меры государственной поддержки, налоговые льготы или иные преференции со стороны Правительства Российской Федерации. Для точного подтверждения статуса высокотехнологичности экспор-

тируемых товаров, работ и услуг необходимо проверить соответствие кодов ОКПД2 или ТН ВЭД такой продукции с кодами, указанными в Перечне Минпромторга России.

Пищевая продукция российского производства пользуется широким спросом: данные страны помимо традиционного импорта зерновых культур (пшеницы, ячменя) импортируют также такие российские пищевые продукты, как подсолнечное масло, сахар и, в последнее время, кондитерские изделия, макароны, пищевые батончики, напитки прохладительные — безалкогольные. Набирает популярность импорт российского безалкогольного пива в ОАЭ и, особенно, в КСА. Эр-Рияд в рамках программы «Видение-2030» (Vision 2030) проводит политику умеренного ислама, и, как следствие, в стране наблюдается спрос на безалкогольное пиво, что создает новые возможности сбыта для отечественных производителей безалкогольного пива на формирующийся рынок КСА. В то же время экспорт безалкогольных напитков пока остается сравнительно низким — в 2023 году он составил всего 322 тонны.

Масштабы экспорта пищевой продукции продиктованы в основном поставками пшеницы, подсолнечного масла и сахара. Так, Египет является крупнейшим импортером российской пшеницы: по итогам 2024 года страна обеспечила до 75% (более 9 млн тонн) своих потребностей в пшенице за счет импорта из России. В конце прошлого года макаронные изделия [5] производства компании АО «МАКФА» также вышли на рынок Египта: продукция высокого качества и доступна для продажи в крупных сетевых магазинах Египта.

КСА является крупнейшим импортером российского подсолнечного масла. В 2021 году Саудовская Аравия приобрела российское подсолнечное масло на более 120 млн долл. США, а в 2023 году этот показатель вырос и составил более 400 млн долл. США. В целом российский агроэкспорт в Саудовскую Аравию демонстрирует устойчивый рост, достигнув за 10 месяцев 2024 года 1 млрд долл. США с увеличением на 13% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Особенно значительно выросли поставки ячменя (более чем вдвое), мяса птицы (+63%) и говядины (+65%). Эта положительная динамика продолжает тенденцию предыдущих лет: в 2023–2024 сельхозсезоне экспорт зерновых составил почти 4 млн тонн на сумму свыше 800 млн долл. США, а за последние пять лет продажи масложировой продукции увеличились на 1/3,

достигнув 80 млн тонн в 2023 году. Мясная отрасль показывает особенно впечатляющие результаты: так, за пятилетний период объемы поставок в Саудовскую Аравию выросли в 4 раза, до 50 тыс. тонн. Основу экспорта составляет мясо кур (73,2%) и говядины (26,5%), при этом отмечается значительный потенциал для наращивания поставок баранины. Поставки молочной продукции только начинают развиваться, в 2023 году были осуществлены первые крупные поставки сухого молока и молочной сыворотки объемом 180 тонн. Перспективным направлением считается в том числе экспорт морепродуктов, особенно премиальных крабов, которые могут заинтересовать саудовских потребителей. Среди других товарных групп отмечается возобновление поставок кондитерских изделий, которые в 2024 году показали двукратный рост в денежном выражении после спада, вызванного незаконными санкциями.

Интересней выглядит ситуация с ОАЭ. С одной стороны, данная страна также импортирует пшеницу и другие пищевые продукты российского производства, однако ОАЭ, и в частности Дубай, является крупным «хабом» для реэкспорта российских товаров в страны БВСА и Африки в целом. Так, например, большая часть импортированной российской пшеницы была реэкспортирована через Дубай в другие страны региона и Африки.

Высокотехнологичные и промышленные товары также экспортируются в страны БВСА. Несмотря на то что значительная часть производства ориентирована на оборонную промышленность и товары двойного назначения, регион БВСА демонстрирует также ускоренный рост в сфере информационных технологий. Это включает в себя развитие российских цифровых решений, таких как кибербезопасность и разработка разнообразного программного обеспечения [1]. Стоит отметить, что есть российские ИТ-компании, которые уже открыли офисы в Дубае, среди которых: «Первый бит» — комплексные ИТ-решения: от создания ИТ-инфраструктуры до автоматизации учета, бизнес-процессов и проч.; «New Fin Tech» — ИТ- и блокчейн-решения для бизнеса; «FINIK Agency» — ИТ-решения, аналитика рынков и проч.

Уместным будет отметить ряд основных вызовов, с которыми придется столкнуться российским экспортерам в рамках взаимодействия со странами БВСА. В первую очередь российские компании сталкиваются с высокой конкуренцией в лице стран

Западной Европы, США и Китая. Экспортная экспансия компаний данных стран имеет гораздо более длительную историю взаимодействия в регионе БВСА по сравнению с российскими компаниями. Помимо этого, успех в продвижении зарубежных товаров связан с распознаваемостью их брендов — наименование товаров под брендом «Кока-Кола» или «Нестле» не нуждается в дополнительной рекламе среди стран-импортеров региона БВСА. Для реализации сложных, высокотехнологичных проектов с высокими капитальными затратами зарубежные компании выгодно отличаются наличием обширного выбора финансовых инструментов и их доступной ценой. Это укрепляет их позиции на рынках БВСА.

Основная сложность для российских компаний заключается в осуществлении взаиморасчетов. Из-за санкций, введенных западными странами, российским компаниям становится сложнее проводить платежи в долларах США и евро, которые ранее широко использовались в международных расчетах. Компаниям приходится искать альтернативные решения, которые увеличивают сроки получения выручки по экспортным контрактам. Из-за риска попадания под вторичные санкции многие иностранные банки стран БВСА отказываются открывать российским компаниям расчетные счета.

Меры поддержки экспорта российской продукции на рынки стран БВСА

Меры поддержки экспорта в международной практике принято разделять на финансовые и нефинансовые, и такие меры, как правило, предоставляются через государственные организации и специализированные финансовые институты.

В рамках финансовых мер экспортерам доступно кредитование на льготных условиях, разные формы гарантий и страховое покрытие от политических и предпринимательских рисков в стране-импортере, а также субсидирование транспортных, сертификационных и иных затрат экспортеров. Формы, условия и объемы финансовой поддержки могут различаться по странам в соответствии с их экономическими приоритетами. Нефинансовые меры в отличие от финансовых не связаны с прямым финансированием экспортеров, а скорее нацелены на создание благоприятных условий, стимулирующих компании повышать конкурентоспособность своей продукции на международных рынках. К таким мерам можно

отнести организацию участия в международных выставках и ярмарках, поиск иностранных покупателей через зарубежные деловые миссии, сокращение сроков оформления разрешительной документации на ведение экспортной деятельности, предоставление услуг по анализу зарубежных рынков, обучение и предоставление разных консалтинговых услуг.

Рассматриваемые в статье страны стремятся поддержать своих экспортеров, применяя меры по стимулированию экспорта. Вслед за развитыми странами Арабские Эмираты и Саудовская Аравия создали финансовые институты развития для поддержки национального экспорта. Так, в ОАЭ Банк развития Эмиратов (Emirates Development Bank) [2] предоставляет льготные кредиты для малого и среднего предпринимательства. В феврале 2020 года в Саудовской Аравии был учрежден специализированный Саудовский экспортно-импортный банк (Saudi EXIM Bank). Его главная задача — поддержать диверсификацию экономики страны и способствовать росту ненефтяного экспорта, что является ключевым элементом стратегии «Vision 2030» [9]. Банк предоставляет финансирование, гарантии и страховку саудовским экспортерам и их зарубежным покупателям, содействуя торговле и повышая конкурентоспособность саудовской продукции на международных рынках.

В Египте поддержка экспортеров имеет в основном форму компенсации расходов экспортеров через государственные программы и отдельные институты развития, которые призваны стимулировать, в свою очередь, компании к увеличению объема экспортной продукции.

Однако важными для российских экспортеров являются в первую очередь те меры поддержки, которые предоставляются властями стран БВСА иностранным компаниям в целях привлечения высокотехнологичного импорта. И, как уже было отмечено, привлечение зарубежного бизнеса путем создания благоприятного инвестиционного климата в своей стране – приоритетная задача властей стран БВСА. Такой климат формируется за счет стабильной политической ситуации, прозрачных законов, разумных налогов, развитой инфраструктуры и других факторов, снижающих риски и повышающих доходность инвестиций. Создание именно технологичной инфраструктуры (кластеры и технопарки) на территории особых экономических зон позволили Саудовской Аравии,

Арабским Эмиратам и Египту привлечь крупные международные технологические компании. Среди резидентов технопарков в Дубае и Абу-Даби представлены такие крупные международные компании, как «Siemens», «Canon», «Microsoft», «Honeywell», «Lockheed Martin», «Amazon», «Google», «Huawei», ABB, «General Electric» и др.

Стоит подчеркнуть, что российские технологические компании также начали рассматривать технологическую инфраструктуру в ОАЭ и Саудовской Аравии как перспективную площадку для открытия своих зарубежных представительств и филиалов. Со стороны администрации технопарков российским компаниям предоставляется полный пакет услуг для комфортного ведения бизнеса. При этом важным остается и тот факт, что политика принимающей стороны не боится попасть под вторичные санкции из-за ведения деловых отношений с российскими компаниями.

В Египте для упрощения выхода зарубежной продукции на местный рынок приветствуется создание совместных предприятий с египетскими компаниями. К примеру, импорт мяса птицы в Египет без местного партнера облагается большей пошлиной, чем с партнером. По некоторым оценкам, импортный тариф может достигать до 25% от стоимости мяса птицы, что делает невозможным реализацию куриной продукции на египетском рынке. Имея надежного партнера в Египте, сроки предоставления и процедура получения лицензий, сертификатов и иной необходимой разрешительной документации сокращаются для иностранной компании.

Важнейшую роль в поддержке и развитии экспортной деятельности российских компаний на международных рынках, особенно в регионе БВСА, выполняет Правительство Российской Федерации, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Предлагается провести небольшой сравнительный анализ с теми мерами поддержки экспортеров, которые доступны в указанных выше странах, чтобы лучше понимать преимущества отечественного подхода.

Российская Федерация в отличие от других стран, где поддержка национальных экспортеров осуществляется силами институтов развития и/или специализированными квазигосударственными экспортными кредитными агентствами¹, имеет многоуровневую

¹ К таким агентствам относятся, например, немецкое экспортное кредитное агентство «Ойлер Гермес» (Euler Hermes), итальянское экспортное кредитное агентство «Саче» (SACE) и французская компания «Кофас» (Coface).

систему поддержки экспорта. «Многоуровневой» ее делает возможность оказывать финансовую поддержку в виде предоставления экспортного кредита напрямую из федерального бюджета. В качестве наиболее яркого примера можно привести реализацию особо крупных экспортных инвестиционных проектов с высокой долей отечественных технологий — строительство упомянутой выше атомной электростанции в Египте или строительство стратегически важных железнодорожных путей. Заемщиками таких государственных экспортных кредитов выступают правительства стран, на территории которых реализуется проект. Если речь идет о традиционном проектном финансировании со сложной схемой кредитных сделок, предусматривающих кредитно-обеспечительные меры (гарантии и страховое покрытие рисков), то такие сделки анализируются, структурируются и реализуются на базе группы ВЭБ.РФ. Важную роль в поддержке отечественных экспортеров играет Российский экспортный центр (группа ВЭБ.РФ), который на своей платформе объединяет комплекс из финансовых и нефинансовых мер поддержки для российских экспортеров крупного, среднего и малого сегментов.

Учрежденные центры экспортной поддержки в структуре администраций субъектов Российской Федерации на региональном уровне оказывают экспортерам по большей степени нефинансовую помощь.

Особого внимания заслуживает масштабная поддержка Правительства Москвы, которое применяет комплексный подход к созданию разнообразных экспортных инструментов. Эта поддержка включает в себя как финансовые, так и нефинансовые меры для столичных экспортеров. Так, в текущих непростых экономических условиях на этапе, когда высокотехнологичным предприятиям необходимо привлечь заемное финансирование на льготных условиях в целях исполнения своих обязательств по экспортному контракту, экспортерам доступна программа предэкспортного финансирования, позволяющая получить кредиты на льготных условиях в крупных российских коммерческих банках. На этапе постэкспортного финансирования предприниматель может рассчитывать на ассигнования из бюджета города по результатам исполнения своих обязательств по экспортному контракту с получением экспортной выручки. Ассигнования, предоставляемые

Правительством Москвы в форме экспортного гранта, могут быть использованы экспортером в любых целях и покрывать его затраты, связанные с рекламой, транспортировкой, сертификацией, адаптацией товара для иностранного рынка и т.д.

При поддержке Правительства Москвы экспортеры имеют возможность представлять свою продукцию на самых авторитетных международных выставках и ярмарках, продвигать свою продукцию через электронные площадки по всему миру, проходить обучение в рамках акселерационных программ. Все перечисленные выше меры доступны столичным экспортерам в режиме «одного окна», а расходы, связанные с такими услугами, полностью покрываются Правительством Москвы.

Благодаря указанным мерам поддержки продукция московских компаний поставляется в 41 страну, включая Белоруссию, Иран, Китай, Казахстан, ОАЭ, КСА, Египет и проч. Особенно заметен рост в медицинской сфере: за прошлый год объем экспортных контрактов в этой отрасли увеличился на 52%. Столичные программы и сервисы помогают бизнесу продвигать продукцию за рубежом, обучать специалистов и получать финансовую поддержку. В результате общий объем экспортных сделок, заключенных в 2024 году с участием Правительства Москвы, превысил 26 млрд рублей, что на 37% больше, чем в 2023 году.

Экспорт высокотехнологичной продукции и ИТ-услуг из Москвы в 44 страны увеличился в 2,1 раза. Например, программное обеспечение поставлялось в Азербайджан и Индию, а комплектующие для ортопедических изделий – в Боливию. Кроме того, столичные производители медицинских товаров, таких как протезы из термопластика, устройства для коррекции позвоночника и косметологические аппараты на основе холодной плазмы, вышли на рынки стран СНГ, Аргентины и Пакистана. В ближайшее время ожидаются первые поставки киберпротезов и инвалидных колясок в Бахрейн, Киргизию и Белоруссию. Медицинские и фармацевтические компании получают поддержку в виде частичной компенсации расходов на сертификацию, адаптацию продукции и логистику. Кроме того, им предоставляется экспортный грант в размере 10% от стоимости экспортных контрактов. Благодаря этой поддержке общий объем экспорта в данной отрасли составил около 0,5 млрд рублей.

Заключение

Взаимодействие России со странами БВСА успешно развивается благодаря геополитическим, экономическим и социокультурным факторам, таким как диверсификация внешнеполитических ориентиров стран региона, энергетическая взаимозависимость, развитие инфраструктуры и финансовых центров, а также активная поддержка инновационных отраслей. Анализ перспектив выхода отечественного высокотехнологичного экспорта на рынки стран Ближнего Востока и Северной Африки показал, что регион обладает значительным потенциалом для российских компаний. Высокий спрос стран БВСА на готовые цифровые решения, инновации и передовые технологии, особенно в рамках национальных планов развития, подтверждает данный тезис. Что касается содействия российским высокотехнологичным компаниям со стороны государства, уместным будет сказать, что разработанные и внедренные меры поддержки экспорта играют ключевую роль в снижении рисков отечественных экспортеров, которые в условиях непростой экономической ситуации получают доступ к финансовым и нефинансовым мерам поддержки через федеральные и региональные программы и государственные институты развития. Таким образом, российские компании обладают всеми возможностями для укрепления своих позиций в странах Ближнего Востока и Северной Африки, а успешная реализация экспортных стратегий может способствовать дальнейшему развитию внешнеэкономической экспансии России.

Литература

1. *Алешкин К.А.* Сотрудничество России со странами Ближнего Востока и Северной Африки на современном этапе // Ученые записки Института Африки РАН. — 2017. — № 2 (39). — С. 48–65.
2. Банк развития Объединенных Арабских Эмиратов (Emirates Development Bank): [официальный сайт]. — URL: <https://www.edb.gov.ae/solutions/greenfield-and-brown-project-finance> (дата обращения: 25.07.2025).
3. *Дмитриев К.А.* Россия — Саудовская Аравия: вместе в новое будущее. — М., 2019.
4. *Кузнецов В.А.* Россия в Северной Африке: капитализация успеха // Уральское востоковедение. — 2018. — № 8. — С. 70–89.
5. Макароны изделия «Макфа» теперь представлены на полках супермаркетов Египта / Российский экспортный центр. — URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/makaronnye-izdeliya-makfa-teper-predstavleny-na-polках-supermarketov-egipta/ (дата обращения: 25.07.2025).
6. Программа социально-экономических преобразований «Egypt Vision 2030». — URL: https://mped.gov.eg/Files/Egypt_Vision_2030_EnglishDigitalUse.pdf (дата обращения: 25.07.2025).

7. Россия и Большой Ближний Восток / В.В. Наумкин (рук.) и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: Спецкнига, 2013. — 52 с.
8. Статистические данные Всемирного Банка по Ближнему Востоку и Северной Африки. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=ZQ> (дата обращения: 25.07.2025).
9. Стратегическая программа развития Саудовской Аравии «Saudi Vision 2030». — URL: <https://www.vision2030.gov.sa/media/quudi5wq/vision-2030-overview.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).
10. Ушаков назвал число российских участников хаджа в 2023 году // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20231205/khadzh-1913909554.html?ysclid=m2vnrtu6vg353712443> (дата обращения: 25.07.2025).
11. *Husain Z.* Vision 2030: Unlocking Saudi Arabia's non-oil potential in a low oil-price world // *Emerging Researcher*. — 2017. — Vol. 4. Issue I. — P. 24–34.
12. *Vagner H.* The Theory of Games and the Problem of International Cooperation // *American Political Sciences Review*. — June 1983. — Vol. 77.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Малето Елена Ивановна,

доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН, Москва.

Elena I. Maletto,

Doctor of Historical Sciences,
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: maletto@mail.ru

ПЕРСИДСКИЕ КУПЦЫ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ В ОСВЕЩЕНИИ СОВЕТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ 1920-Х ГГ. XX СТОЛЕТИЯ

PERSIAN MERCANTS AT THE NIZHNY NOVGOROD FAIR IN THE COVERAGE OF THE SOVIET AND FOREIGN PRESS OF THE 1920s OF THE TWENTIETH CENTURY

Аннотация: статья посвящена анализу и введению в научный оборот материалов советской и зарубежной прессы начала XX столетия из фондов Научного архива Института российской истории РАН (г. Москва), которые впервые публикуются автором и связаны с освещением малоисследованных вопросов российско-персидских (иранских) торговых контактов на Нижегородской ярмарке (1922 г.): досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг.; материалы газет «Известия», «Правда», «Петроградская правда», «Экономическая жизнь», «Matin», «Times». Представлена также история основания и функционирования Нижегородской ярмарки, рассмотрена ее роль в экономической и политической жизни дореволюционной и Советской России 1920-х годов на основе источников.

Ключевые слова: персидские (иранские) купцы, Нижегородская ярмарка, внешняя политика, дипломатия, советская пресса, зарубежная пресса начала XX века.

Abstract: the article is devoted to the analysis and introduction into scientific circulation of materials from the Soviet and foreign press of the beginning of the twentieth century from the funds of the Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow), which are first published by the author and are related to the coverage of little-researched issues of Russian-Persian (Iranian) trade contacts at the Nizhny Novgorod Fair (1922): dossier of newspaper clippings from the Soviet and foreign press for the period 1917–1922; materials of the newspapers “Izvestia”, “Pravda”, “Petrogradskaya Pravda”, “Economic Life”, “Matin”, “Times”. The history of the founding and functioning of the Nizhny Novgorod Fair

is also presented, its role in the economic and political life of pre-revolutionary and Soviet Russia of the 1920s based on sources is considered.

Key words: Persian (Iranian) merchants, Nizhny Novgorod Fair, foreign policy, diplomacy, Soviet press, foreign press of the early twentieth century.

Введение

В последние годы в связи с актуализацией вопросов мировой геополитики интерес к проблеме двусторонних отношений России и Ирана в историческом контексте существенно возрос. Он имеет многоаспектный и разноплановый характер. В гуманитарной сфере одним из приоритетных направлений современных научных исследований стала история контактов двух цивилизаций – российской и иранской – на протяжении столетий.

Изучением отношений России и Ирана на профессиональной основе занимаются в таких крупнейших научных центрах нашей страны, как Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Дипломатическая академия МИД России, Институт востоковедения РАН, Институт восточных рукописей РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Здесь проводят в том числе научные конференции, посвященные Ирану и русско-иранским отношениям, число которых в последнее время заметно растет. Существуют также школы изучения и преподавания персидского языка (фарси), что способствует еще большей интенсификации российско-иранских отношений и является признаком актуальности иранского направления в российской науке.

Этими обстоятельствами и обусловлен наш интерес к данной теме и к малоизвестным архивным материалам советской и зарубежной прессы научного архива Института российской истории РАН (НА ИРИ РАН, г. Москва), в частности¹.

Указанный фонд охватывает период с 1917 по 1935 год включительно и состоит из 14 описей: опись 1 включает в себя материалы прессы с 1917 по 1922 год; опись 2 — за 1923 год; опись 3 — за 1924 год; опись 4 — за 1925 год и далее по годам соответственно. Все документы систематизированы по странам и кон-

¹ Ф. 22 – досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг.; оп. 1, д. № 25 (Д-7–1921 г. — Персия); д. № 41 (Д-7 – 1922 г. — Персия); оп. 2, д. 11 (Д-7–1923 г. – Внешняя торговля).

кретным направлениям внешней политики, экономики, взаимоотношений СССР с разными зарубежными странами, например: «Международные отношения (политическое положение мира)»; «Английская пресса о событиях в России и в СССР»; «Французская пресса о событиях в России и СССР»; «Германия (внешняя политика)»; «Ближний Восток и союзники»; «Турция»; «Персия» и др. [14, л. 1–14; 1–17].

Материалы фонда 22, используемые в статье, касаются не только торговых взаимоотношений России и Персии (Ирана) в начале XX столетия, но и вопросов внешней политики Советской России: освещают детали заключения торгового договора между Советской Россией и Персией (Ираном) в 1921 году, политические и экономические обстоятельства приезда на Нижегородскую ярмарку торговых представителей Персии (Ирана) в 1921–1922 годах; раскрывают методы английской дипломатии, направленные на сдерживание советско-персидского (иранского) диалога; содержат факты противостояния «сторон» в дипломатической сфере, получившие отражение в работе российских и британских дипломатов, — полномочного представителя Советской России в Персии (срок полномочий с февраля 1921 по 19 марта 1923 г.) Ф.А. Ротштейна, который внес важный вклад в дело укрепления советско-персидских контактов того времени, и лорда Дж. Н. Керзона — «тяжеловеса» британской дипломатии (министра иностранных дел Великобритании с 1919 по 1924 год; члена Палаты лордов Британского парламента). Безусловно, эти материалы заслуживают пристального исследовательского внимания.

Архивные документы призваны дополнить уже существующие исследования по истории российско-персидских (иранских) отношений начала XX столетия новыми фактами, важными для специалистов по внешней политике и дипломатии Нового и Новейшего времени. При этом следует подчеркнуть, что материалы прессы (в особенности ранней, советской, чрезвычайно сильно заряженной идеологически) — источник сложный и неизбежно ангажированный, поэтому требует к себе критического отношения.

Обращаясь к историографии вопроса, отметим, что тема российско-персидских (иранских) отношений отнюдь не новая для отечественного востоковедения и науки в целом. Ей посвящена значительная доля монографий и публикаций разных ав-

торов, как в России, так и за рубежом, в авторитетных журналах, сборниках научных трудов и проч. Помимо общих работ, касающихся истории Ирана, международных отношений на Среднем Востоке и русско-иранских отношений, а также коллективных трудов, подготовленных сотрудниками Института востоковедения АН СССР и материалов научных конференций последних лет [5; 10; 17; 19–20; 25; 36, с. 173–180; 37, с. 55–60; 41], историография по теме включает в себя труды, посвященные русско-иранским торгово-экономическим связям в XVIII–XIX веках [4; 24; 40; 45], вопросам становления и развития советско-иранских отношений [5; 2; 13, с. 52–61; 15, с. 171–185]; а также истории возникновения и развития самой Нижегородской ярмарки с момента основания до настоящего времени [6; 8, с. 338–345; 16, с. 29–36; 21, с. 167–176; 26; 28; 29; 33; 47, с. 215–218; 48], в том числе научные публикации отечественных специалистов, посвященные изучению, обобщению и систематизации конкретных фактов участия торговых представителей Персии и иных стран на Нижегородской ярмарке [9, с. 15–20; 18, с. 196–201], и, конечно, зарубежных исследователей [49; 50, с. 123–130; 51, с. 117–128].

Однако материалы прессы фонда 22. НА ИРИ РАН по вопросу, касающемуся торговых взаимоотношений России и Персии (Ирана) в 1920-е годы XX века на Нижегородской ярмарке, к сожалению, остались вне сферы научного интереса исследователей. Между тем они содержат нюансы, важные для понимания исторической актуальности русского присутствия на Ближнем и Среднем Востоке в прошлом и необходимости укрепления российско-иранских политических, торговых и культурных контактов в настоящем и будущем.

Из истории Нижегородской ярмарки

В конце XIX — начале XX столетия Нижегородская ярмарка на Волге, учрежденная в 1640-х годах по указу царя Алексея Михайловича у Макарьевского монастыря, стала ключевым пунктом русско-персидской торговли. Эта ярмарка, являясь важной торговой артерией, соединявшей Восток и Запад, на протяжении многих веков служила местом встреч и обмена товарами между русскими и восточными купцами.

Государство, заинтересованное в развитии товарно-денежных отношений, играло активную роль в расширении и поощрении ярмарочной торговли [46]. Поэтому в XVII–XVIII веках наблюдался дальнейший рост числа ярмарок в России и укрепление торговых связей между ними [48].

В XIX веке ярмарки проходили во многих российских городах (Ирбите, Симбирске, Нижнем Новгороде и проч.), но Нижегородская была крупнейшей из них по товарообороту и имела международное значение. Основными товарами ярмарки были чай, рыба, соль, хлеб, меха, металл. Это был важнейший торговый центр страны, в котором разрешалась торговля и иностранцам: на Нижегородскую ярмарку приезжали купцы из Западной Европы и Америки, но основная торговля на ней шла с Китаем, Персией и Средней Азией. Не случайно ее называли «ключом торговли с Азией» [29].

Ярмарка процветала 100 лет и не имела себе равных, динамично развиваясь вплоть до начала XX века, став не только сложным социально-экономическим организмом, но и важным культурным центром дореволюционной России.

Она привлекала как деловых людей – купцов, связанных непосредственно с торговлей и вопросами купли-продажи, так и представителей русской и зарубежной интеллигенции – писателей, певцов, драматургов: в разные годы ярмарку посетили В.А. Соллогуб, В.А. Гиляровский, А.Н. Островский, Ф.М. Достоевский, Ф.И. Шаляпин, А. Дюма (отец) и др.

Бывали там и члены царской фамилии, например российский император Николай II и его супруга, императрица Александра Федоровна, посетили XVI Всероссийскую художественно-промышленную выставку, проводившуюся в Нижнем Новгороде в 1896 году в рамках своей общественной и благотворительной деятельности, направленной на служение России.

В 1917 году ярмарка отметила свой 100-летний юбилей. Однако после событий Первой мировой войны и революций начала XX столетия, ознаменовавших собой начало истории уже Советской России, начался упадок ярмарочной торговли, так как была разрушена структура прежних ярмарочных связей, опиравшихся на деловые контакты русского купеческого сословия, а территория самой ярмарки со временем пришла в запустение.

Возобновление ярмарочной торговли началось только в 1922–1929 годах, и связано это было с началом так называемого НЭПа — новой экономической политики 1921–1928 годов, проводившейся в Советской России в целях восстановления экономики страны, разрушенной в ходе революции и Гражданской войны, а также для налаживания внешнеэкономических и внешнеполитических связей, направленных на преодоление международной изоляции и стабилизацию экономического положения РСФСР, как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Советско-персидский торговый договор (1921) и Нижегородская ярмарка в условиях НЭПа

Начало XX века оказалось богатым на события, которые затронули весь мир и повлияли в том числе на темпы исторического, политического и экономического развития Советской России и Персии. Причем многие процессы, происходившие в обоих государствах, несмотря на конфессиональные, культурные и политические отличия, оказались схожими.

Первая мировая война, революционные события 1917 года в России привели к тому, что экономическая ситуация в стране сложилась тяжелейшая: торговые связи были нарушены, численность купцов, в том числе персидских (иранских), а также астраханских персов, которым принадлежало большое количество лавок на ярмарке, их коллег из других восточных стран — Афганистана, Бухары, Хивы, — которые издавна торговали своими товарами на Нижегородской ярмарке, резко сократилась.

Понимая важность и необходимость оживления экономики страны, советское руководство в 1918 году предприняло попытку организовать прямой товарообмен на Нижегородской ярмарке. Однако она не стала удачной: в связи с началом Гражданской войны и сопутствующими этим событиям беспорядками, приведшими к тяжелой экономической ситуации в России, с 1919 по 1922 год ярмарка не работала.

Восстановление торговых отношений с Персией было признано обеими сторонами как взаимовыгодное сотрудничество, имеющее одинаковую важность. Россия, будучи связанной с Персией общими экономическими и политическими интересами, нуждалась в этом не меньше, чем сами персы.

В итоге большой и кропотливой работы на правительственном уровне 26 февраля 1921 года между Россией и Персией был заключен двусторонний советско-персидский торговый договор, который уже в сентябре 1921 года персидский меджлис (парламент) единогласно ратифицировал. По нему СССР отказывался от всех дореволюционных русских владений в Персии (Иране) в пользу последней: Учетно-ссудный банк Персии, железные дороги, промыслы на Каспийском море и другое имущество, – всё это отныне переходило в руки персидского народа.

Договорный процесс шел непросто, сопровождаясь политической и дипломатической («подковерной») борьбой, в которой активное участие приняли западноевропейские государства во главе с Великобританией, традиционно сохранявшей свои внешнеполитические и торгово-экономические интересы в Персии на протяжении нескольких столетий. Участие в подготовке и подписании договора принял Ф.А. Ротштейн – полномочный представитель советской России в Персии в те годы.

Вот что писала об этом в статье «К торговому договору с Персией» в январе 1922 года газета «Экономическая жизнь»: «...в мирном договоре от 26.02.1921 РСФСР ликвидировала целиком старое царское наследие в отношении Персии, освободила Персию от всех обязательств, заявила о бесповоротном отказе России от насильнической в отношении Персии политики прежних империалистических правительств; все трактаты, договоры, конвенции и соглашения, заключенные бывшим царским правительством с Персией и приводившие к умалению прав персидского народа, объявила отмененными. Потеряли силу все конвенции и соглашения, заключенные царским правительством с третьими державами во вред Персии и относительно ее. Советское правительство отказалось от требований на пользование теми государственными доходами Персии, коими гарантировались займы, и от использования финансовых предприятий царской России, имевших целью экономическое закабаление Персии. В согласии с этим принципом советское руководство передало в полное владение персидского народа шоссейные, железнодорожные, портовые и телефонно-телеграфные сообщения; денежные суммы, ценности и вообще актив и пассив Учетно-Ссудного Банка Персии, а равным образом движимое и недвижимое имущество

означенного банка, находящееся на территории Персии. Таковы в общих чертах те политические и экономические преимущества, которые предоставлены РСФСР Персии на основании мирного договора от 26 февраля 1921 г.» [23, л. 75–76].

На фоне этих событий возобновление деятельности ярмарки в условиях НЭПа, или новой экономической политики, начавшейся в Советской России в 1920-е годы XX века стало и для Персии, и для Советской России благоприятным временем с точки зрения стабилизации экономической жизни народов двух стран.

1921 год ознаменовался окончанием Гражданской войны в России. Параллельно в Персии произошел переворот 3 хута (21 февраля), который сверг правительство премьер-министра Фатоллы-хана Акбара. Ахмед-шах Каджар утвердил новое правительство во главе с Зияэддином Табатабаи, что стало предвестником установления власти Реза-хана, который в свою очередь в 1925 году вззошел на престол, основав династию Пехлеви.

Властями обеих держав проводилась политика расширения частного предпринимательства с целью оживить экономику своих стран и создать условия для стабильного развития товарно-денежных отношений. В Советской России – в рамках НЭПа (1922–1929), а в Персии – посредством поощрения политики создания крупных торговых компаний, восстановления работы совместных советско-персидских (иранских) кампаний и традиционных торговых площадок, одной из которых была Нижегородская ярмарка, игравшая важнейшую роль в развитии экономических связей с иностранными государствами.

1 августа 1922 года состоялось открытие ярмарки (председатель Нижегородского ярмарочного комитета С.В. Малышев, уполномоченный Совета труда и обороны РСФСР, возглавил ее работу). По данным Э.Б. Боева, «в ней приняли участие 584 оптовые фирмы: из них 240 — государственные, 164 — кооперативные, 180 — частные, а также 331 розничная торговая фирма. В том же году на Нижегородской ярмарке было отмечено присутствие 84 купцов из Персии (Ирана), которые вывезли 110 тыс. пудов товаров. При этом персидские предприниматели приезжали на ярмарку не только из ближайших к СССР регионов (Мазендеран, Гилян, Восточный Азербайджан, Хорасан), но и из более отдаленных провинций Персии, в том числе Хамадана» [9, с. 15–20].

Ярмарка активно трансформировалась из прежнего торгового мероприятия в выставку новейших образцов промышленной и сельскохозяйственной продукции Советской России, что способствовало не только росту спроса, но и повышению требований к качеству реализуемых товаров. Налаживались и торговые контакты с представителями зарубежных стран Востока: весьма активно торговали с Россией не только Персия, но и Китай, Афганистан, Турция, Монголия, Ирак. В ярмарке 1928 года приняли участие более 2500 различных фирм, заметно вырос и ее товарооборот.

Однако 30 января 1930 года в условиях сворачивания НЭПа и на основании выявленных ранее упущений и недочетов в торговле бюро Нижегородского краевого комитета ВКП(б) приняло постановление о закрытии Нижегородской ярмарки. А уже 6 февраля 1930 года в постановлении советского правительства было официально объявлено о её ликвидации: «...бурный рост коллективизации, колхозное и совхозное строительство, исключительный рост по пятилетнему плану государственной и местной промышленности, усиливающийся охват системой промкооперации кустарной промышленности — всё это должно привести к еще большему усилению плановых начал и совершенному исключению внеплановых торгово-посреднических звеньев в товарообороте. Нижегородскую ярмарку упразднить и Наркомторгу СССР в месячный срок ликвидировать ярмарочный комитет» [31].

Утрата Нижним Новгородом статуса крупнейшего торгового центра, произошедшая к 1930-м годам из-за закрытия ярмарки, привела к фактическому прекращению торговых связей с иностранными предпринимателями, в том числе из Персии (Ирана).

Между тем экономические связи Советской России и Персии сохранили важность для обоих государств и позднее, хотя, как было показано, развивались в целом недостаточно эффективно. Благодаря географической близости, имеющемуся потенциалу и взаимным потребностям, отношения между двумя странами были приоритетными как для Москвы, так и для Тегерана. Это было обусловлено тем, что в отличие от капиталистических государств Советская Россия вела торговлю с Персией (Ираном) на равных условиях, не устанавливая высоких таможенных пошлин на импорт товаров от своих торговых и дипломатических партнеров.

Таким образом, даже те немногие охарактеризованные в данном разделе аспекты темы делают более понятным значение изучения двусторонних внешнеэкономических связей прошлого обеих стран на основе документов российских архивов для характеристики возможностей расширения отношений России и Ирана (Персии) в настоящем и будущем.

Освещение в прессе торгового и дипломатического сотрудничества между Россией и Персией (Ираном)

Описанные выше события получили живой и заинтересованный отклик в советской и зарубежной прессе 1920-х годов, о чем красноречиво свидетельствует подборка цитат из советских, иранских, английских и швейцарских газет того времени.

Речь в газетных статьях и публикациях не только шла о важности оживления советско-персидских политических, торговых, деловых контактов, содержании двухстороннего торгового договора 1921 года или подготовке и проведении совместной конференции двух стран, но и отражала в разных аспектах дипломатические рабочие контакты представителей Советской России с ее «вечным оппонентом» – Великобританией. А полемика в прессе России, Великобритании и Персии (Ирана) по поводу российско-иранского сближения, с одной стороны, стала косвенным признанием безусловного успеха молодой советской дипломатии в налаживании конструктивного диалога с Персией (Ираном) того времени, а с другой — демонстрировала серьезную обеспокоенность европейской и мировой элиты, в частности правительственных кругов Великобритании, по этому вопросу и готовность сделать всё возможное, чтобы подобного сближения не допустить ни на политическом, ни на торгово-экономическом, ни на дипломатическом уровне.

Так, в британской газете «Times» от 27 июля 1921 года, в статье «Лорд Керзон о Персии», отмечено: «Теперь Персия в руках большевиков, которые, укрепившись в Закавказье и Туркестане, расширяют свое влияние на Среднем Востоке за наш счет. Они имеют в Тегеране в качестве своего посла Ротштейна, который провел много лет в Англии политическим эмигрантом, занимался журнализмом, написал книгу, в которой нападал на нашу политику в Египте, служил во время войны в военном

министерстве и был правой рукой первого большевистского посла в Англии Литвинова. Он имеет таким образом исключительный стаж для выполнения порученной ему задачи — уничтожение нашего влияния в Персии, ибо скорее это является главной целью его миссии, чем безнадежная попытка обратить персов в коммунизм...» [27, л. 23].

Газета «Правда» от 10 сентября 1921 года в статье «Англия и Персия» дополнительно сообщала: «Лорд Керзон, рекомендовавший себя в палате лордов старым, испытанным другом персидского народа, предупреждающим его от опасности со стороны советской России, получил достойный ответ от тегеранской печати. “Мы не такие дураки, — пишет газета «Иран», — чтобы не уметь распознать своих друзей и не понимать разницы между договором, подписанным с Россией, который, как пытается нас уверить лорд Керзон, будто бы окончится печально для нас, и договором, предложенным Англией, который уничтожил бы нашу независимость и превратил бы нас в объект английской колониальной политики...”» [23, л. 24].

Газета «Известия» от 4 мая 1922 года в статье «Приезд персидского торгового представителя» подробно извещала своих читателей о том, что «на днях в Москву прибыл известный вождь персидских националистов г. Таги-Заде, назначенный председателем делегации по заключению русско-персидского торгового договора. Господин Таги-Заде посетил и.о. народного комиссара по иностранным делам Л.М. Карахана и имел с ним продолжительную беседу» [39, л. 57].

Газета «Экономическая жизнь» от 18 июня 1922 года в статье «К русско-персидским торговым переговорам» сообщала о том, что «на днях начались в Москве переговоры с персидской делегацией о выработке торгового договора с Персией. Установление товарообмена с Российской Республикой необходимо персидскому населению, как воздух, для того чтобы поднять производительные силы страны, возродить существовавшие отрасли промышленности и увеличить доходы населения, оживить внутреннюю торговлю, поднять местные и государственные финансы и создать конкурента на персидском рынке единственному монополисту — Англии. И для России также весьма важно установить торговые отношения с Персией.

<...> Персия как страна земледельческая главным образом нуждается в товарах фабрично-заводских и имеет некоторые излишки продуктов земледелия и скотоводства. Это и определяет характер ее товарообмена вообще, а с Россией в частности.

Главнейшими статьями нашего ввоза в Персию являлись до самого последнего времени следующие предметы: сахар, хлопчатобумажные ткани, стеклянные, фарфоровые и фаянсовые изделия, металлы и металлические изделия, керосин, нефть, шерстяная пряжа, шелковая пряжа и изделия, мука, чай, спички и некоторые другие товары второстепенного значения для персидского рынка. <...> Близость Бакинского района и удобства морского сообщения дали возможность России успешно работать на персидском рынке.

Предметами персидского вывоза в Россию главным образом являлись: хлопок, рис, сухие фрукты, миндаль и фисташки, рыба. Кожи, шерсть, шелк-сырец, шерстяные кустарные изделия, ковры, хлеб в зерне, опиум. <...> Необходимость восстановления торговых сношений с Персией очевидна, и она одинаково оценивается обеими сторонами. В процессе переговоров при выработке договора придется установить целый ряд практических мер для проведения в жизнь этого крайне важного для обеих сторон оживления торговых сношений с соседним государством, с которым Россия связана общими экономическими и политическими интересами» [22, л. 60].

«Известия» от 30 июня 1922 года в статье «Русско-персидские отношения (Беседа с полномочным представителем РСФСР в Персии)» разместили подробное интервью своих корреспондентов об этом событии, сообщив читателям такие подробности: «Находящийся сейчас в Москве полномочный представитель РСФСР в Персии т. Ф. Ротштейн следующим образом охарактеризовал русско-персидские отношения. В прошлом году, [как] сказал т. Ф. Ротштейн, когда наше посольство прибыло в Персию, английское господство там достигло апогея. По англо-персидскому договору 1919 г. Персия фактически была отдана под британский протекторат. Английский банк выпускал бумажные деньги, выкачивавшие из страны ее золотые и серебряные фонды. Англичане поставили своих финансовых советников: персидской армией руководили английские инструкторы; на юге

Персии существовали даже специальные стрелковые части, весь командный состав которых был из англичан. Политическое состояние страны было плачевно. Меджлис не собирался, и никто не думал о его созыве. Выходила лишь одна газета, носившая характер английского официоза. Не было ни одной политической партии, а власть находилась в руках небольшой группы сановников, шедших на поводу у английского посольства.

С закрытием русской границы фактически прекратилась персидская торговля. Запасы обычно вывозившихся в Россию товаров залеживались и гнили, поля не засеивались. Страна приближалась к полному обнищанию. Отношение к русским было самое убийственное. По директивам англичан персидские власти арестовывали по подозрению в большевизме даже благонамеренных русских граждан. Несмотря на это, наше посольство с первого момента встретило самое дружеское отношение со стороны персидских народных слоев. С первых же дней выяснилась основная задача российского представительства – помочь Персии и ее народу освободиться от английских когтей. За минувший год положение радикально изменилось. Был созван меджлис, и, несмотря на то что выборы происходили в атмосфере английского господства и что в парламенте есть известное англофильское меньшинство, меджлис всё-таки не является игрушкой в руках великобританского посольства. Англо-персидский договор был аннулирован, английские финансовые советники и военные инструкторы устранены, стрелковые части расформированы. Уже консолидируются политические группы и партии. Имеются оттенки радикальные, националистические, демократические и даже коммунистические: англичане, разумеется, усиленно агитируют, пытаясь выставить российское представительство в роли застрельщика революции. Но практически англичане ничего не могут сделать, т.к. Персия уже проснулась и никакие подкупы не остановят ее развитие. Престиж русской революции одержал верх над всеми ухищрениями английской дипломатии.

В настоящее время мы должны поставить нашу работу на экономический фундамент. Мы должны стать союзниками Персии в ее борьбе за национальное освобождение. Сейчас в Москве начались переговоры о заключении торгового договора. Чем они кончатся я не могу предсказать, но, по моему личному мнению,

мы можем дать Персии некоторые льготы. В процессе переговоров мы, укрепляя экономически Персию, сводим на нет опасность войн, угрожавших нашим границам. Свободная и сильная Персия может стать стражем кавказских союзных республик. Возобновление торговых отношений с Персией даст обоюдные выгоды. В ожидании торговых перспектив Персия медленно, но, верно, преобразуется: готовятся экспортные товары, увеличиваются засеиваемые поля. Благоприятные результаты происходящих сейчас переговоров могут возродить Персию и явятся не последним доказательством значения Великой Октябрьской революции для освобождения Азии» [42, л. 82].

Корреспонденты газеты «Известия» от 1 июля 1922 года в статье «Торговля с Персией», положительно оценивая расширение торгово-экономических контактов двух стран, писали об этом так: «Наркомвнешторг предложил всем учреждениям, заинтересованным в торговле с Персией, иметь своих представителей при торгпреде Персии при условии, что торговые операции будут вестись там единым торговым представителем РСФСР. С Центросоюзом ведутся переговоры о согласовании коммерческих и транспортных работ Центросоюза и Персии. Предполагается организация русско-персидского смешанного общества для торговли с Персией и вывоза персидских товаров в Россию» [44, л. 63].

Британская «Times» от 12 июля 1922 года в статье под названием «Помощь Персии (от нашего собственного корреспондента)» также сообщала: «Берлин, 10 июля 1922 г. Ротштейн, советский посол в Персии, заявляет, что Россия должна помочь Персии в ее борьбе за национальную независимость. Только свободная и независимая Персия может гарантировать существование Кавказской республики и заставить большевистскую революцию принести плоды в Азии» [38, л. 64].

Корреспонденты газеты «Известия» от 16 июля 1922 года в статье «Нижегородская ярмарка и торговля с Персией» (Беседа с полномочным представителем РСФСР в Персии тов. Ф.А. Ротштейном)» сообщали, что полномочный представитель РСФСР в Персии Ф.А. Ротштейн, находясь в Москве по служебным делам, дал интервью сотрудникам газеты «Известия». Из него известно, что за время войны и революционных потрясений в России

торговые отношения между Россией и Ираном (Персией) совершенно прекратились уже с 1916 года. Между тем для обоих государств они имели большое геостратегическое значение. Политические соперники России в торговом влиянии на Иран (Персию) в лице Великобритании и других западноевропейских держав, заняв в экономическом плане доминирующие позиции на иранском рынке, постарались представить революционные события в России как ее полный политический и экономический развал, приступив к вывозу из страны металлической валюты. Эти страны продавали Персии свои товары (мануфактуру, керосин, сахар, стекло) – всё, в чем Персия нуждалась, но взамен не брали никаких персидских продуктов, а просто выкачивали звонкую монету. Вследствие этого Персия и ее экономика были обескровлены, а народ разорен. Страна оказалась накануне полного обнищания, и только возобновление торговых отношений с Советской Россией позволило спасти положение. До периода военных действий и революционных изменений Россия занимала доминирующее положение в персидской экспортной торговле, принимая 60% всех вывозимых товаров. Персия поставляла в Россию рис, хлопок и сухофрукты, а взамен получала необходимые российские товары. Когда же русско-персидские торговые отношения вновь стали налаживаться, персидские купцы с трудом верили в саму возможность торговать с Россией и русскими.

Информация о восстановлении Нижегородской ярмарки произвела большое впечатление в персидских торговых кругах, которые приняли решение незамедлительно направить на ярмарку особую правительственную делегацию от персидских торговых учреждений и купцов. Со стороны советской России и ее правительства также были сделаны все шаги для того, чтобы облегчить условия торговли между Россией и Ираном (Персией) в период ярмарки: разрешено было беспошлинно ввозить персидские товары, а также беспошлинно вывозить из России закупленные товары.

Специальная торговая миссия Ирана (Персии) долго не могла выехать из Тегерана в Россию для заключения двустороннего торгового договора, считая свою поездку бесполезной. Только после долгих убеждений и кропотливой работы советских дипломатов удалось побороть недоверие, посеянное политическими

и идеологическими противниками России, и убедить персидское правительство в полной возможности взаимовыгодной двусторонней торговли.

Как отметил Ф.А. Ротштейн, «представители торговой миссии, приехав в Россию, убедились в возможности возобновления торговых отношений и со своей стороны много содействовали в том направлении, чтобы персидские купцы возобновили свои торговые отношения и приехали на Нижегородскую ярмарку». Он выразил надежду, что «теперь прибытие самих персидских купцов на Нижегородскую ярмарку убедит их в том, что Россия становится на твердую ногу. Нижегородская ярмарка явится для них тем откровением, которое вполне раскроет им глаза на нашу действительность и будет еще одним фактором для теснейшего сближения Персии со своей великой соседкой — Россией» [32, л. 83].

«Известия» от 22 августа 1922 года в статье «Персидские купцы на Нижегородской ярмарке» информировали своих читателей о том, что «уполномоченный Наркомвнешторга тов. Б.Ю. Кудиш и представитель полномочного представительства РСФСР в Персии тов. Г.Р. Гордин 20 августа приняли прибывших на Нижегородскую ярмарку с товарами персидских купцов. Тов. Кудиш приветствовал их прибытие на ярмарку как признак устанавливающейся реальной хозяйственной связи Персии с советской Россией, указав, что первая советская Нижегородская ярмарка имеет одной из своих целей возможность предоставления народам Востока более тесной связи с Российской Федерацией и вольного выхода хозяйству Персии из сдавливающей его хищнической политики английского колонизаторского империализма». В этом отношении НКВТ (Наркомат внешней торговли. — *Е.М.*) как высший орган республики, регулирующий внешнюю торговлю, пошел навстречу народам Востока и установил ряд льгот для персидских и других восточных купцов, везущих свои товары на Нижегородскую ярмарку.

Уполномоченный представительства РСФСР в Персии тов. Г.Р. Гордин, приветствуя персидских купцов от имени представительства, отметил злостную агитацию, которую вели против поездки на Нижегородскую ярмарку персидских купцов английские агенты в Персии, и с удовлетворением констатировал, что пер-

сидский купец сумел отличить истинного друга от врага, не поддавался на злостные уверения английских агентов и повез свои товары на Нижегородскую ярмарку.

В ответной речи представитель персидских купцов – член Тегеранской торговой палаты и представитель персидского купечества г. Бахлучи приветствовал от имени персидских купцов Нижегородскую ярмарку и указал, что персидские купцы видят в лице Советской России своего друга, не верят рассказам английских агентов о препятствиях, чинимых якобы для персидских купцов на Нижегородской ярмарке, и выразил надежду, что связь Персии с Россией будет крепнуть с каждым годом. В этом отношении, как отметил г. Бахлучи, персидские купцы будут всячески способствовать укреплению этой близости [34, л. 67].

Газета «Известия» от 24 августа 1922 года в статье «Персия. Товары на Нижегородскую ярмарку» сообщала своим читателям: «Тегеран, 21 августа (РОСТА) — Несмотря на упорные интриги иностранцев, на Нижегородскую ярмарку из Персии отправляются 40 купцов, везущих около 100 вагонов различных товаров. Персидские купцы надеются закупить на ярмарке большие партии товаров: главным образом, мануфактуры, стеклянных, галантерейных, москательных и аптекарских товаров. В Тегеране организуется общественная делегация представителей персидских торговых палат, которая рассчитывает во время пребывания на ярмарке ознакомиться с положением русского рынка и условиями организации смешанных обществ» [35, л. 67].

Как показывают документы, правительством Советской России того времени были предприняты и дополнительные меры, в т.ч. на дипломатическом уровне, направленные на укрепление двусторонних контактов в рамках российско-персидского сближения. Так, в статье «Le commerce Germano-Persan par les Fleuves et Canaux Russes» от 24 августа 1922 года швейцарской франкоязычной ежедневной газеты «Matin» (Матэн), издающейся в Лозанне с 1893 года, было написано следующее: «Константинополь, 22 августа. Представитель Советской России в Ангоре сообщил прессе, что русские выступили с инициативой: обеспечить пароходное сообщение между Германией и Персией. Первый пароход, отправившийся из Гамбурга, прибыл бы в порт Энзели на Каспийском море» [12, л. 67].

Тут необходимо пояснить, что в свое время и российская казна, и советское правительство уделяли пристальное внимание строительству морского порта в Энзели (провинция Гилян), рассматривая развитие экономической инфраструктуры в Персии как инструмент для укрепления своих внешнеполитических позиций в этом иностранном государстве. При этом за право контроля северных районов страны России приходилось вести ожесточенное соперничество с Великобританией и Германией.

В рамках торгово-экономических отношений России и Персии в начале XX столетия порт Энзели играл ключевую роль, так как именно через него происходил основной товарообмен между двумя государствами: сырье и полуфабрикаты шли из Персии (Ирана), а промышленные изделия — из России (в основном из Астрахани и Баку). При этом каждая из сторон была напрямую заинтересована в увеличении грузооборота, приносящего одновременно и прибыль, и экономическую стабильность на внутреннем и внешнем рынках. В настоящее время порт Энзели сохраняет большую значимость в экспортно-импортных операциях между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран, играя всё большую роль в регионе благодаря функционированию международного транспортного коридора «Север – Юг», который стал новым шагом для создания условий активизации российско-иранской торговли уже на современном этапе.

Газета «Петроградская правда» от 17 сентября 1922 года в статье «Мы и Восток (Нижегородская ярмарка и Персия)» с воодушевлением констатировала: «Вопрос об отношениях между советской Россией и Востоком встал очень определенно. И вся серьезность этого вопроса особенно даст себя чувствовать на Нижегородской ярмарке. В других местах разговоры о привлечении Персии и вообще Востока к нашей торговле носят в большинстве случаев чисто теоретический характер, а здесь практическая необходимость встает во всю ширь. За довоенные годы отношения между Персией и Россией были весьма оживленными: в общем торговом обороте Персии оборот с Россией составлял в среднем около 65%. К тому же персидское население привыкло к русским товарам и стремилось их получить. Многие промышленные предприятия России работали специально на персидский рынок, учитывая разнообразие вкусов

местного населения. Однако с того времени много воды утекло. Империалистическая и гражданская война поставили почти непреодолимые преграды между Россией и Персией. К этому присоединилось падение нашей промышленности и острое бестоварье, в результате которого мы ничего абсолютно не могли дать Персии. Наши отношения с ней сорвались, и в то же время Англия и ряд других государств устремились на персидский рынок, пытаясь его завоевать своими дешевыми экспортными ценами. В результате всех этих событий мы являемся свидетелями завоевания персидского рынка англичанами и другими капиталистическими державами. Положение отчасти еще осложняется тем, что они продают свои товары по очень низким ценам, иногда даже дешевле себестоимости, лишь бы удержать за собою рынок. В настоящее время нам необходимо отвоевать этот рынок, имеющий для нас немаловажное значение как рынок сбыта и как богатый сырьевой фонд. Для самой Персии установление торговых связей с Северной Россией является тоже крайне желательным, т.к. она может получить привычные для населения изделия и продукты и, кроме того, может сбыть свое сырье.

Нынешняя торговля с Англией тем и не выгодна для Персии, что Россия в обмен на персидские товары дает свой товар, тогда как Англия в обмен за свои товары вывозит из Персии только металлическую валюту (выделено курсивом мной. — Е.М.).

Для Персии это крайне невыгодно, т.к. она попадает в положение блокированной страны, которая к тому же из-за отсутствия конкуренции вынуждена покупать всё, что заблагорассудится выбросить на рынок Персии англичанам. *Отвоевание персидского рынка встает перед нами как одна из очередных задач, и в этом отношении многое может сделать как раз Нижегородская ярмарка (выделено курсивом мной. — Е.М.).*

Препятствий для восстановления отношений имеется не мало. Одним из них является хаос в ценах. Наши тресты и синдикаты устанавливают излишние тарифы, и потребовалось вмешательство правительства для устранения этих ненормальностей. <...> Тем не менее установление торговых отношений с Персией через Нижегородскую ярмарку <...> вполне осуществимо. Англичане боялись сильно этого сближения, и с этой целью они хотели не допустить на ярмарку персидских купцов. Они развили

деятельную агитацию в этом направлении, но реальных результатов не достигли. Персидские купцы приехали и продолжают прибывать на ярмарку, подвозя крупные партии товаров и изделий. Важнейшие персидские купцы, возглавляющие делегацию, во всех своих выступлениях проводят мысль о необходимости и возможности торговых отношений с советской Россией. Таковы, например, заявления члена Тегеранской торговой палаты Бахлучи, такова телеграмма второго представителя Махмуджи, в которой он характеризует двусторонние отношения и выражает надежду, что Нижегородская ярмарка будет фундаментом для будущих торговых отношений России и Персии. <...> На той же Нижегородской ярмарке кроме персидских купцов выступают представители дружественных нам республик — Бухары, Хивы и Туркменистана. <...> Это взаимное знакомство может дать крупные выгоды обеим сторонам» [30, л. 81].

Приводя оценку общего состояния советско-персидских (иранских) экономических отношений начала XX века, газета «Известия» от 26 сентября 1922 года в статье «Взаимоотношения с Россией» с удовлетворением извещала советских граждан об успехах советской дипломатии в контексте расширения контактов с Персией: «Тегеран, 21 сентября. Центральная тегеранская торговая палата при участии депутатов меджлиса (парламента) и представителей духовенства дала полпреду РСФСР в Персии Б.З. Шумяцкому банкет с целью отметить благожелательную политику России по отношению к Персии (Б.З. Шумяцкий — советский государственный и партийный деятель, революционер, дипломат, участник Гражданской войны. Во время работы на посту полпреда РСФСР в Иране в 1922–1925 гг. поддерживал антикаджарскую революцию и провозглашение там республики, был дуайеном — старшим по дипломатическому рангу дипломатического корпуса в Тегеране; его жизнь оборвалась в 1938 г. на расстрельном полигоне в подмосковной тогда Коммунарке. — Е.М.). Председатель торговой палаты в своей приветственной речи указал, что за последнее время дружба стала не только платонической, но и реальной: Нижегородская ярмарка, организация смешанных обществ, переговоры о торговом договоре и Бакинская ярмарка — вот этапы нового совместного пути России и Персии. “Передайте советскому правительству и замнаркоминденту г. Карахану, — обратился ора-

тор к Б.З. Шумяцкому, — что персидское купечество с надеждой взирает на Советскую Россию, которой оно обязано оживлением торговой деятельности в Персии, также и тем, что Персия стала залечивать свои военные раны, не прибегая к обычным в Европе методам насилия, путем братского мирного сотрудничества”. Отвечая на приветствия, Шумяцкий обещал передать Советскому правительству заявления персидских деятелей и благодарил торговую палату и депутатов меджлиса за доброе к нему отношение как к представителю РСФСР, сказав, что без поддержки со стороны всех деловых кругов Персии, меджлиса и правительства нельзя будет добиться скорейшего планомерного возобновления нормальных экономических взаимоотношений.

В дальнейшем Б.З. Шумяцкий заявил: «Ошибочно было бы объяснять медлительный темп развития русско-персидских отношений лишь субъективными причинами, т.к. мы наталкиваемся на затруднения, главным образом, объективного характера. Так, транзит по германскому морскому пути или возобновление рейсов нашего коммерческого добровольного флота в южные порты Персии наталкиваются на жерла пушек Антанты, которыми она хочет заставить братский нам турецкий народ отказаться от своей независимости”. Общее настроение участников банкета было истолковано популярнейшим оратором меджлиса г. Хорасани в следующих выражениях: "Передайте русскому правительству и русскому народу нашу пламенную благодарность за поддержку, оказываемую им народам Востока, не только на словах, но и на деле!" <...>» [11, л. 69].

Однако факт российско-персидского сближения устраивал далеко не всех и имел иную, оборотную, сторону: так, «Известия» от 18 января 1923 года в статье А. Садовского «Финансовая политика англичан в Персии (от нашего тегеранского корреспондента)» сообщали, что «помимо контрабандного вывоза серебра и займов персидскому правительству англичане всемерно используют и другое средство для финансового закабаления Персии — кредит, который оказывается не всем, а только наиболее приемлемым для английской политики в Персии элементом, превращаясь, таким образом, в руках англичан в орудие политического воздействия. Что это так — показывает тот факт, что всем купцам, которые приняли участие в Нижегородской ярмарке, Шахиншахским банком

было отказано в кредите. <...> Персия в данном случае является лишней иллюстрацией того, что не всегда иностранный капитал в отсталой стране является фактором культурно-экономического развития» [43, л. 1].

Заключение

В заключение отметим, что парадоксальность судьбы российско-персидских (иранских) отношений в 1920-х годах XX столетия состояла в том, что уже тогда мировые тенденции внешнеполитического развития со всей очевидностью показали, что реализация надежд Советской России и Персии (Ирана) на укрепление взаимовыгодного двустороннего сотрудничества, как в политической, так и в экономической сферах, не будет простой и быстрой.

Материалы советской и зарубежной прессы тех лет беспристрастно фиксируют и одновременно подтверждают тот факт, что попытка российско-персидского (иранского) торгово-дипломатического «диалога» и расширения взаимодействия двух стран в экономической сфере встретила сильнейшее противодействие со стороны правящих европейских кругов и Великобритании в частности, которая упорно не желала видеть укрепление позиций ни царской, ни тем более советской России в Персии (Иране) — геополитически важном регионе мира, богатом нефтью и иными ресурсами.

Однако, несмотря на препятствия и откровенные запреты, доносившиеся из Лондона, российско-персидское (иранское) сближение, в том числе на ярмарочной площадке в Нижнем Новгороде в 1922 году, убедило Москву и Тегеран в том, что стратегический курс России и Персии (Ирана), направленный на укрепление взаимовыгодного сотрудничества, был исторически единственно верным.

Со временем он стал не только важным стабилизирующим фактором на Ближнем и Среднем Востоке, но и целенаправленной государственной политикой обеих стран и их лидеров, направленной на обеспечение поступательного и динамичного развития двух цивилизаций — российской и персидской (иранской), — которая продолжается в условиях глобализации и сегодня.

Литература

1. Агаев С.Л. Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг. — М.: Наука, 1970. — 212 с.
2. Алиев С.М. История Ирана. XX век. — М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2004. — 648 с.
3. Англия и Персия // Научный архив Института российской истории РАН (далее — НА ИРИ РАН). Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 25 (Д-7–1921 г. — Персия): «Правда» от 10 сентября 1921 г. — Л. 24.
4. Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв. — М.: Наука, 1991. — 390 с.
5. Базиленко И.В. Очерки истории российско-иранских отношений. — СПб.: Аргус СПб, 2017. — 432 с.
6. Безобразов В.П. Очерки Нижегородской ярмарки. — М.: Университетская типография (Катков и К°), 1865. — 98 с.
7. Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX–XX вв. // Вопросы истории. — 2012. — № 4. — С. 146–151.
8. Богородицкая Н.А. Нижегородская ярмарка в системе межрегиональных торговых связей России в XIX — начале XX в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. матер. IV Междунар. науч. конф. — Н. Новгород, 2018. — С. 338–345.
9. Боев Э.Б. Иранское торговое присутствие на Нижегородской ярмарке: исторический обзор // Россия и Иран: пять веков сотрудничества: сб. матер. Междунар. науч. конф. — М.: Изд-во РГГУ, 2022. — С. 15–20.
10. Бондаревская Л.Г. Англо-русские отношения в Персии накануне Первой мировой войны // Россия на рубеже XIX–XX вв.: матер. науч. чтений памяти проф. В.И. Бовыкина. — М.: РОСПЭН, 1999. — С. 325–335.
11. Взаимоотношения с Россией // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 41 (Д-7–1922 г. — Персия): «Известия» от 26 сентября 1922 г. — Л. 69.
12. Германо-персидская торговля по русским рекам и каналам / Le commerce Germano-Persan par les Fleuves et Canaux Russes // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 41 (Д-7–1922 г. — Персия): Швейцарская «Matin» («Матэн») от 24 августа 1922 г. / пер. с фр. — Л. 67.
13. Дёмин Ю.А. Ф.А. Ротштейн и первые шаги советской дипломатии в Иране (1921–1922 гг.) // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 414. — С. 52–61.
14. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1935 гг. // НА ИРИ РАН. Опись дел фонда 22. — Оп. 1, л. 1–14; оп. 2, л. 1–17.
15. Емельянова Е.Н. Политика Советской России по отношению к странам Среднего Востока в начале 1920-х гг. XX века // Научный диалог. — Екатеринбург, 2016. — № 7 (55). — С. 171–185 и др.
16. Иванова А.А., Иванов А.В. Нижегородская ярмарка: «Меновый» двор Европы с Азией (к 200-летию открытия Нижегородской ярмарки) // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 1. — С. 29–36.
17. Игамбердыев М.А. Иран в международных отношениях первой трети XIX в. — Самарканд: Изд-во Самаркандск. ун-та, 1961. — 297 с.
18. Имашева М.М. Общественная деятельность астраханских персиян-предпринимателей во второй половине XIX — начале XX в. // Соловьевские чтения: матер. межрегион. историко-архивной науч. конф. (г. Астрахань, 22 ноября 2010 г.) / ред. Т.Н. Бураковская. — Астрахань, 2011. — Вып. 1. — С. 196–201.
19. Иран: сб. ст. / под ред. Н.А. Кузнецовой; АН СССР, Ин-т востоковедения. — М.: Наука, 1971. — С. 3, 72–83.
20. Иран: сб. ст. / под ред. А.З. Арабаджян, Н.А. Кузнецовой. — М.: Наука, 1973. С. 3, 35–73, 181–194.

21. Корноухова Г.Г., Царева Ю.О. Персидская торговля на Нижегородской ярмарке во второй половине XIX — начале XX в. и проблема транспортировки товаров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. — 2021. — Т. 13, № 2. — С. 167–176.
22. К русско-персидским торговым переговорам // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 41 (Д-7–1922 г. — Персия): «Экономическая жизнь» от 18 июня 1922 г. — Л. 60.
23. К торговому договору с Персией // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 41 (Д-7–1922 г. — Персия): «Экономическая жизнь» от 2 января 1922 г. — Л. 75–76 (фрагмент).
24. Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVIII — пер. пол. XIX в. — Саранск: Морд. гос. изд-во, 1977. — С. 3–268, 269–285.
25. Кулагина Л.М. Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX — начале XX в. — М.: Наука, 1981. — С. 3–192.
26. Лаврухин А.Н. Нижегородская ярмарка / предисл. С.В. Малышева. — М.: Плановое хозяйство, 1925. — 63 с.
27. Лорд Керзон о Персии // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 25 (Д-7–1921 г. — Персия): Британская «Times» от 27 июля 1921 г. — Л. 23.
28. Мельников А.П. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. — Н. Новгород, 1917 (переизд. — 1993). — 300 с.
29. Мельников П.И. (Печерский) Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 гг. — Н. Новгород, 1846. — 19 с.
30. Мы и Восток (Нижегородская ярмарка и Персия) // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 41 (Д-7–1922 г. — Персия): «Петроградская правда» от 17 сентября 1922 г. — Л. 81.
31. Нижегородская коммуна // Краеведческий интернет-портал. — 07.02.1930.
32. Нижегородская ярмарка и торговля с Персией (Беседа с полномочным представителем РСФСР в Персии тов. Ф.А. Ротштейном) // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 41 (Д-7–1922 г. — Персия): «Известия» от 16 июля 1922 г. — Л. 83.
33. Остроухов П.А. Нижегородская ярмарка в 1817–1867 гг. // Исторические записки. — 1972. — Т. 90. — С. 209–243.
34. Персидские купцы на Нижегородской ярмарке // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 41 (Д-7–1922 г. — Персия): «Известия» от 22 августа 1922 г. — Л. 67.
35. Персия. Товары на Нижегородскую ярмарку // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 41 (Д-7–1922 г. — Персия): «Известия» от 24 августа 1922 г. — Л. 67.
36. Пикантова Н.В. Русское общественное мнение и политика России в Персии в 1905–1909 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. — 2011. — Вып. 3. — С. 173–180.
37. Пикантова Н.В. Деятельность консульской службы России в Персии во время персидской революции 1905–1911 гг. в освещении русской прессы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия: История. — 2012. — № 133. — С. 55–60.
38. Помощь Персии (от нашего собственного корреспондента) // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 41 (Д-7–1922 г. — Персия): Британская «Times» от 12 июля 1922 г. — Л. 64.
39. Приезд персидского торгового представителя // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 41 (Д-7–1922 г. — Персия): «Известия» от 4 мая 1922 г. — Л. 57.
40. Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. — М.: Академия наук СССР, Ин-т истории, 1949. — 389 с.
41. Россия и Иран. Пять веков сотрудничества: сб. матер. Междунар. науч. конф. «Россия и Иран: исторические параллели и взаимосвязи в XVI–XXI вв.» (г. Москва, 14–15 июля 2022 г.) / РГГУ, Ин-т востоковедения РАН, Ун-т им. Алламе Табатабаи и др.; отв. ред. А.Б. Безбородов, В.В. Наумкин, А.К. Аликберов. — М.: РГГУ, 2022. — 314 с.

42. Русско-персидские отношения (Беседа с полномочным представителем РСФСР в Персии) // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 41 (Д-7–1922 г. — Персия): «Известия» от 30 июня 1922 г. — Л. 82.
43. Садовский А. Финансовая политика англичан в Персии (от нашего тегеранского корреспондента) // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 2, д. 11 (Д-7–1923 г. — Внешняя торговля): газета «Известия» от 18 января 1923 г. — Л. 1.
44. Торговля с Персией // НА ИРИ РАН. Ф. 22. Досье газетных вырезок из советской и иностранной прессы за период 1917–1922 гг. — Оп. 1, д. № 41 (Д-7–1922 г. — Персия): «Известия» от 22 августа 1922 г. — Л. 63.
45. Торговля России с Ираном (1828–1855): сб. док. / Ин-т науч. информации по общественным наукам [и др.]; [сост., подг. к изд. и вступ. ст. — И.В. Зайцев; сост. М.К. Рожкова]. — М.: ИНИОН, 2016. — 499 с.
46. Чулков М. Словарь учрежденных в России ярмарок, изданный для обращающихся в торговле. — М.: Типогр. Пономарева, 1788. — 226 с.
47. Шумилкин С.М. Нижегородская ярмарка как центр международной торговли Российской империи рубежа XIX–XX вв. // Приволжский научный журнал. — 2012. — № 4. — С. 215–218.
48. Шумилкин С.М. Нижегородская ярмарка. — Н. Новгород: Кварц, 2014. — 200 с.
49. Entner M.L. Russo-Persian Commercial Relations, 1828–1914. — Gainesville, 1965. — 80 p.
50. Chenciner R., Magomedkhanov M. Persian Exports to Russia from the Sixteenth to the Nineteenth Century // Iran. — 1992. — Vol. 30. — P. 123–130.
51. Seyf A. Foreign Trade and the Economy of Iran in the Nineteenth Century // Iran. — 1996. — Vol. 34. — P. 117–128.

Рахматуллин Шамиль Дамирович,

ассистент кафедры международных отношений,
регионоведения и туризма,
Тюменский государственный университет, Тюмень.

Shamil D. Rakhmatullin,

Assistant of the Department of International Relations,
Regional Studies and Tourism,
University of Tyumen, Tyumen.
E-mail: s.d.rakhmatullin@utmn.ru

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УГАНДА: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

DEVELOPMENT OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE REPUBLIC OF UGANDA: THE HISTORY OF FORMATION AND NEW CHALLENGES

Аннотация: статья посвящена анализу системы образования в Республике Уганда в период с 1962 по 2024 год. Цель работы — рассмотреть формирование и реализацию образовательной политики в Уганде с 1962 года, с момента обретения независимости, до 2024 года, в период правления действующего президента Йовери Кагуты Мусевени. В работе представлены анализ исторических этапов становления образовательной политики Уганды, проведенные реформы, ключевые этапы становления образовательной системы, изменения в государственной политике, стратегии международной помощи и инициативы по повышению доступности и качества образования. Исследование построено на количественном и качественном анализе данных «Афробарометра» за 2000–2024 годы, сравнительном анализе показателей образования и оценке гражданским населением получаемых образовательных услуг. Рассматриваются проблемы и вызовы, с которыми сталкивается система образования, в том числе неравенство в доступе к обучению для разных слоев населения, нехватка кадровых ресурсов. Аргументы подкреплены данными статистического института ЮНЕСКО, Всемирной базы данных о неравенстве в сфере образования (World Inequality Database on Education, WISE), отчетов Министерства образования Уганды, а также примерами успешных инициатив на уровне государственных и частных учреждений. Автор подчеркивает важность образовательных реформ для социально-экономического развития Уганды. Выводы исследования указывают на необходимость создания устойчивых механизмов реализации образовательной политики, усиления роли международных организаций и гражданского общества в обеспечении непрерывности образовательного процесса.

Ключевые слова: Африка, Восточная Африка, Восточноафриканское сообщество, Уганда, образование, реформы, гражданское мнение, «Афробарометр».

Abstract: the article is devoted to the analysis of the education system in the Republic of Uganda in the period from 1962 to 2024. The purpose of the work is to consider the formation and implementation of educational policy in Uganda from 1962, since the independence, to 2024,

during the reign of the current President Yoweri Kaguta Museveni. The work presents an analysis of the historical stages of the formation of Uganda's educational policy, the reforms carried out, the key stages of the formation of the educational system, changes in public policy, international assistance strategies, and initiatives to improve the accessibility and quality of education. The study is based on quantitative and qualitative analysis of Afrobarometer data from 2000 to 2024, a comparative analysis of education indicators, and the assessment of educational services by the civilian population. The study examines the challenges and issues faced by the education system, including inequality in access to education for different segments of the population and a lack of human resources. The arguments are supported by data from the UNESCO Institute for Statistics, the World Inequality Database on Education (WISE), reports from the Ministry of Education of Uganda, and examples of successful initiatives at the public and private institution levels. The author emphasizes the importance of educational reforms for Uganda's socio-economic development. The study's findings highlight the need for sustainable educational policy implementation mechanisms, strengthening the role of international organizations and civil society in ensuring the continuity of the educational process.

Key words: Africa, East Africa, East African Community, Uganda, education, reforms, civic opinion, Afrobarometer.

Введение

Современное образование в Уганде прошло через четыре важных исторических этапа: первый (в колониальный период) — этап тесного согласования интересов колониальной администрации и миссионерского образования; второй (в 1960-х годах, в период, наступивший сразу после обретения независимости) — этап централизации образования и структуризации в соответствии с национальными политическими интересами страны; третий (1970-е и начало 1980-х годов) — этап активизации участия родителей, общин и негосударственных учреждений в сфере образования; четвертый (1990-е годы) — этап, завершившийся введением всеобщего начального образования в 1997 году, который представил собой поворотный момент в обеспечении начального образования в Уганде при активном участии международных доноров в секторе образования. Последние два этапа имеют поразительное сходство с развитием образования в других странах Восточноафриканского сообщества, например в таких, как Танзания или Кения. Однако в Уганде каждый этап характеризовался уникальными особенностями, которые очень сильно отличают ее от соседних стран Восточной Африки.

Образование в Уганде широко исследуется в российской и зарубежной историографии. Исследования направлены на изучение образовательной системы Уганды в контексте социально-экономического и политического развития страны, эволюции образования от колониального периода до современности [4;

5], анализ процессов цифровизации образования, изучение реформ, направленных на улучшение качества образования, анализ развития новых технологий в Африке южнее Сахары с акцентом на Кению и Уганду как государства, активно внедряющие EdTech [1]. Ученые изучают институциональные изменения и роль миссионерских школ в колониальный период [23], трансформацию образовательной системы Уганды после обретения независимости (1962–1980-е гг.) [13; 17; 25], гендерное неравенство в системе начального образования Уганды в контексте реформ Universal Primary Education (UPE), социально-экономических барьеров, региональных диспропорций [30].

Основным источником информации для статьи стали делопроизводственная документация и нормативные правовые акты, а также отчеты Правительства Республики Уганда и Министерства науки, технологий и инноваций Республики Уганда, охватывающие их деятельность в период 1963–2024 годов. В документах представлены оценка существующих образовательных структур, анализ недостатков и проблем, связанных с качеством и доступностью образования, развитием индивидуальных способностей учащихся, подготовкой к трудовой деятельности и формированием гражданской ответственности. Представлены рекомендации по проведению реформ, направленных на улучшение образовательной системы.

Обретение независимости: централизация и национализация сектора образования (1962–1966 гг.)

Республика Уганда обрела независимость 9 октября 1962 года. Как и другие страны Восточноафриканского сообщества (ВАС), Уганда направила усилия на реформирование основных институтов власти, легитимизацию правительства и государственной бюрократии. Реформы должны были отражать национальные принципы, поощрять социальное равенство и способствовать экономическому росту страны. Предполагалось, что область образования будет играть важную роль в национальной стратегии по построению справедливого общества и улучшению качества жизни значительного числа граждан. Государство стремилось стандартизировать сектор образования и устранить его разрозненность. В Уганде сохранялись очевидные формы унаследован-

ного институционального неравенства, что отражалось в сильной диспропорции предоставления образовательных услуг между сельскими районами и городскими центрами [13].

Длительный период колониализма оказал влияние на систему школьного образования, которая была разделена по религиозным и расовым признакам (европейцы, азиаты и африканцы посещали разные учебные заведения, и каждая группа принадлежала также к разным религиям). Проблема национальной интеграции в условиях социального неравенства была одной из самых острых для Уганды. В стране были представлены такие религиозные организации, как: Протестантская церковь Уганды («Church of Uganda» (COU)), Римско-католическая церковь («The Roman Catholic Church»), Управление мусульманского образования Уганды («The Uganda Muslim Education Authority» (UMEA)) [17]. В обществе преобладали различные религиозные группы, такие как индуисты, мусульмане-исмаилиты, сикхи и католики: каждая из них имела собственные школы, в которых были отражены их религиозные убеждения и культурные традиции. Однако уже существующие религиозные и этнические разногласия в стране усилились из-за попыток правительства установить контроль над образовательной сферой [23].

Сопротивление реформам в системе образования со стороны протестантских и католических общин часто приводило к наиболее напряженным конфликтам с центральными властями. «Протестанты, католики и мусульмане, получившие образование в разных школах, как правило, относились друг к другу не как к согражданам одной нации, а как к членам разных общин, соперничающих друг с другом за власть, богатство и статус» [23]. В связи с этим была выдвинута концепция «угандийской и африканской идентичности» в попытках обновить англоцентричную учебную программу и решить вопрос централизации управления.

Уганда совместно с Кенией и Танзанией присоединилась к рамочной программе, согласованной в 1961 году на конференции, состоявшейся в Аддис-Абебе и спонсируемой Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). На основании проведенной конференции Милтон Оботе, первый премьер-министр и Президент Уганды, сразу же подчеркнул необходимость расширения образования

для удовлетворения потребностей национального развития, а в 1962 году приоритет был отдан среднему образованию [15].

Уганда нуждалась в тотальном пересмотре образовательной политики. В 1963 году Правительство назначило комиссию для введения общего стандарта получения базового образования, была организована комиссия под руководством профессора Эдгара Касла. В ходе работы комиссии была определена задача национализировать все общеобразовательные школьные учреждения.

В 1963 году в Уганде был принят Закон об образовании, который, по сути, национализировал образование, был направлен на укрепление национального единства, развитие людских ресурсов и систематизацию системы образования, разрушение монополии религиозных организаций и ее замену централизованной системой управления и финансирования [29].

В Уганде существовала политика шестилетнего непрерывного начального образования и двухлетнего обучения в неполной средней школе, которая была открыта для всех, кто мог за нее заплатить. Несмотря на тот факт, что была представлена свобода посещения, не каждый мог позволить себе получить качественное образование. Необходимо также выделить особую концентрацию школьного образования в таком регионе, как Буганда [23]. После обретения независимости в 1962 году Буганда достигла высоких показателей качества жизни и пикового уровня грамотности в стране. Основное внимание руководителей Республики было направлено на удовлетворение образовательных потребностей юга Уганды и Буганды в частности. Студенты обучались в элитных учебных заведениях, таких как Королевский колледж Будо («King's College Budo»), школы Итон и Харроу. Данные о приеме в Университет Макерере за 1953 год (это было единственное высшее учебное заведение в стране) показывают, что из общего числа 1698 африканских студентов, принятых в Колледж, 40% (671 чел.) были уроженцами Буганды [17].

Преимущество Буганды в области образования давало региону политические, экономические и социальные рычаги влияния на другие районы, что измерялось долей руководящих должностей в стране после обретения независимости и набором на государственную службу [17]. Более того, выгодное социальное

и экономическое положение региона по сравнению с другими районами Уганды подчеркивало его стремление к политической автономии.

Согласно Закону об образовании 1963 года государство получило возможность напрямую управлять учебными заведениями, которые ранее были разделены на основе религиозных и этнических принципов. Существование отдельных школ для разных групп населения приводило к высокой дополнительной нагрузке на педагогические кадры и чрезмерному расходованию ограниченных ресурсов страны [29].

Вектор новой политикой был направлен на африканизацию школьного персонала и уменьшение влияния учителей-экспатриантов; учебные планы постепенно пересматривались. В программе были отображены компоненты, направленные на изучение национальной истории, культуры и языков угандийцев, так как при колониальном режиме студенты изучали историю исключительно Британской империи, а история Уганды и народов Африки при этом игнорировалась.

В первом пятилетнем плане развития (1962–1966 гг.) была поставлена задача в области подготовки достаточного количества квалифицированных кадров для удовлетворения растущих потребностей страны. Основная часть государственных расходов на образование должна была быть сосредоточена на среднем и техническом образовании, поскольку существовавшие ограниченные возможности средних школ являлись препятствием для подготовки угандийцев к получению высшего академического профессионального и технического образования [17].

Уганда обладала огромным преимуществом по сравнению с другими странами – членами ВАС. Ко времени обретения независимости единственным университетом в регионе, совместно используемым тремя странами (Кенией, Танзанией и Угандой), был Восточноафриканский университетMakerere в Уганде. Таким образом, необходимость создания единой системы образования была продиктована практической необходимостью, если страны хотели совместно использовать Университет в стремлении быстро удовлетворить свои потребности в рабочей силе. Поступление в Университет должно было основываться на некотором согласованном количестве лет начального и среднего

образования или эквивалентной подготовке. Чтобы решить эту проблему, лидеры стран государств – Дж. Ньерере, Дж. Кенията и М. Оботе – призвали к введению общего семилетнего цикла начального образования. Уганда также внесла изменения, которые в 1967 году привели к объединению шестилетнего начального образования и двухлетней неполной средней школы в единую семилетнюю систему начального образования [15].

Влияние политической борьбы: «Север — Юг», стагнация сектора образования (1967–1985 гг.)

Этнические разногласия, постоянная борьба за контроль и управление страной между севером и югом были особенно ярко выражены в период руководства Милтона Оботе (1966–1971, 1980–1985 гг.), а также Иди Амина (1971–1979 гг.). Нестабильность и конфликты этих лет препятствовали распространению и развитию образования по всей Уганде [21]. Политическая жизнь Республики характеризовалась борьбой за власть между баганда, бывшими проводниками британского косвенного правления, и такими этническими группами, как ачоли, ланги и каква.

Правительство Милтона Оботе и его режим усилили разобщенность, отдавая предпочтение этническим группам ачоли и ланги, что вызвало недовольство со стороны других этнических групп и привело к политике «двойных стандартов», что сильно отразилось на секторе образования [21]. Институт образования часто использовался как инструмент для усиления этнических предрассудков и очернения других этносов (прежде всего, южных, таких как баганда), что приводило к ограничению доступа к качественному образованию и предвзятому отношению к учащимся [16].

В 1963–1970 годах произошел длительный период национализации сферы образования, что было отражено в Законе об образовании [28]. В этот период было достигнуто незначительное увеличение числа школ: так как финансирование сектора образования было незначительным со стороны правительства, помощь в большей степени иницировалась родительскими комитетами, которые играли весомую роль в финансировании. Например, в 1962 году насчитывалось всего 28 школ, получавших субсидии, в то время как в 1970 году их было 73. Увеличение числа новых начальных и средних школ, а также педагогических колледжей

отражает существенный рост частных расходов родительских комитетов на образование [23].

Стоит также отметить, что сохранялась проблема грамотного распределения школьных учреждений на всей территории страны. Эта проблема на протяжении длительного времени игнорировалась, увеличение охвата школьным образованием неблагополучных районов (таких, как Карамоджа) не рассматривалось. В течение первых двух десятилетий темпы развития образования в школах опережали возможности трудоустройства, которые когда-то существовали для выпускников школ. Создание новых рабочих мест оказалось сложным, медленным и дорогостоящим процессом [18].

С 1967 года в Уганде была внедрена образовательная модель «7–4–2–3», которая состояла из следующих этапов: семь лет начального обучения, четыре года средней школы, затем два года в старших классах средней школы или обучение в профессиональных колледжах, а также университетское образование, продолжительность которого варьировалась в зависимости от программы (обычно от трех до пяти лет). Для завершения начального уровня образования учащиеся сдавали итоговый экзамен «Primary Leaving Examination» (PLE).

Те, кто сдавали экзамен успешно, переходили в среднюю школу, которая имела два уровня: четыре года обычного уровня «O-level» и два года углубленного уровня «A-level». Обычный уровень эквивалентен 9–12 классам средней школы в США. Углубленный уровень обычно требовался для поступления в университеты. Поступление и окончание этих уровней определялись экзаменами, проводимыми Национальной экзаменационной комиссией Уганды. Успешная сдача экзаменов уровней «O-level» и «A-level» приводила к получению Сертификата об образовании Уганды «The Uganda Certificate of Education» (UCE) и Угандийского углубленного сертификата об образовании «The Uganda Advanced Certificate of Education» (UACE) [15].

Представленная модель была раскритикована в первую очередь студентами и их родителями. Большую часть населения Уганды составляют представители трех основных этнических групп – банту, хамиты и нилоты; в общей сложности насчитывается 28 племен. Баганда – самое многочисленное племя Уганды.

Важным вопросом оставался выбор языка, на котором проходило бы обучение в школьных учреждениях. Это, безусловно, было важно, так как население страны говорит на более чем 65 языках коренных народов. К ним, в частности, относятся: луганда, ру-ньянкора, рукига, ачоли, каква, мади и многие другие.

Для приведения единообразия образовательной системы был выбран английский язык, что являлось разумным решением. Английский язык как отдельная дисциплина изучался на протяжении всего семилетнего курса начальной школы. На четвертом году обучения такие предметы, как математика и физкультура, преподавались на английском языке; география, искусство, ремесла и музыка – в пятом классе, а к шестому и седьмому годам все предметы преподавались на английском языке. Эта система была принята Министерством образования и включена в программу начальной школы в 1965 году [17]. В 1967 году английский язык стал обязательным предметом для сдачи экзаменов в средней школе. Несмотря на частую смену персонала и вариативность школьных программ, каждая школа отвечала за разработку своей собственной учебной программы и схемы работы. Другими языками, которые изучались, но не были обязательными для сдачи экзаменов на получение школьного аттестата, были луганда, суахили, французский, латынь, гуджарати, панджаби, хинди, урду и арабский [17].

Проблема заключалась в том, что отмеченная модель постепенного изучения и погружения в языковую среду не смогла быть переложена конкретно для населения Уганды. В нескольких округах официальный язык не совпадал с основным местным языком, на котором говорят в данной местности. В целом по стране около 40% населения не являлись носителями ни одного из официально утвержденных школьных языков. Данная ситуация создавала трудности в обучении детей в том числе в освоении программы, так как изучение предметов велось на языке, который был им совершенно не знаком. Сложившаяся ситуация привела к тому, что учителя и родители потребовали, чтобы английский язык стал языком обучения как можно раньше, в первых классах начальной школы.

Политизация этнических и религиозных различий имела долгосрочные последствия, подпитывая многие насильственные

конфликты. В 1970-х годах печально известная своей жестокостью военная диктатура Иди Амина опустошила страну и подорвала ее зарождающиеся демократические институты. Политическое насилие во время правления Иди Амина унесло жизни около 300 тыс. угандийцев [3].

В 1970-х годах, во время правления И. Амина, внешняя политика Уганды стала крайне нестабильной и авантюрной, что значительно ухудшило международный имидж страны. В 1972 году из Уганды были изгнаны примерно 60 тыс. человек из индо-пакистанской общины [4]. Их имущество и бизнес были переданы угандийцам, преимущественно представителям военной сферы.

Экспроприация предприятий и их передача местным предпринимателям привели к появлению нового типа политической элиты – мафута минги, что привело к экономическому и социальному неравенству [17].

Под контролем этой элиты угандийское общество не имело возможности получить государственную финансовую поддержку, в результате чего государственные социальные службы (включая колледжи, школы и больницы) были лишены всех финансовых средств из-за коррупции и краж.

Политика в области образования при правлении И. Амина не была в приоритете. Статистические данные за период с 1971/1972 по 1977/1978 годы свидетельствуют о том, что государственные расходы на социальные услуги были сокращены. Снижение доли государственных расходов Министерства на социальные услуги отмечено с 22,6% ВВП в 1971/1972 году до 17,5% в 1977/1978 году [20].

В 1973 году Правительство Уганды создало Национальный центр разработки учебных программ в целях изменения методов обучения учащихся в школах по всей стране. Несмотря на то что меры были приняты для поощрения формирования национальной идентичности, национализации и африканизации образования, реформы не затронули значительную часть населения: большинство угандийцев по-прежнему не имели доступа к образованию из-за этнических разногласий и испытывали трудности при посещении школы в условиях нестабильности из-за постоянных столкновений и гражданской войны. Низкая успеваемость и непосещение школьных учреждений стали нормальными явле-

ниями в 1970-х годах в Уганде; сектор образования недофинансировался, образовательный процесс был нарушен, школьная инфраструктура уничтожалась [21]. Школьные администраторы, работавшие в то время в школах, подтверждают, что сокращение объема денежных средств на обучение было значительным и, вероятно, намного превышало обнародованные цифры.

Агрессивные территориальные притязания Иди Амина к соседним государствам — Судану, Кении и Танзании — стали причиной разрыва дипломатических и торговых отношений Уганды с другими странами Восточной Африки. В период 1971–1972 годов на границе между Угандой и Танзанией происходили вооруженные конфликты [4].

По словам Хаджи Абубакера Какембо, бывшего главного специалиста Министерства образования, отток квалифицированной рабочей силы оказал серьезное влияние на образовательный процесс, административное управление и преподавание: «Наша система образования выпускала квалифицированных специалистов, но при этом не имела возможности привлечь их остаться из-за высокой политической нестабильности, что приводило к “утечке мозгов” в Южную Африку, Кению, Намибию, Замбию и Овенеасе... они [квалифицированные преподаватели] здесь не работали» [17].

Успехи, достигнутые в 1960-х и 1970-х годах, были сведены на нет после осуществления экономических реформ, продвигаемых Всемирным банком и Международным валютным фондом. Сектор образования серьезно пострадал, когда было введено совместное несение расходов и родителям было предложено взять на себя часть финансового бремени во время обучения своих детей. Финансовые и кадровые проблемы были одними из многих, с которыми сталкивалось Правительство при обеспечении образования в 1970-х и в начале 1980-х годов [13]. Фактически управление образовательными учреждениями осуществлялось через множество ассоциаций родителей и учителей. Эти ассоциации играли ключевую роль в сборе взносов, которые затем распределялись в соответствии с потребностями школ, занимались закупкой учебных пособий и оплачивали труд преподавателей.

Новая комиссия подтвердила предложение третьего пятилетнего плана развития (1972–1976 гг.) о введении всеобщей

го начального образования к 2000 году. Чтобы воплотить это в жизнь, необходимо было осуществить следующее: увеличить количество учащихся в начальной школе, обеспечить бесплатное всеобщее начальное образование в возрастной группе 6–10 лет к 1990 году и обеспечить всеобщее зачисление в старшие классы начальной школы вплоть до 7-го класса. Хотя эти рекомендации казались полезными для обеспечения всеобщего доступа к образованию, отчет комиссии так и не был рассмотрен Правительством и не был опубликован из-за нестабильности в регионе вследствие освободительной войны 1979 года между Угандой и Танзанией [25]. В свою очередь, война привела к массовому разрушению образовательной инфраструктуры и ухудшению состояния объектов [22]. Иди Амин попытался аннексировать регион Кагера в Танзании, объявив его частью Уганды.

На фоне политической нестабильности в 1960-х годах в Уганде вполне предсказуемо в отличие от других новых независимых стран Африки к югу от Сахары не наблюдалось аналогичного роста в сфере образования: общий показатель охвата начальным образованием, составлявший около 50% в 1980 году, практически соответствовал уровню 1960 года [7].

Напротив, в других странах Африки к югу от Сахары, по которым имеются данные, общий показатель охвата начальным образованием увеличился в среднем с 43,2% в 1960 году до 79,5% к 1980 году. После свержения диктатуры Амина в середине 1970-х годов Уганда начала догонять остальной континент и к 1985 году достигла общего показателя охвата начальным образованием в 73% [7]. Главным образом из-за высокой стоимости начального образования для родителей эти показатели оставались относительно постоянными до 1995 года, непосредственно предшествовавшего введению в действие политики всеобщего начального образования. В 1970-х годах среднегодовой прирост учащихся начальной школы в Уганде составлял лишь 6%, тогда как в Кении – 12%, а в Танзании – 16% [23]. Есть и положительные тенденции в решении проблемы гендерного равенства, например в Уганде число девочек, поступающих в школу, увеличилось с 37% от общего числа учащихся в 1965 году до 40% и 44% в 1974 и 1983 годах соответственно [2].

Поскольку различные группировки внутри боролись за политическую власть, политический и экономический климат в Уганде в период с 1979 по 1986 год отнюдь не способствовал разработке и осуществлению масштабных социальных реформ. В частности, период с 1980 по 1985 год в большей степени отмечен отсутствием безопасности и политическими потрясениями, которые привели к четырем сменам правительства. В 1986 году Национальная армия сопротивления, состоящая из южан, успешно начала партизанскую войну в целях свержения Тито Окелло и провозгласила своего лидера Йовери Мусовени новым президентом Уганды [5].

Содействие международных доноров в перезапуске новой системы образования

После прихода к власти президента Йовери Мусовени в 1986 году, завершившего кровопролитную гражданскую войну против режима Милтона Оботе, в 1987 году под председательством была учреждена Комиссия под председательством профессора Сентезы Каджуби по пересмотру образовательной политики «Education Policy Review Commission» (EPRC), которая получила полномочия разрабатывать рекомендации по улучшению образовательной системы на всех ее уровнях [25].

В результате проведенных обсуждений Комиссия предложила в 1989 году внедрить программу всеобщего начального образования (ВНО) («Universal Primary Education» (UPE)). Итогом работы стало издание в 1992 году официального правительственного документа, известного как «Белая книга» [14], а в 1993 году Правительство Уганды и Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) приступили к реализации ряда инициатив и реформ, направленных на подготовку и внедрение программы ВНО. Основные задачи были направлены на повышение квалификации преподавателей и руководства, реформу учебной программы и ее оценки, разработку учебных материалов и внедрение новых механизмов мониторинга прогресса [27]. Это стало ответом на международные конференции и саммиты 1990-х годов, которые привели к принятию Целей развития тысячелетия ООН, в том числе цели 4: обеспечить всеобщее начальное образование к 2015 году [24].

С 1997 года Правительство Уганды реализовало ряд стратегий и вложило значительные средства по улучшению и расширению сферы образования. Ключевые стратегии включали в себя введение ВНО в 1997 году и всеобщего среднего образования (ВСО) («Universal Secondary Education» (USE)) в 2007 году, а также создание центров развития детей младшего возраста [15].

После объявления о создании ВНО в конце 1996 года Правительство обязалось выплачивать плату за обучение в размере 5000 угандийских шиллингов на ученика в месяц (4,7–5,1 долл.) в течение первых трех лет обучения в школе и 8100 угандийских шиллингов (6,7–8,1 долл.) за обучение в 4–7 классах. Другие расходы на школьное обучение, такие как транспорт и школьная форма, по-прежнему ложились на плечи семей. Если сравнить эти сборы с местными зарплатами, то в 1999 году учитель в государственной школе в Уганде зарабатывал около 75 тыс. шиллингов в месяц (46,8–53,5 долл.) [11].

Отмена платы за обучение лишила школы, получающие государственную помощь, одного из основных источников финансирования и заменила его обязательством значительно увеличить финансирование со стороны Правительства. По данным Министерства образования и спорта Уганды, в 1999 году родительские взносы покрывали до 90% текущих и капитальных расходов школ непосредственно перед отменой платы за обучение. Введение ВНО изначально повысило зависимость государственных школ от получения денежных средств из Кампалы [15].

Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в середине 1990-х годов, до введения политики ВНО, финансирование со стороны Правительства Уганды практически не поступало в школы. В 1991–1995 годах только 13% дотаций на покрытие расходов, не связанных с оплатой труда, фактически поступали в школы Уганды. В 1997 году Правительство передало ответственность за финансирование школ районным советам и начало публиковать информацию об уровне подушевых субсидий в местных газетах. В результате к 1999 году, согласно данным отчета о государственных расходах, доля подушевых субсидий, получаемых школами, увеличилась с 13 до 80%. Финансовые операции по предоставлению субсидий на образование вместо финансовой децентрализации стали рассчитываться центра-

лизованно, а затем распределяться между округами в виде обусловленных, безусловных или уравнительных субсидий [15]. Условные гранты были предусмотрены в бюджете в виде подушевых пособий, которые распределялись между школами в соответствии с количеством учащихся.

В 1998 году Министерство образования подверглось постконституционной реструктуризации. Центральное правительство приступило к укреплению инфраструктуры и институтов Министерства образования. Было создано много новых национальных учреждений, и часть функций были переданы районам. Были созданы новые полуавтономные учреждения, например Агентство по стандартам образования, Комиссия по услугам в области образования, Национальный совет Уганды по делам ЮНЕСКО [28].

Поскольку плата за обучение в школе была отменена до того, как были проведены инфраструктурные улучшения в школьной системе, шок, вызванный отменой платы, привел к существенному первоначальному сокращению ресурсов, имеющихся в распоряжении на одного учащегося, и значительному увеличению соотношения между учениками и преподавателями.

Согласно данным, приведенным в докладе «Цели развития Уганды на рубеже тысячелетий», в 2002 году соотношение количества учебников на одного ученика в угандийских школах возросло до 1:4,3. Однако к 2003 году соотношение количества учебников на одного ученика было 1:3, а количество учащихся в классе – 1:55, при этом соотношение количества учащихся за партой – 1:3. Помимо дальнейших крупномасштабных инвестиций в инфраструктуру Правительство Уганды взяло на себя обязательство подготовить большое число новых учителей в рамках проекта начального образования и повышения квалификации учителей, осуществляемого с 1995 года, и добиться соотношения количества учебников на одного ученика 1:1 [12].

Реализация реформы Целей развития тысячелетия (прежде всего, ЦУР4), программы всеобщего начального и среднего образования привели к ряду результатов, но наиболее значимыми являются три из них. Во-первых, число учащихся начальных школ увеличилось. После введения программы ВНО в 1997 году число учащихся начальных школ увеличилось более чем в 2 раза: с 3,1 млн (по данным на 1996 г.) до 7,5 млн 11 лет спустя [12]. Рост

числа учащихся начальных школ включал в себя детей, у которых не было финансовых возможностей посещать школу до введения ВНО. Среди них были дети из бедных семей, а также сироты. Характерно значительное увеличение показателей посещаемости среди детей из бедных семей — с 46% в 1992 году (до введения ВНО) до 78% в 1997 году (после введения ВНО), при этом разрыв в показателях посещаемости между нижним и верхним квинтилями значительно сократился. Кроме того, по показателю UPE увеличилось число учащихся девочек, улучшив гендерное равенство на 6% в период с 2000 по 2007 год [11]. Это также снизило процент детей, не посещающих школу: на 25,8% для мальчиков и на 24,3% для девочек, — особенно это касалось детей из неполных семей и сирот. Таким образом, политика ВНО значительно расширила доступ к образованию для детей, которые раньше не посещали школу, в том числе для детей из бедных семей и сирот.

Во-вторых, в Уганде повысился уровень грамотности. В частности, после внедрения UPE уровень грамотности среди молодежи вырос примерно на 16 процентных пунктов (с 69,8% в 1991 г. до 85,3% в 2006 г.). В такой бедной развивающейся стране, как Уганда, эти изменения являются значительными [11].

В-третьих, после введения ВНО Правительство резко увеличило расходы на образование: с 10,4% национального бюджета в 1990 году до 26% в 1999 году. В 2007 году расходы составили 23,8% национального бюджета. Это увеличение расходов на образование в национальном бюджете заслуживает особого внимания, поскольку без внедрения ВНО сектор образования, возможно, не получил бы такого увеличения финансирования, что в итоге повлияло на развитие образования в частности и на развитие человеческого потенциала в Уганде в целом [11].

Несмотря на достижения в программах по предоставлению начального и среднего образования, в стране до сих пор один из самых высоких в мире показателей отсева из начальной школы. Данные о точном количестве детей, бросающих школу, разнятся в зависимости от учебного заведения. Согласно оценкам успеваемости, в Уганде только 32,1% всех школьников остаются в школе до 7-го класса, что указывает на уровень отсева в 67,9% в начальной школе. Статистика индекса человеческого развития показывает более ужасающую оценку: в общей сложности 75,2%

детей младшего школьного возраста в возрасте от 7 до 15 лет покидают образовательные учреждения [15].

Основные причины высокого отсева можно найти в следующих факторах: несовершенная реализация образовательной политики, родительские обязанности, способ распределения финансовых средств и, как ни странно, сама бедность, которая по-прежнему является препятствием для получения образования.

Мнение гражданского населения на предоставляемые образовательные услуги: анализ данных «Афробарометра»

Основные причины масштабного ухода детей из государственных школ, высокого отсева на уровне начальной и средней школы можно изучить на основе баз данных «Афробарометра» (Afrobarometer)¹. Стандартные исследования «Афробарометра» проанализированы в Уганде с 2000 по 2024 год. В ходе каждого раунда анализа опрашиваются 2400 взрослых угандийцев (стратифицированная случайная выборка); репрезентативность достигается за счет случайного отбора на национальном уровне. Выборка такого размера позволяет получить результаты на уровне страны с погрешностью +/-2 процентных пункта при уровне достоверности 95%. Национальные партнеры «Афробарометра» проводят личные интервью на том языке, который выбирает респондент. В основе работы были изучены вопросы относительно получаемого образования среди населения и того, насколько граждане Республики удовлетворены получаемыми услугами со стороны государства, во всех раундах, с 2000 по 2024 год.

На основании полученных данных сектор «Образование» занимает 2-е место после сектора «Здравоохранение» среди приоритетных вопросов, которые угандийцы хотели бы, чтобы Правительство решало эффективно. Более 1/3 граждан назвали образование одним из трех своих главных приоритетов (1-е место — здравоохранение (62%), 2-е место — образование (36%), 3-е место — инфраструктура, дороги (34%)). На протяжении двух десятилетий образование неизменно считается основным приоритетом для 1/3 населения (рис. 1).

¹ Afrobarometer («Афробарометр») — это panaфриканская независимая исследовательская сеть, которая предоставляет достоверные данные об опыте африканских стран, оценке их демократии, государственного управления и качества жизни. Сеть «Афробарометра» в Уганде возглавляется компанией «Hatchile Consult Ltd.».

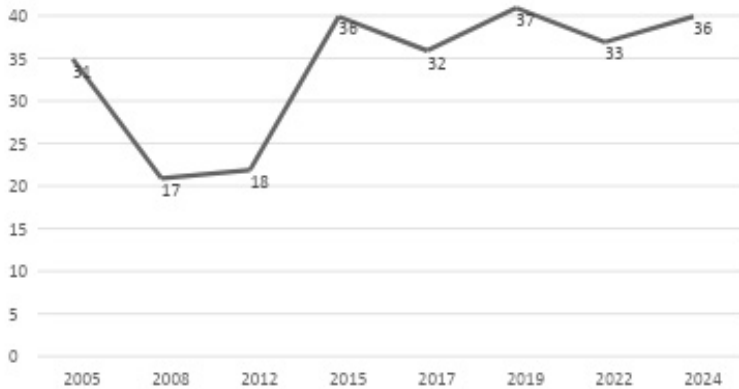

Рис. 1. Приоритетность получения качественного образования в Уганде, по мнению населения (2005–2024 гг.)¹

Почти 2/3 (64%) взрослых говорят, что дети школьного возраста, проживающие по соседству с ними, «довольно часто» или «очень часто» не посещают школу (рис. 2). Учитывая результаты общенационального опроса, сведения из баз данных «Афробарометра» за период с 2000 до 2022 года, можно выделить ряд причин.

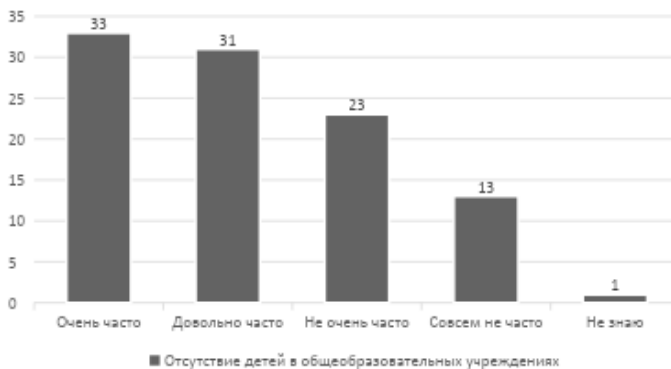

Рис. 2. Показатели посещаемости в образовательных учреждениях Уганды, 2024 г.²

Первая причина – недостаточное финансирование для оплаты расходов на обучение в школе. Это связано с наиболее распространенной формой бедности, а именно с нехваткой финансовых ресурсов или доходов. Родители нуждаются в помощи детей,

¹ Источник: составлено автором на основе [6].

² Источник: составлено автором на основе [6].

которые вынуждены заниматься домашним хозяйством, чтобы они имели возможность выйти из дома и заработать любым возможным способом. Дети обычно занимаются приготовлением пищи, уборкой по дому, доставляют воду или дрова, ухаживают за животными, работают на семейных фермах или предприятиях. Кроме того, домашняя работа, которую выполняют дети, включает в себя в том числе уход за младшими братьями и сестрами, пожилыми или больными родственниками.

Вторая причина – отдаленное местоположение школьных учреждений. Школы распределены по всей стране неравномерно: более благоприятная ситуация представлена в Кампале (100%), Западном (96%) и Центральном (92%) регионах, где доля угандийцев, живущих в нескольких минутах ходьбы, превалирует в отличие от школ на Севере (52%), где детям сложнее добираться до школьных учреждений.

Программа всеобщего начального и среднего образования в том виде, в котором она реализуется в Уганде в настоящее время, не отвечает многообразным и повседневным потребностям бедных слоев населения.

Это является также проблемой, которая не решается должным образом в рамках существующих международных концепций развития крупных проектов, инициированных ЮНЕСКО или Всемирным банком, поскольку они, как правило, игнорируют необходимость в преобразующей политике, которая является межотраслевой, а не только предназначенной для сектора образования.

Каждый девятый респондент (11%) сообщил о том, что в той или иной форме получил послесреднее образование, в то время как 1/3 (33%) опрошенных получили среднее образование. Почти половина (46%) респондентов посещали только начальную школу, а 10% опрошенных сообщили, что никогда не получали формального образования. Уровень образования граждан в разных демографических группах значительно различается. Девочки чаще, чем мальчики, пропускают учебу в школе (13% против 6%) и реже продолжают свое образование после окончания средней школы (8% против 14%) (рис. 3).

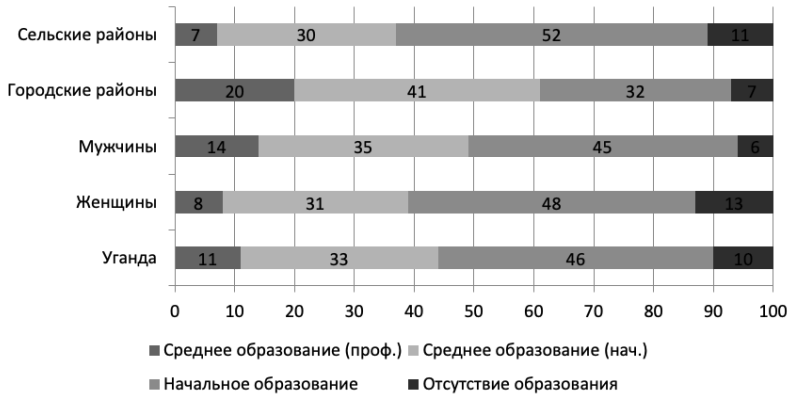

Рис. 3. Уровень образования среди населения Уганды, 2024 г.¹

Городские жители (20%) и жители Кампалы (23%) более образованны и имеют уровень среднего профессионального образования, в то время как 1/3 жителей северной Уганды сообщили, что имеют только начальное образование (56%) или вообще не имеют формального школьного образования (20%). Две трети жителей очень бедных общин либо получили образование на уровне начальной школы (57%), либо вообще не посещали школу (11%). Сектор базового образования по-прежнему страдает от недостатка учебной инфраструктуры, низкого соотношения числа учителей и учащихся и нехватки учебных материалов.

Заключение

Рассматривая историю становления системы образования Уганды, стоит отметить, что страна прошла многие испытания, система плохо финансировалась, крупные взносы направлялись родительскими советами. Образовательный процесс обучающихся часто прекращался из-за гражданских войн, столкновений и политической нестабильности страны в период 1970–1980-х годов. Большинство рекомендаций, вынесенных специальными комиссиями, либо так и не были выполнены, либо были выполнены частично.

Однако с начала 1990-х годов в стране прошли успешные реформы при участии международного сообщества и крупных программ, инициированных ООН и ЮНЕСКО, таких как «Цели развития тысячелетия» (прежде всего, ЦУР4), «Образование для всех»

¹ Источник: составлено автором на основе [6].

и др. Ключевые и относительно успешные стратегии были приняты для увеличения числа детей в школьных учреждениях: введение всеобщего начального образования в 1997 году и всеобщего среднего образования («Universal secondary education» (USE)) в 2007 году.

Республика Уганда предприняла эффективные меры по укреплению системы образования за последние два десятилетия. Государство продемонстрировало свою приверженность реформам, что отмечено в подписании важных международных документов и соглашений. Уганда подписала Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [9], которая в ст. 10 призывает к обеспечению равных прав на образование. В других политических документах, таких как правительственная «Белая книга по вопросам образования» (1992), программа «Видение 2040», Стратегический план развития сектора образования на 2004–2015 годы, План действий по искоренению нищеты на 2004–2008 годы, образование признано ключевым фактором развития страны по борьбе с бедностью [19].

Несмотря на усилия различных комиссий по поиску решений проблем образования, страна по-прежнему сталкивается с серьезными трудностями в вопросах качества, равенства и доступности образовательных услуг. В Уганде всё больше внимания уделяется на сегодняшний день улучшению качества образования. Это достигается благодаря более тщательной подготовке учителей, увеличению количества специализированных классов и развитию инфраструктурных программ.

Литература

1. Грибанова В.В., Уланова Н.С. Цифровая трансформация образования в странах Африки южнее Сахары: общие тенденции и опыт Кении и Уганды // *Азия и Африка сегодня*. — 2022. — № 12. — С. 54–61.
2. Образование в Африке. — М.: Ин-т Африки РАН, 2013. — 284 с.
3. Позднякова А.П. Республика Уганда. — М.: Ин-т Африки РАН, 2012. — 218 с.
4. Позднякова А.П. Тенденции внешней политики Уганды // *Ученые записки Института Африки РАН*. — 2018. — № 3. — С. 42–53.
5. Позднякова А.П. Уганда: особенности электорального процесса // *Ученые записки Института Африки РАН*. — 2015. — № 1. — С. 94–104.
6. Afrobarometer. — 2024. Dispatch No. 929.
7. Appleton S. Education, incomes and poverty in Uganda in the 1990s / The University of Nottingham, Centre for Research in Economic Development and International Trade (CREDIT) // *CREDIT Research Paper*. — 2001. — No. 1 (22).
8. Comprehensive Evaluation of the Universal primary Education (UPE) policy. Financing and costing of UPE. Thematic report 5. National Planning Authority. — Republic of Uganda, 2018.

9. Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. — N.Y., 18 December 1979. — URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/1981/09/19810903%2005~18%20AM/Ch_IV_8p.pdf (accessed: 07.04.2025).
10. *Deininger K.* Does cost of schooling affect enrollment by the poor? Universal primary education in Uganda // *Economics of Education Review*. — 2003. — No. 22. — P. 291–305. — DOI: 10.1016/S02727757 (02)00053–5.
11. Education for Sustainable Development Goals: Learning Objectives / UNESCO. — P., 2017. — URL: <http://www.unesco.org/open-access/terms-useccbysa-en> (accessed 08.04.2025).
12. Education Statistic Abstract 2007. Kampala, Uganda: Ministry of Education and Sports, 2008. — URL: http://www.education.go.ug/primary_educln_statistics_abs2007.html (accessed: 08.04.2025).
13. *Furley O.* Education in post-independent Uganda: change amidst strife // Uganda Now., eds. Holger Hansen and Michael Twaddle. — Athens, OH: Ohio University Press, 1988. — 194 p.
14. Government White paper on the Education policy Review Commission Report on Education for National Integration and Development. — Kampala: Republic of Uganda, 1992. — URL: <https://searchworks.stanford.edu/view/3479618> (accessed: 07.04.2025).
15. *Grogan L.* Universal Primary Education and School Entry in Uganda // *Journal of African Economies*. — 2009. — No. 2. — P. 183–211. — URL: <https://doi.org/10.1093/jae/ejn015>.
16. *Lwanga-Lunyiigo S.* A History of the Democratic Party of Uganda: The First Thirty Years (1954–1984) / Samwiri Lwanga-Lunyiigo, 2015. — 222 p.
17. *Mutibwa P.* Uganda since Independence: A Story of Unfulfilled Hopes. — L.: Hurst and Co. Publishers, 1992. — 209 p.
18. *Nabuguzi E.* Popular Initiatives in Service Provision in Uganda // Joseph and Ole Therkildsen Semboja (ed.). *Service Provision under Stress in East Africa*. — Copenhagen: Centre for Development Research, 1995.
19. New vision. The Castle, Kajubi commissions set the basis for Uganda's education. 17th July 2017. — URL: https://www.newvision.co.ug/new_vision/news/1304099/castle-kajubi-commissions-set-basis-ugandaeducation (accessed: 07.04.2025).
20. *Oketch M., Rolleston C.* Policies on free primary and secondary education in East Africa, retrospect and prospect // *Review of Research in Education*. — 2007. — No. 31. — P. 131–158.
21. *Oloka-Onyango J., Barya J.J.* Civil society and the political economy of foreign aid in Uganda // *Democratization*. — 1997. — No. 4. — P. 113–138. — DOI: 10.1080/13510349708403517.
22. Report of the Education Policy Review Commission. — Kampala, Uganda: Ministry of Education and Sports (MoES), 1989.
23. *Rubongoya J.B.* Regime Hegemony in Museveni's Uganda. — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2007. — 71 p.
24. *Ssekamwa J.C.* History and Development of Education in Uganda. — Kampala: Fountain Publishers Ltd., 1997. — 25 p.
25. Sustaining Gains in the Education Sector. Annual report / United Nations Children's Fund (UNICEF) Uganda 2023. — URL: <https://www.unicef.org/uganda/reports/sustaining-gains-education-sector> (accessed: 08.04.2025).
26. The Constitution of the Republic of Uganda. — Kampala, Uganda: Government of Uganda, 1995.
27. The Development of Education in Uganda in the last 10 Years. — Geneva: Ministry of Education and Sports, 2001.
28. The Education Act (2008) / UPPC. — Entebbe: Government of Uganda, 2008.
29. The Laws of Uganda. Cap. 127. Education Act (1963). — Entebbe: Government Printer, 1963.
30. *Tumushabe J., et al.* Gender and primary schooling in Uganda / J. Tumushabe, C.A. Barasa, C.A. Muhanguzi, & J.F. Otim-Nape. — Kampala, Uganda & Brighton, UK: Forum for African Women Educationalist, Ministry of Education, Uganda, and Institute of Development Studies, University of Sussex, 1999.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Карпович Олег Геннадьевич,

проректор Дипломатической академии МИД России, Москва.

Oleg G. Karpovich,

Vice-Rector of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: ogk@dipacaceemy.ru

Стриханов Михаил Николаевич,

вице-президент Российской академии образования, академик РАО, Москва.

Mikhail N. Strikhanov,

Vice-President of the Russian Academy of Education, Academician of the Russian Academy of Education, Moscow.

E-mail: s-yg@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

THE MAIN PRIORITIES FOR THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA

Аннотация: целью данной статьи является анализ основных приоритетов развития высшего образования в России, закрепленных в ключевых стратегических документах. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: изучить и проанализировать ключевые стратегические документы, определяющие приоритеты развития высшего образования, а также систематизировать и обобщить основные направления развития высшего образования, определенные в исследуемых документах.

Ключевые слова: образование, стратегические документы, стратегия, университеты, президент, правительство, рынок труда.

Abstract: the purpose of this article is to analyze the main priorities for the development of higher education in Russia, as outlined in key strategic documents. To achieve this goal, the following tasks need to be addressed: to study and analyze key strategic documents that define the priorities for the development of higher education, and to systematize and summarize the main areas of development for higher education as identified in the documents under study.

Key words: education, strategic documents, strategy, universities, president, government, labor market.

Развитие высшего образования — это один из факторов экономического и социального прогресса нашей страны. За последние несколько лет эта система претерпела серьезные изменения вслед за динамично меняющимися требованиями рынка труда и новыми потребностями современного молодого поколения. Традиционный акцент на теоретических знаниях постепенно сместился в сторону практико-ориентированного обучения; параллельно с этим наблюдается также рост популярности «микрообучения», который позволяет студентам и слушателям самостоятельно формировать учебные программы. Помимо этого популярнее становится неформальное образование, например сертификаты о прохождении специализированных курсов, свидетельства и удостоверения, подтверждающие освоение конкретных навыков, всё чаще рассматриваются как документы, равноценные диплому о высшем образовании.

Нельзя не сказать и о росте общего числа обучающихся по программам высшего образования. Вместе с этим к 2025 году выросло и общее количество университетов (табл. 1).

Таблица 1

Динамика числа обучающихся по программам высшего образования и количества университетов, 2020–2025 гг. [1]

Период времени	Число обучающихся по программам высшего образования, млн чел.	Количество университетов, ед.
2020 г.	4068	1096
2021 г.	4049,3	1058
2022 г.	4100	1010
2023 г.	4330	1010
2024 г.	4516,2	1012
2025 г.	4550	1115

Для наглядности представим данные в виде графика (рис. 1).

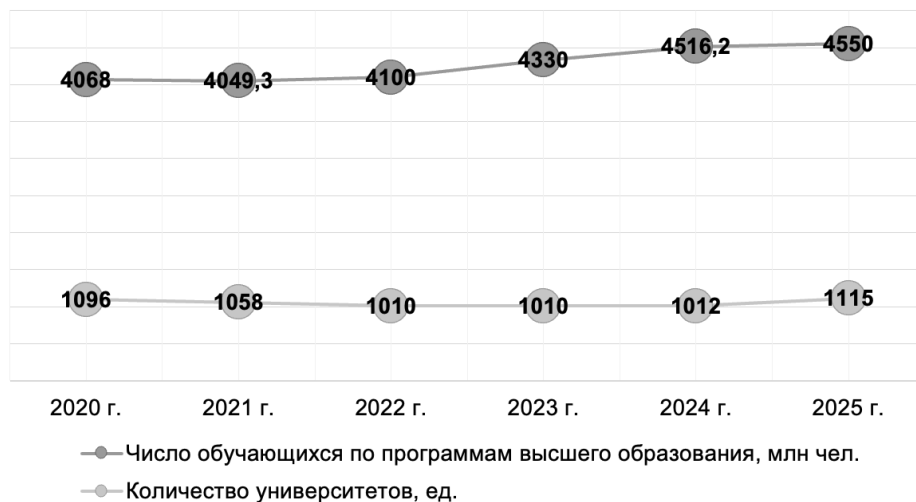

Рис. 1. Динамика числа обучающихся по программам высшего образования и количества университетов, 2020–2025 гг.

Можно сказать, что востребованность высшего образования в России остается достаточно высокой. Следует рассмотреть основные стратегические документы, закрепляющие основные приоритеты развития высшего образования в Российской Федерации.

Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 (ред. от 26.06.2023) «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования».

В стремлении к оптимизации системы высшего образования 12 мая 2023 года Президент РФ подписал Указ, который предполагает перестройку традиционной структуры бакалавриата и магистратуры посредством внедрения двухуровневой модели, состоящей из базового и специализированного высшего образования.

В рамках этой реформы базовый уровень призван заменить существующие программы бакалавриата и специалитета. Продолжительность обучения на данном этапе варьируется от четырех до шести лет. Второй уровень, специализированный, включает в себя программы магистратуры, ординатуры и ассистентуры-стажировки. Этот уровень нацелен на углубленное изучение узкоспециализированных областей и приобретение практических

навыков, необходимых для профессиональной деятельности. Продолжительность обучения здесь, в зависимости от направления подготовки, квалификации и потребностей конкретной отрасли, колеблется от одного до трех лет. Аспирантура, в свою очередь, выделяется в отдельную ступень профессионального образования, ориентированную на подготовку высококвалифицированных научных кадров [8].

Для практической реализации и апробации новой модели были выбраны шесть ведущих вузов страны, представляющих различные направления науки и образования. Среди них, в частности, МАИ, МИСиС, МПГУ и др.

Помимо этого в 2025 году в России стартовал пилотный проект по внедрению производственной аспирантуры, направленный на укрепление связи между наукой и производством и подготовку кадров для высокотехнологичных отраслей. Инициатива предполагает активное участие предприятий в образовательном процессе и включает в себя практику, определение тем исследований и оценку знаний аспирантов.

У проекта есть несколько важных особенностей. Во-первых, темы диссертаций аспирантов должны быть непосредственно связаны с решением прикладных задач, стоящих перед конкретным предприятием, в целях разработки инженерно-технических решений, готовых к внедрению в производство. Во-вторых, для обеспечения качественного руководства и координации исследований за каждым аспирантом закрепляются как академический научный руководитель из университета, так и консультант, представляющий предприятие — потенциального работодателя. В-третьих, индустрия принимает активное участие во всех этапах образовательного процесса, начиная с формирования учебных программ и заканчивая оценкой знаний и навыков аспирантов на экзаменах и вступительных испытаниях.

Несмотря на перспективность, концепция производственной аспирантуры требует соответствующего законодательного закрепления.

Президент Российской академии образования, академик РАО О.Ю. Васильева выделяет несколько приоритетов для высшего инженерного образования в России, подчеркивая при этом его роль в достижении технологического суверенитета страны.

По ее мнению, необходимо готовить квалифицированные кадры, снижать зависимость от импорта технологий и всемерно поддерживать высокотехнологичные отрасли. Для этого требуются модернизация образовательных программ, акцент на практико-ориентированных курсах, стажировках и тесном сотрудничестве с бизнесом. При этом фундаментальная подготовка, особенно в области физико-математических наук, должна оставаться краеугольным камнем инженерного образования. О.Ю. Васильева подчеркивает необходимость популяризации инженерных специальностей среди молодежи, значимость создания привлекательных карьерных перспектив и поддержания интереса к техническим дисциплинам еще со школьной скамьи [3].

Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

Стратегия научно-технологического развития задает вектор государственной политики в сфере науки и технологий, ориентированной на долгосрочное обеспечение устойчивого, динамичного и сбалансированного развития страны. Целями научно-технологического прогресса провозглашаются достижение национальной независимости и повышение конкурентоспособности государства на мировой арене посредством эффективного наращивания и использования интеллектуального потенциала нации.

В рамках достижения указанных целей Стратегия определяет ряд следующих приоритетных задач [9]:

- формирование интегрированной системы «наука — технологии — производство», предусматривающей создание эффективной платформы взаимодействия между научными организациями, технологическими компаниями и производственными предприятиями, направленной на повышение восприимчивости экономики и общества к инновациям и развитие наукоемкого предпринимательства;
- создание благоприятной среды для научных исследований и разработок, обеспечивающей доступность инфраструктуры и условия для проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, для внедрения передовых наукоемких технологий;

- развитие кадрового потенциала в сфере науки и технологий, подразумевающее создание возможностей для выявления, обучения и поддержки талантливой молодежи, стимулирование их профессионального роста и построения успешной карьеры в области науки, технологий и наукоёмкого предпринимательства;
- оптимизация системы управления научно-технологической сферой, направленная на совершенствование механизмов управления в области науки, технологий и производства, а также на привлечение инвестиций в данную сферу;
- и, наконец, развитие международного научно-технического сотрудничества, предусматривающее формирование эффективной модели международного научно-технического сотрудничества и интеграцию в глобальное научно-технологическое пространство [9].

Реализация Стратегии научно-технологического развития предполагает комплекс мер, направленных на стимулирование инновационной деятельности и создание благоприятной среды для развития науки и технологий.

В контексте высшего образования и научных организаций названный Указ Президента предусматривает:

- модернизацию материально-технической базы, развитие отечественного научного приборостроения;
- обеспечение доступа к информационным ресурсам и научной инфраструктуре;
- создание условий для выявления и поддержки талантливой молодежи, стремящейся к карьере в науке и технологиях;
- вовлечение научных и образовательных организаций в процессы технологического обновления отраслей экономики;
- совершенствование системы подготовки и переподготовки кадров по приоритетным научно-технологическим направлениям [9].

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

В соответствии с Указом № 309, определившим национальные цели развития на период до 2030 года и последующую перспективу, системе высшего образования вменяется ключевая

роль в достижении стратегических задач государства. В рамках реализации данного документа трансформация высшего образования должна быть направлена на достижение следующих взаимосвязанных приоритетов [10].

1. Создание образовательной среды, способствующей гармоничному развитию обучающихся, формированию у них гражданской ответственности, патриотических убеждений и ориентации на традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности.

2. Реализация стратегии активной интернационализации, ориентированной на привлечение иностранных студентов и создание благоприятных условий для развития международного академического сотрудничества, с целевым показателем численности иностранных обучающихся в 500 тысяч к 2030 году.

3. Создание и реализация программ и проектов, направленных на всестороннее развитие молодежи, формирование у нее профессиональных компетенций, личностных качеств и патриотического самосознания, обеспечивающих ее успешную интеграцию в различные сферы общественной жизни. При этом ключевым индикатором успешности данных программ является увеличение к 2030 году доли молодых людей: участвующих в них — до 75%; уверенных в возможностях самореализации в России — до 85%; вовлеченных в добровольческую и общественную деятельность — до 45%.

4. Разработка и внедрение эффективных механизмов выявления, всесторонней поддержки и развития одаренных детей и молодежи, основанных на принципах справедливости, ответственности и доступности для всех, направленных на содействие их профессиональному самоопределению и реализации потенциала, с охватом 100% обучающихся.

5. Формирование современной системы профессионального развития педагогических работников высшей школы, обеспечивающей их непрерывное обучение и совершенствование, с акцентом на ежегодное повышение квалификации не менее 10% преподавательского состава на базе ведущих образовательных и научных организаций страны [10].

Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений

научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий».

Указ утверждает ряд приоритетных направлений научно-технологического развития, к которым относятся [11]:

- разработка и внедрение высокоэффективных и ресурсосберегающих энергетических технологий;
- развитие превентивной и персонализированной медицины, направленной на обеспечение здорового долголетия;
- создание высокопродуктивного и устойчивого к изменениям климата сельского хозяйства;
- обеспечение безопасности получения, хранения, передачи и обработки информации;
- разработка интеллектуальных транспортных и телекоммуникационных систем, включая автономные транспортные средства;
- укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня образования;
- адаптация к изменениям климата, сохранение и рациональное использование природных ресурсов [11].

В соответствии с положениями данного Указа был сформирован исчерпывающий перечень важнейших наукоемких технологий. Данный перечень, включающий в себя 28 позиций, структурирован по принципу отнесения к категориям критических и сквозных технологий, то есть отражена их различная степень значимости для обеспечения национальной безопасности и конкурентоспособности страны. В частности, в перечень вошли технологии, имеющие значение для повышения качества жизни и продолжительности активного долголетия, а именно биомедицинские и когнитивные технологии. Внимание уделено и развитию энергетической отрасли посредством разработки технологий создания энергетических систем с замкнутым топливным циклом. Также в перечень включены технологии, направленные на укрепление технологической независимости страны, в том числе технологии создания отечественных средств производства и научного приборостроения. Развитие транспортной инфраструктуры предусматривается за счет внедрения транспортных технологий для различных сред (морской, наземной, воздушной), в том числе беспилотных и автономных систем.

В перечень включены и технологии искусственного интеллекта. Экологическая устойчивость и ресурсосбережение обеспечиваются за счет развития природоподобных технологий и биотехнологий в разных отраслях экономики.

Указ обязывает Правительство Российской Федерации разработать механизмы финансирования и ускоренного внедрения данных технологий в экономику, а также обеспечить единство применения приоритетных направлений и наукоемких технологий. Особо следует отметить, что укрепление социокультурной идентичности и повышение уровня образования определены как приоритетное направление научно-технологического развития.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года».

Указанное распоряжение содержит в том числе положения, непосредственно касающиеся системы высшего образования. В частности, документ акцентирует внимание на роли «передовых инженерных школ» — структурных подразделений образовательных организаций высшего образования, осуществляющих образовательную, научную и инновационную деятельность в тесном партнерстве с ведущими технологическими компаниями. Данные школы рассматриваются как центры подготовки высококвалифицированных кадров, способных решать сложные инженерные задачи и разрабатывать передовые технологии [5].

Кроме того, Концепция подчеркивает значимость Национальной технологической инициативы¹, в рамках которой на базе образовательных и научных организаций формируется инфраструктура, обеспечивающая поддержку инновационных проектов и коммерциализацию научных разработок.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года и признании утратив-

¹ Национальная технологическая инициатива — платформа, которая объединяет представителей бизнеса и экспертного сообщества и нацелена на развитие в России перспективных технологических рынков и отраслей.

шим силу распоряжения Правительства РФ от 21.12.2021 № 3759-р».

Данное распоряжение утверждает обновленное «стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования на период до 2030 года» [6].

Основными целями документа являются следующие [6]:

- создание благоприятных условий для инновационного развития науки и высшего образования посредством внедрения цифровых технологий;
- оптимизация процессов управления и информационного обмена в ходе проведения научных исследований;
- упрощение и повышение доступности государственных услуг в сфере науки и образования.
- Для достижения поставленных целей определены следующие задачи:
- поддержка разработки и внедрения отечественных сквозных цифровых технологий в научной и образовательной деятельности;
- проектирование и создание целевых архитектур доменов «Наука и инновации» и «Образование», обеспечивающих интеграцию информационных систем и ресурсов;
- обеспечение приоритетности финансирования научных исследований и разработок, соответствующих потребностям экономики и общества;
- автоматизация и цифровизация процессов предоставления государственных услуг в сфере науки и высшего образования, направленные на повышение их эффективности и доступности;
- развитие сервисов облачных вычислений и технологий искусственного интеллекта для использования в научных исследованиях и образовательном процессе;
- оптимизация организационных и управленческих процессов в научных и образовательных организациях на основе использования данных и современных стандартов управления;
- повышение уровня информационной безопасности в научных и образовательных организациях, направленное на защиту конфиденциальных данных и предотвращение киберугроз [6].

В рамках реализации стратегического направления планируется осуществление ряда крупных проектов, в том числе создание домена «Наука и инновации» в рамках единой цифровой платформы «ГосТех», перевод государственных услуг в сфере науки на реестровую модель, создание и ввод в эксплуатацию национальной базы генетической информации, развитие национального словарного фонда. Документ предусматривает активное внедрение технологий работы с большими данными, искусственного интеллекта и средств обеспечения информационной безопасности во все сферы научной и образовательной деятельности.

Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 марта 2025 г. № 266 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам».

Приказ, вступающий в силу с 1 сентября 2025 года и действующий до 1 сентября 2031 года, устанавливает Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам. Данный «Порядок является обязательным для организаций дополнительного профессионального образования, образовательных организаций высшего образования, профессиональных образовательных организаций, организаций, осуществляющих обучение (научные организации или иные юридические лица)» [4].

Приказ регламентирует следующие аспекты организации и осуществления дополнительного профессионального образования [4].

1. Дополнительные профессиональные программы определяются локальными нормативными актами организаций в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. К освоению дополнительных профессиональных программ допускаются лица, имеющие или получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование.

3. Программы повышения квалификации должны содержать описание приобретаемых компетенций, а программы профессиональной переподготовки — характеристику новой квалификации и видов профессиональной деятельности. Программы

разрабатываются с учетом профессиональных стандартов и квалификационных требований.

4. Определяются цели стажировок, включающие в себя изучение передового опыта, закрепление теоретических знаний и приобретение практических навыков, а также виды деятельности.

5. Отмечается возможность применения модульного принципа, использования дистанционных образовательных технологий и электронного обучения, за исключением программ в области медицинского и фармацевтического образования.

6. Для программ повышения квалификации устанавливается минимальный срок освоения в 16 часов, а для программ профессиональной переподготовки — 250 часов.

7. Предусматривается осуществление внутреннего и внешнего мониторинга качества образования, при этом формы внутренней оценки определяются организациями самостоятельно [4].

Нельзя не упомянуть отдельно и программу «Приоритет-2030», которая представляет собой масштабную государственную инициативу по трансформации системы высшего образования в России и формированию к 2030 году группы университетов, способных стать драйверами научно-технологического и социально-экономического развития страны. Целью программы является создание более 100 современных и прогрессивных университетов, которые станут центрами инноваций, генераторами новых знаний и кадровым резервом для различных отраслей экономики [2].

Участие в программе открыто для всех российских вузов независимо от их организационно-правовой формы, ведомственной принадлежности или географического расположения. Однако для получения государственной поддержки вузы должны соответствовать определенным критериям отбора и представить убедительную программу развития, демонстрирующую их потенциал для достижения поставленных целей.

Начиная с 2025 года программа «Приоритет-2030» реализуется в рамках национального проекта «Молодежь и дети». В начале 2025 года Минобрнауки России объявило о перезапуске программы с акцентом на достижение технологического лидерства России.

В рамках программы «Приоритет-2030» определены следующие приоритеты в сфере высшего образования.

1. Ориентация образовательных программ на удовлетворение потребностей экономики в специалистах, обладающих компетенциями в области искусственного интеллекта, биотехнологий, робототехники, экологии и других перспективных направлениях.

2. Создание и модернизация научно-исследовательской базы университетов, в том числе планируемое создание более 500 новых лабораторий к 2030 году для проведения передовых исследований и разработок.

3. Стимулирование сотрудничества между университетами и предприятиями реального сектора экономики с акцентом на реализацию совместных проектов, направленных на коммерциализацию научных разработок и внедрение инноваций (целевой показатель — не менее 30% проектов).

4. Создание благоприятных условий для карьерного роста и профессиональной самореализации преподавателей и научных сотрудников, развития «мягких навыков» (soft skills) у студентов и выстраивания траекторий профессионального развития, позволяющих реализовать потенциал от студента до руководителя инновационного стартапа.

5. Интеграция российских университетов в международную научную экосистему, расширение возможностей для международного сотрудничества, повышение конкурентоспособности отечественных образовательных услуг и их экспорт на мировой рынок.

В таблице 2 обобщены все рассмотренные стратегические документы, а также кратко выделены определяемые ими приоритеты развития высшего образования в России.

Таблица 2

**Основные стратегические документы,
закрепляющие приоритеты развития
высшего образования в России**

Название документа	Основные приоритеты в области высшего образования
Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343	Вместо привычной схемы «бакалавриат — магистратура» появится модель единого образовательного цикла

Окончание таблицы 2

Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145	1. Обеспечение научно-технологической независимости и конкурентоспособности. 2. Формирование эффективной системы взаимодействия науки, технологий и производства. 3. Создание инфраструктуры для исследований и разработок. 4. Карьерные возможности в науке. 5. Совершенствование подготовки и переподготовки кадров 6. по научно-технологическим направлениям
Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309	1. Воспитание гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности. 2. Увеличение числа иностранных студентов. 3. Вовлечение молодежи в проекты профессионального, личностного развития и патриотического воспитания. 4. Развитие талантов. 5. Развитие профессионального уровня педагогов
Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529	1. Укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования. 2. Развитие отраслей науки и технологий (энергетика, медицина, сельское хозяйство, безопасность информации, транспортные системы)
Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р	1. Развитие передовых инженерных школ. 2. Развитие национальной технологической инициативы. 3. Развитие высокотехнологичных отраслей экономики
Распоряжение Правительства РФ от 05.07.2025 № 1805-р	1. Создание условий для инновационного развития науки и высшего образования через цифровую трансформацию. 2. Оптимизация управления и информационного обмена. 3. Внедрение технологий работы с большими данными и искусственным интеллектом
Приказ Минобрнауки России от 24.03.2025 № 266	Регулирование организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам (повышение квалификации, переподготовка)

В заключение проведенного анализа стратегических документов и текущих тенденций развития высшего образования в России можно констатировать следующее. Сегодня российская система высшего образования находится в процессе активной трансформации, обусловленной как внутренними потребностями развития, так и внешними вызовами глобального мира.

Как показал анализ, основными приоритетами являются, с одной стороны, формирование гармонично развитой личности и повышение конкурентоспособности российских вузов на международной арене, а с другой стороны, развитие научно-технологического потенциала страны и цифровая трансформация образовательной среды. Для реализации этих приоритетов необходимы скоординированные усилия государства, образовательных учреждений и бизнес-сообщества. Сейчас система образования России стремится к наибольшему соответствию меняющимся потребностям и ожиданиям молодежи, для которой высшее образование должно стать не только источником знаний, но и инструментом реализации своего профессионального потенциала.

Концепция внешней политики России 2023 года также четко закрепляет, что в целях «усиления роли России в мировом гуманитарном пространстве, формирования ее позитивного восприятия за рубежом, укрепления позиций русского языка в мире, противодействия кампании русофобии, проводимой недружественными иностранными государствами и их объединениями, а также повышения взаимопонимания и укрепления доверия между государствами» Российская Федерация намерена уделять приоритетное внимание «популяризации и защите от дискриминации за рубежом отечественных достижений в сфере культуры, науки, образования и искусства, а также укреплению образа России как государства, привлекательного для жизни, работы, учебы и туризма» [7].

Литература

1. Образование в цифрах: 2024: краткий стат. сб. / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024—132 с.
2. Постановление Правительства РФ от 13 мая 2021 г. № 729 (ред. от 29.11.2023) «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства “Приоритет-2030”». — URL: <https://priority2030.ru/upload/iblock/682/ftunyauwt8y0>

- gvmso0gqxzy5lZgtepu/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-13.05.2021.pdf (дата обращения: 09.08.2025).
3. Президент РАО Ольга Васильева: «Предстоит большая работа по модернизации программ высшего образования» // ГлавПортал. — URL: <https://glavportal.com/interviews/prezident-rao-olga-vasileva-predstoit-bolshaya-rabota-po-modernizacii-programm-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 09.08.2025).
4. Приказ Минобрнауки России от 24 марта 2025 г. № 266 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202504230011> (дата обращения: 09.08.2025).
5. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/ (дата обращения: 09.08.2025).
6. Распоряжение Правительства РФ от 5 июля 2025 г. № 1805-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 года и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 21.12.2021 № 3759-р». — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507070072> (дата обращения: 09.08.2025).
7. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России: [официальный сайт]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 09.08.2025).
8. Указ Президента РФ от 12 мая 2023 г. № 343 (ред. от 26.06.2023) «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // Президент России: [официальный сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49210> (дата обращения: 09.08.2025).
9. Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470973/ (дата обращения: 09.08.2025).
10. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 09.08.2025).
11. Указ Президента РФ от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478980/ (дата обращения: 09.08.2025).

Колосова Ирина Валерьевна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Irina V. Kolosova,

PhD (history),
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: tenagadalam@yandex.ru

КАСПИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКАЯ ТРУБОПРОВОДНАЯ АРХИТЕКТУРА

CASPIAN-BLACK SEA PIPELINE ARCHITECTURE

Аннотация: статья посвящена вышедшей в свет монографии С.С. Жильцова и И.С. Зонна «Каспийско-Черноморские трубопроводы: новые вызовы». В ней изложены основные положения книги, представляющей собой первое в отечественной научной литературе комплексное политологическое исследование формирования и развития трубопроводной архитектуры региона в условиях растущего геополитического соперничества на энергетических рынках. В статье рассматриваются история трубопроводов региона в период строительства первых бакинских нефтепроводов в XIX веке, исследуется развитие трубопроводной инфраструктуры СССР, обеспечивавшей снабжение нефтью и газом единого народно-хозяйственного комплекса, а также указываются основные направления современной трубопроводной системы, выявленные авторами монографии. Отдельное внимание уделяется российскому направлению трубопроводных маршрутов. Подчеркивается ведущая роль России в обеспечении стабильности в регионе, что способствует формированию единой евразийской системы добычи и перераспределения энергоресурсов. Делается вывод о том, что проведенное авторами исследование может способствовать оптимизации трубопроводной политики России в Каспийско-Черноморском регионе и дальнейшей успешной реализации ее национальных интересов.

Ключевые слова: Каспийско-Черноморский регион, трубопроводная архитектура, геополитическое соперничество.

Abstract: the article is dedicated to the recently published monograph by S.S. Zhiltsov and I.S. Zonn "Caspian-Black Sea Pipelines: New Challenges". It outlines the main provisions of the book, which represents the first comprehensive political science research in the Russian scientific literature on the formation and development of pipeline architecture in the region amid growing geopolitical competition in energy markets. The article explores the history of pipelines in the region in the period of construction of the first Baku oil pipelines in the XIX century, it considers the development of the pipeline infrastructure of the USSR, providing the supply of oil and gas to the unified national economic complex. Also the main directions of the modern pipeline system, which were explored in the monograph, are tackled in the article. Special attention is given to the Russian direction of pipeline routes. The leading role of Russia in ensuring stability in the region is emphasized, which contributes to the formation of a unified Eurasian system of extraction and redistribution of energy resources. The conclusion is made that research conducted by the authors of the monograph may contribute to the optimization

of the Russia's pipeline policy in the Caspian-Black Sea region and for the further successful implementation of its national interests.

Key words: Caspian-Black Sea region, pipeline architecture, geopolitical competition.

Введение

Дипломатическая академия МИД России и издательство «Квант Медиа» выпустили в свет монографию «Каспийско-Черноморские трубопроводы: новые вызовы». Авторы научного труда: заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии, доктор политических наук, профессор Сергей Сергеевич Жильцов и научный сотрудник лаборатории комплексных исследований водных ресурсов Научно-исследовательского центра Московского университета им. С.Ю. Витте, доктор географических наук, профессор Игорь Сергеевич Зонн [3].

Стратегическое значение нефтегазовых ресурсов Каспийско-Черноморского региона во многом определяется его расположением между основными рынками сбыта в Европе и Азии. В исследовании на основе обширного фактологического материала представлен детальный анализ формирования и развития трубопроводной архитектуры региона, начиная с советского периода, когда трубопроводы располагались по линии «Север – Юг» и были направлены на снабжение нефтью и газом единого народно-хозяйственного комплекса Советского Союза, и завершая современным этапом, характерной чертой которого является борьба международных игроков за контроль над источниками и маршрутами экспорта углеводородного сырья. Настоящее издание представляет собой первое в отечественной научной литературе комплексное политологическое исследование столь сложной и многоаспектной темы.

Монография состоит из пяти глав. Первая глава посвящена формированию трубопроводной инфраструктуры в регионе в советский период. Во второй главе рассматривается углеводородный потенциал Каспийского региона, а в третьей — Причерноморья. Четвертая глава посвящена основным трубопроводным направлениям. В пятой главе авторы подробно рассматривают трубопроводные проекты Каспийско-Черноморского региона на современном этапе.

Истоки формирования Каспийско-Черноморской трубопроводной архитектуры

Каспийское море является колыбелью морской нефтедобычи, поскольку у берегов Баку началась история мировой морской добычи «черного золота». Становление нефтегазовой отрасли возникло на этапе промышленного развития Каспийско-Черноморского региона. Как отмечают авторы, строительство первых нефтепроводов на Каспии началось еще в Российской империи в XIX веке. В 1863 году знаменитый русский ученый-химик Д.И. Менделеев выдвинул идею использования нефтепроводов для перекачки нефти вместо гужевого транспорта [3, с. 10].

Малоизвестный факт, однако именно Д.И. Менделеев стоял у истоков нефтяной отрасли в России и был одним из крупнейших в мире специалистов своего времени в этой области. Он сформулировал «принцип непрерывной дробленной перегонки нефти, а также настаивал на необходимости эффективного использования всех полученных нефтепродуктов. Ученый доказал, что остатки нефти после отгонки бензина и керосина содержат превосходные смазочные масла» [5].

В 1878 году по проекту русского инженера В.Г. Шухова был построен первый нефтепровод в Бакинской губернии для нефтяной компании братьев Людвиг и Роберта Нобеля. Протяженность нефтепровода «Балаханы – Черный город» от промыслов до нефтеперегонных заводов составила девять километров. В 1879 году начался ввод в эксплуатацию ряда новых нефтепроводов. В результате стоимость перевозки одного пуда нефти снизилась в 9 раз и строительство нефтепроводов полностью окупало себя уже за ближайший год [1].

В 1894 году вышла в свет книга В.Г. Шухова «Трубопроводы и их применение в нефтяной промышленности», где впервые была сформулирована классическая теория нефтепроводов и приведены математические формулы, описывающие процессы транспортировки нефти и мазута.

Как указывают авторы монографии, первые нефтепроводы осуществляли доставку «черного золота» по Каспийскому морю в Астрахань, а также по железной дороге в Ростов, Севастополь и Одессу. Активное развитие нефтепроводной отрасли позволило бакинской нефти достичь черноморских портов. В 1907 году

был запущен первый нефтепровод по маршруту Баку – Батуми протяженностью 853 км, чуть позже был введен в эксплуатацию нефтепровод «Грозный – Махачкала», часть которого проходила по дну Каспийского моря [3, с. 11].

С момента возникновения молодого советского государства руководство страны уделяло большое внимание вопросам добычи и транспортировки каспийской нефти. В 1920–1930 годах активно развивалась советская нефтяная промышленность, применялись передовые технологии добычи и переработки нефти. В 1928 году был запущен нефтепровод «Грозный — Туапсе» протяженностью 648 км, осуществлявший доставку каспийской нефти в Черноморский регион.

Во время Великой Отечественной войны бакинский нефтепромышленный район приобрел важное военно-стратегическое значение. После оккупации части нефтяных районов Кавказа немецкое командование планировало осуществить захват нефтепромыслов Баку для обеспечения армии топливом. В результате большое количество бакинских скважин были законсервированы, а добыча энергоресурсов перенесена вглубь страны. Важным центром добычи энергоресурсов стала Волго-Уральская нефтегазоносная область, которую стали именовать «вторым Баку».

После победы в Великой Отечественной войне каспийское направление нефтедобычи вновь набирало обороты. В 1946 году на Каспии были обнаружены новые месторождения нефти. В 1950 году был введен в эксплуатацию трубопровод «Баку – Батуми» протяженностью 852 км. Развитие трубопроводной инфраструктуры позволило нарастить объемы поставляемых нефтепродуктов как внутри страны, так и на внешнем рынке. Авторы указывают на то, что в 1960-х годах производилась дальнейшая разведка нефти и газа. В частности, в 1963 году был построен крупный газопровод «Бухара – Урал», протяженность которого составила 2000 км [3, с. 12].

В советский период в Азербайджане был создан мощный нефтеперерабатывающий сектор экономики. В частности, действовали два крупных нефтеперерабатывающих завода (НПЗ) — Бакинский и Новобакинский. Параллельно создавалась система газопроводов «Средняя Азия — Центр». Впоследствии добыча нефти и газа стала перемещаться в северные районы страны.

Авторы констатируют, что прикаспийские нефтегазовые запасы рассматривались в СССР как стратегический резерв, в то время как продолжали проводиться активные разработки месторождений Западной Сибири [3, с. 14]. В 1980-х годах был введен в эксплуатацию нефтепровод «Тихорецк — Баку», позволивший перерабатывать сибирскую нефть на бакинских НПЗ.

В 1973 году в связи с нефтяным кризисом, когда произошел резкий подъем цен на нефть, СССР значительно увеличил количество экспортируемой нефти на мировом рынке. Нефть отправлялась через страны СЭВ¹, по территории которых были проложены нефтепроводы. Одной из крупнейших в мире систем магистральных трубопроводов стал нефтепровод «Дружба», который обеспечивал доставку нефти из Волго-Уральского региона в социалистические страны Восточной Европы.

Распад СССР коренным образом изменил логистические связи в Евразии, запустив долгосрочный процесс формирования и оптимизации транспортной инфраструктуры региона в условиях новых международных реалий. Наряду с российским направлением экспорта энергетических ресурсов активно развиваются новые – в обход территории России.

Трубопроводная архитектура в постсоветский период

Каспийско-Черноморское направление экспорта углеводородов приобрело особую актуальность, в связи с чем регион превратился в арену противостояния ведущих стран мира, обусловленного их национальными интересами и стремлением к обеспечению контроля над его энергоресурсами и трубопроводами. Страны Запада, заинтересованные в вытеснении России из региона, активно включились «в политическую трубопроводную игру», в передел нефтегазового рынка региона и разработку новых трубопроводных проектов [3, с. 66–70].

В 1990-е годы возрастанию интереса глобальных игроков к региону способствовало распространение в СМИ завышенных прогнозных оценок запасов углеводородных ресурсов на Каспии. Для новообразованных каспийских государств их ресурсный потенциал и торгово-транспортная инфраструктура стали важным механизмом обеспечения экономического процветания и политиче-

¹ Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) — межправительственная экономическая организация, действовавшая в 1949–1991 годах.

ской стабильности [2, с. 114–131]. Прикаспийские государства стремились заручиться поддержкой стран Запада и привлечь инвестиции, необходимые для развития экономики. Так, энергетическая дипломатия и инфраструктурные проекты выступают в качестве ключевых инструментов реализации внешней политики Азербайджана, Казахстана и Туркменистана. История современных трубопроводных проектов во многом отражает стремление этих стран ослабить транспортно-коммуникационное доминирование России и диверсифицировать трубопроводные маршруты.

Регион стремится стать крупным транспортно-логистическим узлом, соединяющим Восток и Запад. В связи с этим авторы подробно рассматривают четыре основных трубопроводных направления, сложившиеся в регионе после распада СССР: северное, центральное, южное и восточное.

«Северное (европейское/российское) направление включает транспортировку нефти из Азербайджана и Казахстана в Новороссийск. Центральное (западное/кавказское) направление связано с транспортировкой нефти из Азербайджана к черноморскому побережью через Грузию и Турцию и далее к турецким терминалам на Средиземном море. Также к этому направлению относится казахстанская нефтепроводная трасса. Южное (ирано-пакистанское) направление составляет транспортировка нефти из Азербайджана в Иран и Турцию, а также казахстанской нефти через Туркменистан к иранским терминалам в Персидском заливе и пакистанским терминалам в Индийском океане» [3, с. 70].

Восточное (азиатское) направление обеспечивает транспортировку казахстанской нефти в Китай.

Авторы указывают, что «аналогичная классификация применима и к газопроводам» [3, с. 71].

Российское направление трубопроводных маршрутов: новые вызовы

Россия остается одной из крупнейших стран — экспортеров нефти, и Каспийско-Черноморский регион для нее имеет решающее экономическое и геополитическое значение.

Трубопроводные проекты российского (северного) направления связаны с транспортировкой энергоресурсов Каспийско-Черноморского региона через территорию России. Одним

из крупнейших международных нефтетранспортных проектов в регионе является Каспийский трубопроводный консорциум (КТК), «созданный для строительства и эксплуатации Каспийского магистрального трубопровода. Участие в КТК принимает Россия, Казахстан, Оман и ряд иностранных добывающих компаний» [4]. Трубопровод транспортирует нефть из месторождений Западного Казахстана до новороссийского морского терминала, откуда на танкерах она отправляется на международные рынки.

Первое рамочное соглашение о создании КТК относится к 1992 году, когда Казахстан достиг договоренностей сначала с Оманом, а затем – с Россией. В 1996 году КТК был реструктурирован с передачей 50% акций крупнейшим международным нефтяным компаниям под обязательство финансирования строительства нефтепровода системы. Отгрузка первого танкера в Новороссийске была произведена в октябре 2001 года. Строительство нефтепровода «Тенгиз – Новороссийск» позволило России транспортировать казахстанскую нефть, что стало значимой российской геополитической победой на Каспии [3, с. 82].

Другими важными направлениями экспорта каспийских ресурсов являются трубопроводы «Узень — Атырау — Самара», «Баку — Грозный — Тихорецк — Новороссийск», а также «Баку — Тбилиси — Сухуми — Новороссийск». Авторы заключают, что экспорт казахстанской и азербайджанской нефти через порт Новороссийск предоставил России эффективный инструмент влияния на положение дел в регионе [3, с. 83].

Вместе с тем произошла переориентация поставок азербайджанской нефти на Запад. После введения в строй нефтепровода «Баку — Тбилиси — Джейхан» поставки азербайджанской нефти на российском направлении снизились. Однако в связи с наблюдаемым в последние годы падением объема нефтедобычи в Азербайджане обсуждаются возможности осуществления поставок российской нефти по трубопроводу «Тихорецк — Баку».

В области газопроводов в целом ситуация складывалась сходным образом. В частности, после распада СССР для Туркменистана, занимающего 5-е место в мире по запасам газа, единственная возможность его поставок на внешний рынок осуществлялась через территорию России [3, с. 96]. Логистическая зависимость подталкивала вновь образованное го-

сударство к диверсификации трубопроводных маршрутов. Россия, в свою очередь, стремилась реконструировать существовавшие со времен СССР газотранспортные системы, такие как газопровод «Средняя Азия — Центр», а также построить новые. Как отмечают авторы, «в 2007 г. на встрече президентов России, Казахстана и Туркменистана было принято решение о строительстве Прикаспийского газопровода, однако оно так и не было реализовано, поскольку Ашхабад счел его недостаточно выгодным» [3, с. 99].

Туркменистан параллельно вел переговоры с Китаем о поставках газа. В результате в 2009 году был построен газопровод «Туркменистан – Китай» (известный также как трубопровод «Центральная Азия – Китай»). Этот магистральный газопровод стал одним из крупнейших в мире. Он охватывает территории Туркменистана, Казахстана, Узбекистана и соединяется с китайской магистралью «Запад — Восток» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Строительство новых газотранспортных маршрутов отражает стремление Китая проникнуть в энергетический сектор Центральной Азии, а также готовность вкладывать средства в газотранспортные проекты региона без участия России.

Несмотря на отсутствие инфраструктуры, способной обеспечить доставку газа в Европу в обход России, в 2024 году Ашхабад подписал ряд соглашений о сотрудничестве с Австрией, Венгрией, Турцией и Ираном, которые в основном имеют политический характер. Среди данных стран ключевым участником, способным обеспечить поставки углеводородных ресурсов Туркменистана, является Турция [3, с. 110]. В ближайшем будущем планируются поставки туркменского газа в Турцию через территории Ирана и Афганистана. Иран также заявил о своей заинтересованности в поставках газа из Туркменистана [3, с. 111]. Ашхабад рассчитывает использовать мощности существующего между Ираном и Турцией магистрального газопровода для осуществления своих газовых поставок. Анкара, в свою очередь, рассчитывает на упрочение своих позиций на европейском рынке и планирует стать крупным региональным газовым хабом [3, с. 174].

Страны ЕС и США продолжают обсуждение проекта по строительству Транскаспийского подводного газопровода, который должен обеспечить транспортировку природного газа из Туркме-

нистана и Казахстана в обход России – через Азербайджан и Грузию – в Турцию, а далее – в страны Евросоюза.

Таким образом, вовлечение всё большего количества государств в трубопроводные проекты Каспийско-Черноморского региона отражает их стремление закрепиться в регионе и прокладывать новые маршруты поставки энергоресурсов в ущерб российским интересам.

Помимо энергоресурсов Каспия в последние десятилетия возрастает значение запасов углеводородного сырья причерноморских государств, расположенных на шельфе Черного и Азовского морей [3, с. 49]. Данные о значительных шельфовых запасах черноморских углеводородных ресурсов позволили экспертам сравнивать их с каспийскими запасами, поскольку структура морей формировалась в ту же геологическую эпоху. Освоение своих частей шельфа Черного моря предпринимают Румыния, Украина (до 2014 г.), Турция и Россия.

В 2002 году государственное унитарное предприятие Республики Крым «Черноморнефтегаз» начало проводить разработку Палеозойского и Высокого участков на шельфе Азовского моря. Однако в 2022 году по буровым платформам предприятия были нанесены ракетные удары, в связи с чем добыча углеводородного сырья была временно приостановлена, а сотрудники эвакуированы. Авторы отмечают, что к 2055 году планируется наращивание добычи азовского газа до 2 млрд куб. м [3, с. 59].

Перспективы развития трубопроводных проектов

На современном этапе авторы констатируют процесс коренной трансформации мирового энергетического пространства, который происходит в условиях растущего геополитического соперничества на энергетических рынках.

Провозглашение США и странами ЕС политики снижения зависимости Европы от российских энергоресурсов вплоть до полного отказа от них требует оперативного поиска новых поставщиков энергоресурсов и маршрутов, обеспечивающих их бесперебойную поставку. В связи с этим востребованность энергоресурсов Каспийско-Черноморского региона в последние годы значительно возросла. В частности, Каспийско-Черноморское направление стало частью долгосрочной стратегии ЕС по расширению

круга поставщиков газа. В свою очередь, страны – поставщики природного газа стремятся обеспечить себе доступ к рынкам энергоресурсов Европы и Китая. В целом за прошедшие десятилетия с момента распада СССР в Каспийско-Черноморском регионе сформировалась новая трубопроводная инфраструктура, которая позволяет осуществлять поставки нефти и газа на европейский и китайский рынки [3, с. 276].

Авторы констатируют, что после распада СССР углеводородные запасы Каспийского региона стали сравнивать с Персидским заливом и запасами Северного моря. Однако, вопреки ожиданиям, Каспийский регион не сумел стать вторым Персидским заливом и вряд ли сможет претендовать на роль ведущего альтернативного источника для мирового нефтяного рынка, поскольку его нефтяные запасы составляют не более 4% от мировых. Не в пользу оптимистических прогнозов выступает и необходимость осуществления значительных вложений в дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры региона [3, с. 276].

Кроме того, в настоящее время страны Запада стремятся к сокращению потребности в природном газе и диверсификации поставок сжиженного природного газа, который представляет собой альтернативу трубопроводным поставкам. Также к 2050 году планируется осуществление амбициозного проекта четвертого энергоперехода, предполагающего создание системы низкоуглеродной энергетики и наступление эпохи возобновляемых источников энергии. В связи с этим дальнейшая перспектива упрочения Каспийско-Черноморского региона на энергетическом рынке остается неясной.

Ведущая роль в обеспечении стабильности в регионе остается за Россией, энергетическая политика которой не нацелена на геополитическое доминирование в отличие от стран Запада, а способствует формированию единой евразийской системы добычи и перераспределения энергоресурсов.

Авторами подробно рассмотрены геополитические и геоэкономические аспекты «большой трубопроводной игры», поскольку новые энергетические проекты формируются под влиянием внерегиональных государств, для которых доступ к углеводородным ресурсам означает усиление их политического веса в регионе и одновременное ослабление позиции России. Выводы иссле-

дования имеют не только научную, но и особую практическую значимость, поскольку они могут способствовать оптимизации трубопроводной политики России в Каспийско-Черноморском регионе и дальнейшей успешной реализации ее национальных интересов.

Несмотря на специфику исследуемой проблематики, книга адресована не только специалистам, но и широкому кругу читателей, предлагая совершить увлекательное путешествие по трубопроводным маршрутам Каспийско-Черноморского региона.

Литература

1. *Джафаров К.И., Джафаров Ф.К.* Товарищество нефтяного производства братьев Нобель // Науковедение. — № 1. — 2001. — URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/BRANOBEL.HTM/> (дата обращения: 04.06.2025).
2. *Жильцов С.С.* Трубопроводная архитектура в Каспийском регионе: итоги и перспективы // Politbook. — № 2. — 2015. — С. 114–132.
3. *Жильцов С.С., Зонн И.С.* Каспийско-черноморские трубопроводы: новые вызовы. — М.: Квант Медиа, 2025. — 280 с.
4. Каспийский трубопроводный консорциум. — URL: <https://www.cpc.ru/ru/about/Pages/default.aspx>. (дата обращения: 04.06.2025).
5. *Шмат В.В.* На витке исторической спирали, или Возвращение Менделеева // Идеи и идеалы. — 2013. — № 2 (16). Т. 1. — С. 93–108.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах.

Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [8, с. 12] или [8, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2025. № 3 (45)

Редактор *Н.В. Багрова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 04.06.2025. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 11
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5